

ВОКРУГ СВЕТА

1 1970
ЯНВАРЬ

стр. 48

стр. 54

стр. 22

стр. 8

1970

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1
ЯНВАРЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

стр. 2

стр. 78

На страницах номера:

ЛЮДИ ЛЕНИНСКОЙ ЭПОХИ
«Ночи без причалов» — о моряках, ведущих речные суда среди океанских льдов.

«Кобанская бронза» — лауреат Ленинской премии Е. И. Крупнов рассказывает о поиске и открытиях советских археологов.

К 25-летию победы над фашистской Германией. Рейс Магадан — Хабаровск с грузом золота.

Знакомьтесь: рыцари XX века.

Как сохранить диких животных? — в кают-компании «Вокруг света» профессор А. Г. Банников.

Сотни и тысячи банкротств — будни страны «экономического бума». Рассказ японского писателя Сакё Комацу.

Австралийские наблюдения писателя Д. Микеша и путешественников супругов Уоллес.

Пигмеи трех континентов. Историко-географический очерк.

После долгой зимовки вновь раздалась команда: «Вира якоря». Мы выходим из Анадырского лимана. В прошлую навигацию наш караван сумел добраться из Архангельска до Анадыря. Здесь нас и застала непогода, зима. Здесь и встали у причалов суда, ожидая будущей навигации, чтобы продолжить плавание к нашим восточным берегам. И вот она наступила...

В порту по-хозяйски снуют маленькие речные СТ. Год назад они совершили с нами переход и теперь работают в Анадыре — порту приписки. Перегонную команду на них сменила новая, постоянная, и, верно, эти ребята не знают, что их суда наши долгие попутчики... Но едва мы выбрали якоря, на наши прощальные гудки именно СТ, не прекращая работы, отозвались длинными, пронзительными гудками. Было спокойно. Ветра не было, суда шли, радиооператоры поддерживали связь между судами. Но этот апельсиновый горизонт в полнеба! Было что-то неправдоподобное в этом цвете, что-то мистическое в кровавых и черных стремительных надрезах... К девяти часам вечера закат растворился, небо впереди почернело. Пошел дождь. Через час волна стала больше, накатистей. Караван все еще продвигался к черневшему впереди циклоническому небу. Ветра еще не было, только низкие тучи, похожие на горы, окружали караван со всех сторон. Вместе с дождем пошел мягкий снег. Тучи все больше смыкали свой круг, и было такое впечатление, что караван стоит в бухте, защищенный со всех сторон горами, и только высоко-высоко над нами чистый кусок темно-синего неба и в нем спелые, вызревшие звезды.

НАДИР САФИЕВ, наш спец. корр.

НОЧИ БЕЗ ПРИЧАЛОВ

Выходим в открытое море. «Якоря крепить по-походному». Сколько раз мы слышали эту фразу и принимали ее как сигнал к долгому плаванию, плаванию без причалов!.. После этой команды где-то внутри тебя начинает звучать далекий камертон, от него щемит в груди и тревожное напряжение пробегает по мышцам, как бывает, когда после перерыва вновь берешься за необходимую тебе работу и становишься сосредоточенным и молчаливым. Сейчас нас ждали Тихий океан и причалы далеких пока Николаевска-на-Амуре и Находки...

Уже конец июля, а в Беринговом море еще следы прошлогодней зимы — лед.

Стас стоит за гирокомпасом, его крепкие руки словно не переставали держать штурвал. Смотрю на него и думаю, что он как-то сразу включился в работу, минуя то состояние размагниченности, которое нередко возникает после прощания с портом.

Кеша с Николаем, закрепив стальным тросом бочки у фальшборта, подгоняют деревянные распорки на стояках между бочками и выступом трюма: они знают, что такое океан.

Борис Дьячков, радист, тихо говорит мне, что идем мимо «нашей» бухты. Сейчас над бухтой яркое солнце, вода спокойная, тихая. Даже скала, выпачканная зелеными мазками, совсем другая. Она обрушилась, и видны четкие полосы породы. Тогда она была белой, нависшей над берегом.

Как будто мы были не здесь, как будто не здесь нас за год до этого трепал шторм!..

...Вечер шестого октября караван встретил тогда в Беринговом море. Закатное солнце подсветило море, корпус корабля, заглянуло в иллюминатор. Чем ниже уходило солнце за линию горизонта, тем бо́льшее зарево разливалось по небу. Густое и красное, оно словно растворялось в небе, бледнело, отдавая свой цвет. Апельсиновый горизонт резко прочертили похожие на черные молнии тучи. Судно перекладывала с борта на борт крупная зыбь, но в Тихом океане это дело обычное. Пока все было спокойно.

Мы смотрели на это как на чудо. Неожиданно в неположенное время пришла радиограмма: «Находитесь в центре циклона смещающегося норд-ост тчк». Но море все еще спокойно. Только волна более глубокая и накат ее продолжительней. Наше судно все глубже зарывалось носом, все выше его выносило на гребень волны... И вдруг первый неожиданный удар. Откуда подкралась эта волна — непонятно. Но это как удар из-за угла. Мощный, внезапный. Волна накрыла шлюпочную палубу, опрокинула на борт судно, вспенилась и рассыпалась. Было слышно, как что-то внутри судна не устояло и покатилось. Эта волна показалась случайной, но прошло несколько минут, и только было забыли об этом ударе, как новый мощный и снова неожиданный бросок, сильный крен и вслед за ним удар. Дверь рубки распахнулась, и всех окатило водой. Удары волн становились все чаще, чаще, началась какая-то фантастическая пляска. Все, что было не закреплено, полетело на палубу. Уже не было видно ни синего клочка неба, ни черных туч, похожих на горы. Вода вдруг вспенилась, закипела. С оглушительным ревом налетел шквальный ветер. Он ревел, как аэродинамическая труба, из которой с бешеной скоростью вырывался снег. Волн не стало. Не стало неба. Был только кипящий водоворот. Снежный заряд закрыл не только впереди идущее судно — ничего не было видно на расстоянии пяти метров. В течение пятнадцати минут шторм достиг двенадцати баллов.

Флагман передал по каравану: «Идем в ближайшее укрытие» — и сообщил координаты.

Наш капитан Михаил Тимофеевич вызвал радиста Палагина. Пока Палагин настраивал ослепший локатор, капитану помогли открыть дверь рубки, и он с биноклем вышел на мостик, пытаясь разглядеть маяк. Согнувшись, прижимаясь животом к борту, он вглядывался в море. Что он там видел?

С локатором явно что-то случилось. Наконец Палагин сообразил, в чем дело: снежный заряд забил антенну, излучающая поверхность ее заледенела, покрылась толстым слоем снега, и антенна заземлялась. Надо было очистить ее. Кто?

Рассказ о плавании, которое длилось две навигации, и людях, сумевших провести речные суда через суровые моря двух океанов.

Втроем приоткрыли дверь, и двое выбрались наружу — Палагин и Стас. Мы видели, как они пробирались вдоль борта на верхнюю палубу. Их руки скользили по обледеневшему борту. Обоих накрывало волной. Каждый из нас в рубке чувствовал, как их одежда леденеет... Добравшись до скобтрапа, Стас и Палагин оказались совсем не защищенными от ветра и снега. Палагин страховал снизу, Стас полез наверх: обхватив левой рукой скобу, правой хватался за следующую, поднимаясь на ступеньку трапа и стараясь прочно поставить ногу. Даже уткнувшись подбородком в грудь, Стас с трудом втягивал воздух. Ветер буквально отдирал его тело от мачты. Выше, выше — еще один шаг, а судно кренит с борта на борт, и Стас, приникший к мачте, раскачивается... Наконец, выбрав момент, он обхватил одной рукой мачту, скрестил ноги и, прижимаясь еще плотнее, вдавливая себя в железо, начал свободной рукой счищать снег и отдирать лед.

Локатор ожил.

— Кажется, флагман бросил якорь, — проговорил Михаил Тимофеевич, согнувшись над локатором. И, словно в подтверждение, в динамике радиотелефона раздался голос Бориса Дьячкова — тогда он был радистом флагмана:

— Я — «Балтийский». По каравану... Отдали якорь.

Не прошло и нескольких минут, как в радиотелефоне возникло:

— «Балтийский», я — «Стрелец». Судно выскочило на камни. Получили пробоину. В машинное отделение поступает во... — Голос оборвался на полуслове. Все переглянулись, а Палагин бросился в радиорубку. И снова в динамике возник голос Бориса Дьячкова:

— «Стрелец», «Стрелец», я — «Балтийский». «Стрелец», отвечайте...

«Стрелец» молчал; но вместо него в эфир вклинился голос радиста «Онеги».

— Я «Онега», «Онега», судно сильно трясет. Очевидно, выскочили на камни.

В рубку вбежал Палагин.

— «Стрелец» тонет, надо запеленговать его...

К тому, что «Онега» выскочила на камни, все отнеслись тогда, после сообщения о «Стрельце», спокойно. Пробоины на «Онеге» не было, а на «Стрельце», казалось, дела были плохи. И главное его не было слышно.

...Все произошло, как выяснилось потом, очень быстро. «Стрелец» бросало из стороны в сторону. В локаторе изображение ухудшилось, но он показывал, что до берега оставалось около мили. Только капитан приказал отдать якорь, как судно подхватила волна, высоко подняла и бросила на камни. Машинное отделение получило пробоину и в минуту было затоплено водой. Генератор еще несколько секунд продолжал работать, но заглох, и вся бортовая электросеть отключилась. Автоматически врубились аварийные аккумуляторы, внутри и снаружи вспыхнули огни. Радист перешел на аварийную рацию, и только тогда Борис Дьячков сумел пробиться к нему:

— Сообщите положение судна...

«Стрелец» постепенно кренился на один борт. Корма его затонула, и до вельбота на главную палубу добраться было невозможно. Волна накрывала судно, и только нос его и палуба мостика еще были наверху. Каждую минуту новой волной судно могло сбросить с камней и перевернуть. Вся команда собралась в ходовой рубке. Только один радист оставался в радиорубке. Случись тогда новая беда, он не сумел бы выскочить. Команда надела спасательные жилеты. Матросы, едва удерживаясь на ногах, вышли на верхний мостик, вскрыли контейнер и разложили резиновый плот, пытаясь надуть его...

Дьячков передал распоряжение флагмана:

— В критический момент покидайте судно.

Со «Стрельца» ответили:

— Если будет возможность, будем держаться до утра...

— Хорошо сказать — держаться, — проговорил Михаил Тимофеевич. Мы слушали разговор «Стрельца» с флагманом, боясь пропустить слово.

На материке, за тысячу миль, людям кажется, раз кто-то есть рядом, значит ничего страшного. Помогут. Ведь всего-то двести-триста метров! А как помочь? Темная, слепая, снежная ночь. Нельзя даже двинуться. Того и гляди сорвет якорь. Судно напоминало дикую лошадь на привязи, так были натянуты и дрожали обе якорные цепи. Подойти и помочь — значит сняться с якоря, но судно выкинет, как шлюпочку. Кипящий океан не находил выхода: у берега он образовывал мощную волну и, вложив в нее всю свою ярость, обрушивал на скалистый берег.

Все молчали, словно ждали чего-то. «Как там люди?» Об этом тогда думали все.

Медленно, очень медленно светало. Время от времени кто-то выходил проверить якорь. В радиотелефоне тихо. Молчали радисты, молчал флагман.

Снежный заряд прекратился, когда уже стало совсем светло. Можно было выйти и осмотреться. «Стрелец» чернел у самого берега, под белой отвесной скалой, той самой, которая позже обрушилась. «Онегу» не было видно, ее угадывали по черному дыму из трубы. Дым поднимался на фоне заснеженного скалистого берега.

К часу дня шторм утих, но на море осталась тяжелая зыбь, и она обрушивалась на берег, на «Стрелец» и «Онегу». По-прежнему опасным положение оставалось лишь на «Стрельце». Волна била его в корму, заносила и тащила по каменной гряде то вправо, то влево. «Онега» же плотно сидела на гальке, у нее работали машины, на судне было тепло, и ничто не угрожало людям.

До прихода судна-спасателя решили снять со «Стрельца» часть людей. Это заняло всю вторую половину дня: мотобот с «Морского-13» на большой волне с трудом подобрался к судну. Люди передавали спасенным свои полушубки, варежки, сигареты, термосы с горячим кофе.

После бесконечной ночи это был первый мост к потерпевшим бедствие...

Мы проходим бухту, она удаляется, но и Борис Дьячков и я продолжаем смотреть на ее неподвижную воду. В рубке тихо. Наверное, все переживают сейчас то же, что и мы. И радист Палагин, с которым мы в прошлый раз шли на одном судне — он идет сейчас с нами рядом на «Капитане Лысенко», — конечно, тоже смотрит на бухту...

Когда мы встали на зимовку в Анадыре, ребята, разъезжаясь, договорились вернуться, несмотря на то, что вновь предстояло идти на речных судах через океан и вновь могли быть неожиданности. И все вернулись. Хотелось довести свои суда до портов назначения и встать, наконец, у причалов. О них мечтали в открытом море, но стоянки тяготили нас, как только бросали якоря. Все торопились выйти в Тихий океан. Стоянки в Обской губе и прощальные гудки части каравана, уходившей на Обь, а затем длинные гудки судов, уходивших на Енисей,

Караван во льдах. Фотоэтюд В. САККА.

на Лену, — все это было лишь половиной дела нашей экспедиции и еще не сулило конца плавания остальным.

Торопились и после того, как простились с ледоколами, вышли из Берингова пролива и пришли в бухту Провидения. Ребята, отмечавшие на карте наш маршрут, ходили довольные, договариваясь о том, что будут делать после перегона, одним словом, всем хотелось верить, что причалы Амура близки и что тайфун Фая, бушевавший в Тихом океане, к нам никакого отношения не имеет...

Первые суда каравана уже давно дошли до своих причалов и работают в портах на сибирских реках, и в этом есть частица труда и Стаса, и Кеши, Николая, радистов, капитанов — всех, кто теперь идет на

оставшихся судах дальневосточной группы и смотрит сейчас на удаляющуюся маленькую бухту. Над ее спокойной водой все так же светит солнце, но тогда, после первого шторма, она выглядела совсем иной, да и трудности наши после той ночи не кончились...

К вечеру седьмого октября ветер успокоился. Наступило затишье. Подсвечены заходящим солнцем заснеженные сопки и скалы. Небо ясное, с красноватым горизонтом. Над бухтой желтая с потеками акварельная луна, словно только что нарисованная. Неожиданно получили радиограмму из Владивостока: «Связи выходом юга нового глубокого циклона вашем районе ожидается зюйд-ост 12 баллов тчк Примите все меры снятия м/б Стрелец зпт п/х Онега до ухудшения погоды тчк Каравану за исключением судов которые будут заняты аварийными работами немедленно возвратиться для укрытия в Анадырский лиман тчк».

Только пережили один шторм, принесший беды, как надо было удирать от второго. Новый циклон надвигался с океана, и оставаться в бухте было опасно: ветер мог сорвать суда с якорей и выбросить на скалы.

В притихшей бухте, где-то вдалеке, у берега, видны тусклые огни «Онеги». «Стрелец» совсем растворился в сумерках.

Пришедший к концу дня спасатель снял со «Стрельца» остальных людей и шесть человек с «Онеги». Весь экипаж не мог оставить судно. Капитан приказал не гасить топку: была надежда, что, если утихнет ветер, спасатель сумеет стянуть «Онегу» с гальки. Но после двенадцати часов ночи ветер усилился, зыбь на море снова стала глубокой. Когда на спасателе поняли, что шторм неизбежен, что спустить вторично бот и попытаться снять с «Онеги» оставшихся девять человек невозможно, им предложили выбираться на берег: ветер и волны могли швырнуть судно на скалы. К тому же на судне появилась течь. «Онега» могла потерять остойчивость и на волне перевернуться. Спасатель передавал:

«Когда выйдете на берег, идите влево вдоль отмели, до устья реки Плавниковой. Подымитесь вверх по ней и поищите брод. Затем сразу же перейдите на другую сторону и держитесь вдоль берега до верховья реки. Придете в бухту Гавриила. Вам выйдут навстречу зимовщики... В связи с усилением ветра уходим вслед каравану. Подойти к вам не можем. Гасите топку и уходите».

Надо было торопиться. Шлюпку так швыряло, что еще немного, и не успели бы сесть в нее — ее перевернуло бы волной. В шлюпку спустили бочонок с соляркой на всякий случай, узлы с теплым бельем, телогрейками, надели красные спасательные жилеты. Но едва сели в лодку, как накатная волна подхватила ее, швырнула, и теплое белье, бочонок, рюкзаки с продуктами полетели за борт. Люди ухватились за борта, и шлюпку выкинуло на берег. Боцман долго привязывал ее к большому валуну...

В море, на судах каравана, несмотря на шторм, всех волновало только одно: как экипаж «Онеги»? Палагин поймал сообщение буксира, оставленного в помощь спасателю: «Видели, как девять человек шли по берегу. Они направлялись в бухту Гавриила. В бухте у зимовщиков есть радиостанция... Если будут новости, передадим...»

Они прошли вдоль берега мимо отвесных скал и обогнули небольшой мыс. Мокрая одежда твердела, обрастала коркой. До устья реки добрались сравнительно быстро. Надо было найти брод, поднимаясь вверх по реке. Вокруг не было ни дорог, ни тропинок. Грязь, снег, скользкие валуны. Как будто прошел каменный дождь; сопки, склоны, берега реки — все усеяно камнем, от мелкой гальки до гладких, похожих на спины моржей крупных валунов. Впереди шли матросы Кеша и Николай с оставшимися мешками продуктов. Они моложе и крепче остальных. Шли быстро. Река заметно мелела, и были видны мелкие буруны. Прикинули, с какого на какой камень удобнее переступать, — и Николай шагнул первым. Неглубоко, только кое-где камни прикрыты водой так, что сапоги погружались в нее по щиколотку. Острее стало ощущение холода. Надо было двигаться быстрее...

Они еще слышали удаляющийся шум прибоя. Настигал ветер, и, пожалуй, только у Николая и Кеши спины были защищены от него тяжелеющими постепенно мешками. Река петляла между сопками, и чем дальше шли в глубь материка, тем труднее было ступать по мокрым камням. Справа и слева высокие заснеженные сопки, скалы: долина реки казалась зажатой ими. Загнанные ветром тучи обрушили вдруг холодный дождь.

Перешли неширокий ручей, а через полчаса речушку, один из притоков реки Плавниковой. Дождь пошел мельче и сквозь него редкие снежинки, как будто их сдувало с сопок сильным воющим ветром, но скоро дождь со снегом превратился в легкую метель, потом в слепящий буран. Перешли вброд еще одну речушку и решили, обогнув ближнюю сопку, попытаться найти тихую подветренную сторону и сделать привал. Подошли к выступу острой высокой скалы. Ветер дул как из трубы, идти дальше было невозможно. Кое-как расположились под скалой, молча достали консервы, галеты. Поели.

— Ну как, ребята? — спросил капитан.

— Пока ничего, — ответил кто-то.

— Может, попробуем отжать портянки?

На холодном ветру снимали и откручивали портянки. Судя по времени, где-то рядом должны были быть вышедшие навстречу зимовщики. Капитан достал три ракеты и, даже не глядя вверх, выстрелил. Подождали немного, осмотрелись — ответных ракет не было. Выстрелов не слышали.

Встали, пошли чуть быстрее, чтобы согреться. Ватные брюки затвердели и безжалостно натирали ноги. Ветер и буран все плотнее. В нескольких шагах ничего не было видно. Приходилось идти, опустив голову, наклонившись вперед. Ноги проваливались в снег. Впереди по-прежнему шли Кеша и Николай. Шли, прислушиваясь к шуму реки и придерживаясь невидимого за пургой берега. Остальные ступали за ними след в след. На ходу устраивали перекличку:

— Николай! — кричит капитан.

— Я здесь!

— Боцман!

— Я здесь, товарищ капитан.

Ветер валил с ног. Все глубже становился снег, и все беспощаднее слепила пурга.

— Боцман, приготовьте конец, — сказал капитан.

Боцман достал веревку. Передал Николаю. Остальные зажали веревку под левую руку.

— Пошли...

А тем временем Борис Дьячков передавал радиограмму начальника каравана Наянова:

«Полярная станция бухта Гавриила тчк Прошу сообщить прибыла ли часть экипажа п/х Онега в составе девяти человек зпт если прибыла как состояние здоровья зпт возможность доставки их в Анадырь тчк Прошу информировать Наянов».

Из бухты Гавриила ответили:

«Обошли всю долину между бухтами Гавриила зпт Ушакова вплоть до верховья реки Плавниковой зпт людей не обнаружили тчк Регулярно подавали сигналы ракетами тчк В горах много снега зпт в ручьях резко повысился уровень воды что возможно затрудняет передвижение людей».

Из Провидения передали радиограмму во Владивосток, на спасатель и на наш флагман.

«Экипаж парохода Онега полярную станцию бухте Гавриила не прибыл тчк Улучшением погоды направим поиски авиацию тчк»...

Девять человек шли, держась за веревку, чтобы не потерять друг друга. Замерзшие, они двигались медленно и не прошли даже трети пути. Идти вперед стало бессмысленно: все могли замерзнуть. К тому же они не имели возможности сообщить свои координаты, связаться с бухтой. Нужна рация, а она была только на оставшемся судне. В буране, в этом месиве дождя и снега, экипаж найти труднее, чем если бы он был на корабле. И хотя на судне погашена топка, это все же свой дом, пусть даже с холодными стенами... Но главное — рация. И капитан принял решение — вернуться...

Девять человек повернули назад, к морю.

От дождя и стаявшего снега, от начавшегося прибоя и ручьи, и два притока, и река Плавниковая разбухли, стали глубже. Девять человек шли, не выбирая брода, срезая путь: скорее, скорее к морю и к своему кораблю! Они шли к нему как к спасению.

Мороз и ветер не давали отдохнуть. Капитан обморозил ноги, ребята едва шли...

К морю вышли, когда сильно стемнело, правда, еще издали увидели силуэт «Онеги» напротив скалы. Но на этом еще не кончились их беды. Оставалось последнее, но самое трудное: попасть на судно.

А между тем поиски экипажа «Онеги» продолжались. Как выяснилось позже, зимовщики прошли навстречу морякам более половины пути, так что группы разделяло — казалось бы, пустяк! — десять-двенадцать километров, но среди скал, в буран, это расстояние надо бы удесятерить. После безуспешных поисков зимовщики вернулись обратно. На следующее утро была снаряжена большая поисковая группа. Она обследовала весь район, подавала ракеты, вышла к устью реки Плавниковой, но людей не обнаружила. Выслали на поиски авиацию. Вертолеты забирались в самые невероятные места, опускаясь между скалами, в расщелины, где одно неверное движение или сильный порыв ветра — и вертолет бросит на камни... За жизнь экипажа «Онеги» боролись десятки людей...

Капитану труднее всех — у него плохо с ногами. Восемь человек отрыли засыпанную галькой шлюпку и подтащили ее к воде. Надо было удачно выбрать момент и, когда подойдет накатная волна, вскочить в шлюпку и с накатом уйти. По приказу капитана на шлюпке пошли пятеро. На берегу остались капитан, стармех, боцман и машинист.

Ребята с трудом подгребали к судну. Шторм не разбил его, но подтащил по гряде к берегу. Утром с начавшимся отливом судно как бы выросло из воды, и борт стал очень высоким. Подошли почти вплотную. Второй механик попытался набросить петлю на киповую планку, но не попал. Ребята, замерзшие и уставшие, ослабили гребки, и сильное течение понесло лодку к носу судна, а там подхватила уходящая от берега волна. Еще немного, и шлюпку унесло бы в открытое море. Но Николай и радист успели схватить висевшие на якоре веревки и начали притягивать шлюпку к борту. Двое работают веслами, а Кеша и Николай, стоя, осторожно перебирают ладонями вдоль борта, словно идут по карнизу, и постепенно передвигают шлюпку к корме. Наконец шлюпку подхватило течением, и, работая веслами, ребята придержали ее у борта. Механик сделал еще одну попытку — и петля опустилась на выступ киповой планки. Подтянули шлюпку вплотную к борту и налегли на весла, удерживая ее. Трое ухватились за конец, и механик крикнул двоим на веслах:

— Гребите из всех сил...

Удерживать шлюпку было очень трудно. Ее то поднимало, то опускало на волне, а сильное течение сносило в сторону.

— Давай, Кеша! — закричал механик.

Кеша ухватился повыше за веревку, механик подсадил его и подставил плечо. Кеша передохнул, сделал рывок и только схватился за планку, как шлюпку снова бросило в сторону. Механик и Николай не выпустили веревку из рук. Она натянулась вдоль борта под грудью Кеши, плотно врезалась в борт, и схватиться за нее ослабевшими пальцами не удалось. Кеша повис на руках, ухватившись за планку.

— Держись! — крикнул механик.

Ребята налегли на весла, механик и Николай на веревку, но преодолеть несколько метров против такого течения — это преодолеть пропасть.

— Держись! — заорал Николай.

Пальцы рук у Кеши онемели, ноги скользили уже по борту и вдруг почувствовали опору: ребята подтянули шлюпку, и механик подставил спину. Кеша секунду отдохнул, подтянулся, перекинул тело через борт, еще секунду полежал плашмя, вскочил и перенес петлю с планки на высокий кнехт. Теперь конец прочно держал шлюпку.

На берегу стармех собирал промерзлые прутья, кругляши — все, что выносит море. В костер идут остатки чемодана боцмана... Машинист сидит рядом с капитаном и, не переставая, тормошит его, не дает уснуть...

Восемь часов понадобилось для того, чтобы с берега перебраться на «Онегу».

Капитан сильно обморозил ноги и уже не мог подняться по трапу. Его обвязали веревкой, подняли, отнесли в камбуз. Котлы на судне погашены, холодно, но внутри судна тихо, нет ветра, нет дождя.

— Вот и дома, — вздохнул боцман так, словно только что вернулся из многолетнего похода.

В камбузную плиту налили солярку, разожгли и согрели воду. С капитана сняли одежду и растерли его.

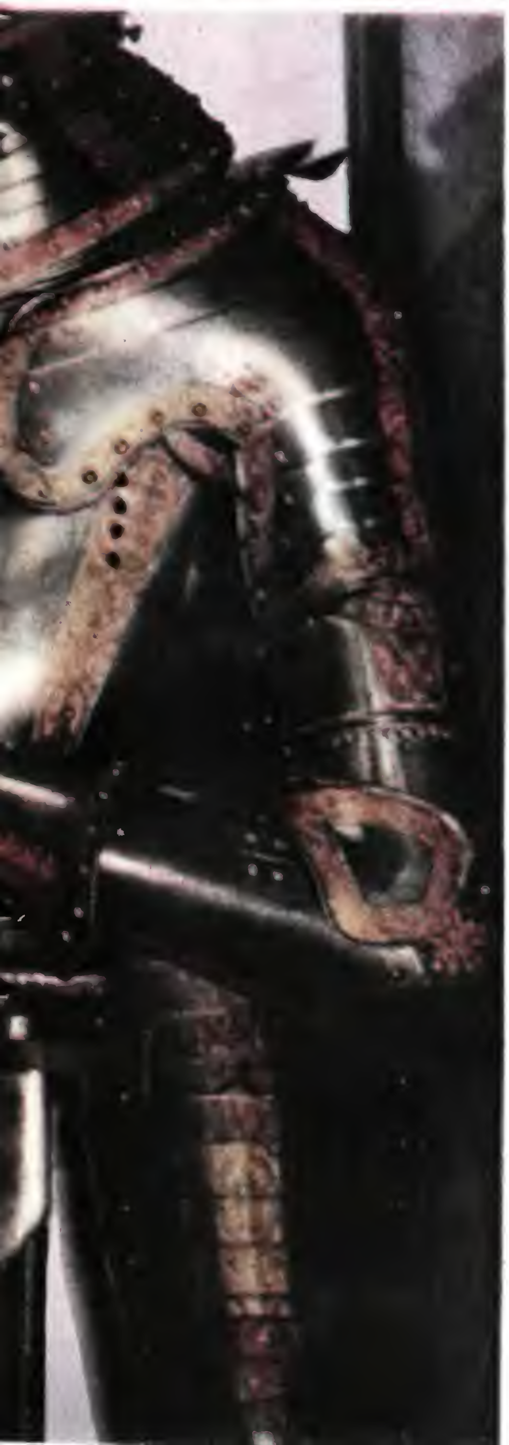
Через некоторое время бухта Провидения, суда каравана, проходящие корабли услышали позывные «Онеги»...

на стр. 38 ▶

В. ОРЛОВ (фото), Ю. СТЕПАНОВ,
наши специальные корреспонденты

ЧЕЛОВЕК В МАСКЕ

В Эрмитаж, в «Рыцарский зал», нередко приходят люди, у которых рыцарские доспехи вызывают не только исторический интерес. Сюда часто приходят и с очень практическими целями. Эти люди разглядывают латы и оружие (которые обходились одному рыцарю ни больше ни меньше как в сорок пять коров или пятнадцать кобылиц), изучают конструкции рыцарских доспехов, средства, какими достигалась их подвижность... Искусство прошлого, искусство изготовления лат, знавшее своих непревзойденных мастеров — ремесленников, может иметь применение и сейчас.

Известно, что специалисты многих нынешних совершенно мирных профессий, подобно рыцарям, чьи занятия отнюдь не носили мирного характера, также нуждаются в «доспехах»... Латы защищали рыцаря от оружия противника; нынешний мирный труженик должен быть защищен от огня, если он гасит пожар в шахте или в тайге; от давления многометрового слоя воды, если он уходит на дно моря; или от радиации, когда он проникает в космос...

Но для специалиста интересны не одни лишь конструктивные особенности лат, созданных мастерами прошлого. Ощущения человека, закованного в средневековые латы, в чем-то похожи на ощущения человека, надевшего, к примеру, водолазный скафандр. Водолаз, заключенный в свои тяжелые «доспехи», нуждается в тех же качествах, какие развивали у себя рыцари, — в физической силе, выносливости, ловкости. Средневековый рыцарь должен был уметь (и это в доспехах!): ездить верхом всеми аллюрами, вольтижировать на лошади, на всем скаку поднимать с земли груз; уметь плавать в броне на животе и на спине; уметь стрелять из лука и самострела; уметь защищаться оружием; бороться, фехтовать обеими руками; ловко прыгать. И наконец, рыцарь должен был уметь хорошо танцевать и даже за пиршественным столом чувствовать себя в латах свободно. Рыцари из ордена «храмовников» давали обет не снимать лат во всех случаях жизни... Так вырабатывались физические качества, необходимые рыцарю в бою.

Человек, одетый в скафандр, должен работать, то есть тоже иметь свободу движений. Вот почему, например, летчики-высотники интересуются, как мог рыцарь двигаться в тяжелых латах.

Конечно, применение возможностей, какими обладали рыцари, изменилось. Сами же возможности и их развитие будут нужны всегда, нужны и в наше время, как необходимы во все времена ловкость, сила, выносливость и смелость.

В ОГНЕ НЕ ГОРИТ

Тройные металлические двери вели в небольшую камеру. Они открывались почти бесшумно, и только по тому, как медленно они отходили, с какой-то даже угрюмой торжественностью, можно было предположить, как они тяжелы.

Два человека ушли в эту камеру с той же медлительностью, будто даже с неохотой. Двери закрыли. И сразу же все свидетели эксперимента, сотрудники Центральной научно-исследовательской лаборатории по горноспасательному делу, перешли к большому иллюминатору. Сквозь стекло было видно, что происходит в камере. А там происходило что-то странное. На первый взгляд там шла детская игра, только играли взрослые.

С поразительной старательностью один из них в блестящем, покрытом слоем алюминия скафандре перекладывал кирпичи из одной кучи в другую. Обыкновенные красные кирпичи. Их было много, около сотни. Второй шел по движущемуся горизонтальному транспортеру. Но шел навстречу движению, так что мог идти долго — пока не выключат транспортер или пока не устанет сам человек. Так и случилось. Он, наверное, устал, потому что сошел, наконец, с транспортера и отправился в угол камеры.

В это время первый, сложив из кирпичей огромную новую кучу, почему-то не удовлетворился сделанным. Стал перекладывать кирпичи вновь, относя их еще дальше в сторону.

Второй же подошел к динамометру, опустил руку на его рычаг и стал методично поднимать его и опускать. Сквозь стекло было видно, как первому и второму все труднее делать свое дело. Но по тому, как они с трудом, уже устало, но все же делали его, можно было понять, как это нужно: нажимать рычаг и перекладывать кирпичи.

Испытывался новый скафандр для горноспасателей.

...Едва ли не самое страшное, что только может случиться в шахте, это пожар. Огонь бежит по штрекам, горит угольный пласт, плавятся стальные рельсы, машины, вагонетки; ядовитые газы ползут из штрека в штрек... Скорее перекрыть ход огню и газам!.. Один из способов уничтожения пожара — это закрыть вентиляционные двери в горящем штреке. Без доступа кислорода огонь в конце концов погаснет сам.

Чтобы это можно было сделать, испытывается недавно изобретенный гатескаф — автономный газотеплозащитный скафандр. Грудь и голова человека, надевшего гатескаф, надежно защищены твердой оболочкой; все остальные части скафандра сделаны из специальной ткани, гибкой, покрытой слоем алюминия, он хорошо отражает тепло; для подачи воздуха и охлаждения существует автономная установка, смонтированная на спине гатескафа.

Мало кто видел испытания гатескафа в огне или рядом с настоящим огнем. То, что происходило в камере, при температурах до ста — ста пятидесяти градусов,—это, пожалуй, только начало. Но были испытания и в шахте. Вот как описывает человека в гатескафе один из очевидцев испытания: «...То, что двинулось на меня в штреке, поражало. Что-то огромное, сияющее выплывало из тьмы. На могучей груди, плечах чудовища плясали все оттенки огненных отблесков. С металлическим шелестом чудовище проследовало мимо...» Человек шел к огню.

ПОЕДИНОК С ВЫСОТОЙ И СКОРОСТЬЮ

Первые шлемы в начале развития авиации защищали голову летчика от встречного потока (кабины были открытые) и от ударов. Это были почти точные копии шлемов для автомобильных гонок — тяжелые, непрочные, неудобные.

Не удивительно, что, как только появились закрытые кабины, летчики отказались от них, летали в мягких шлемофонах. Однако в войну столько летчиков получили ранения в голову, часто смертельные, что пришлось вернуться к защитным шлемам. На вооружении появились стальные каски. Их надевали на мягкий шлемофон.

К современным шлемам предъявляется еще больше требований. Они должны защищать летчика от ударов, от перегревания или охлаждения, от ослепления, должны глушить шумы, обеспечивать связь, защищать лицо от ударов воздуха при катапультировании... И в то же время они должны быть легкими, не мешать поворотам головы, не причинять боль при длительном ношении, не ограничивать обзор... Новые скорости — новые требования. Сколько их впереди?

«ПРИ МАЛОМ ДЫХАНИИ»

„В своих скафандрах они напоминают космонавтов, да и труд их, можно сказать, героический: ведь ремонт мартеновских печей обычно проводится «по ходу» — без полной остановки, как говорят, «при малом дыхании», когда температура в печи снижается всего на какую-нибудь сотню градусов...» — так писали «Известия» в одной из корреспонденций о ремонтниках печей.

...Мы шли по двору, обогнули угол цеха. Теперь оставалось пройти совсем открытое пространство, всего метров семьдесят. Но, пройдя только треть, еще видя деревья, почти обнаженные, и даже небо, хо-

лодное и хмурое, мы почувствовали, что впереди должен быть огонь, много огня. Даже спина почти не ощущала холода улицы. Но мастер, провожавший нас, лишь улыбнулся:

— Дальше теплее будет.

— Сколько ж вы работаете здесь?

— Вдвое меньше, чем на обычных работах. Потом и на пенсию можно.

— А вы?

— Уже семнадцатый год.

У одной из печей, когда мы стояли, обливаясь потом, он сказал:

— Вот эту будем. Кладку подправлять.

И тут же добавил, сказал трем своим помощникам, одинаково сухощавым, как и он сам:

— Одевайтесь. Поновей там выберите...

Печь дышала почти таким же жаром, как и те, в которых шла плавка. В ней не было огня, но здесь казалось, что огонь всюду, его жаром были пропитаны стены, пол — все! Даже эти сухощавые люди, стоящие у печей.

В дальнем конце цеха появились те трое. Они и впрямь были похожи на космонавтов, только их одежда была куда проще. И даже когда один из них исчез в печи, будто специально доказывая, что туда можно войти, что костюм, сделанный из огнеупорного материала, защитит, что все в конце концов обойдется и ничего плохого не случится — просто не должно, — то и тогда казалось, что все это только странная затея или что сейчас мастер раскроет какой-то очень профессиональный секрет. Скажет, например, что в печи-то и не жарко совсем или что-то в этом роде.

Но мастер молчал. А тот, первый, уже выскочил из печи, и по тому, как он сорвал маску и как дико крутил красной, в отблесках огня, головой, видно было, что никакого секрета нет, а есть жара, и почти невыносимая. И еще есть громадная необходимость делать это дело и выполнять именно так, как выполняли его они. То есть не гася печь совсем — «при малом дыхании», «по ходу». И единственно, что радовало, так это то, что делали они свое дело быстро, даже очень, а значит, умели его делать и не боялись.

— Ну вот и все! — выдохнул последний исчезавший в печи. И долго мотал головой. Стряхивал жар.

РАБОЧИЕ ПОДЗЕМНОГО ГОРОДА

„Двое рабочих подняли на улице железную решетку колодца, в который стекают вода и нечистоты с улицы. Образовалось глубокое четырехугольное, с каменными, покрытыми грязью стенами отверстие, настолько узкое, что с трудом в него можно было опуститься. Туда спустили длинную лестницу. Один из рабочих зажег бензиновую лампочку и, держа ее в одной руке, а другой придерживаясь за лестницу, начал спускаться.

Из отверстия валил зловонный пар. Рабочий спустился. Послышалось внизу глухое падение тяжелого тела в воду и затем голос, как из склепа:

— Что же, лезь, что ли!

Это относилось ко мне. Я подтянул выше мои охотничьи сапоги, застегнул на все пуговицы кожаный пиджак и стал спускаться».

Так В. А. Гиляровский впервые спустился в московские «подземные катакомбы». Это было в 1886 году, осенью.

Будучи совершенно точным в описании виденного, писатель не забыл упомянуть главные элементы костюма, надетого из предосторожности: кожаный пиджак, охотничьи сапоги. Гиляровский не описал одежду рабочих, сопровождавших его. Скорее всего она не очень отличалась от той, в которой они ходили обычно. Может, была просто той же.

Громадный уже в то время город пытался возложить уборку своих нечистот на естественное течение Неглинки и Яузы. Но спрятанная с глаз долой Неглинка стала «мстить»: захлебываясь после сильных ливней сточными водами, она выбрасывала их прямо на улицы Москвы.

...По счастливой, верно, случайности мы встретили рабочих, собиравшихся исчезнуть в люке, почти в том же месте, где познакомился с московским подземным миром Гиляровский, — на Трубной площади. Уже стоял возле люка треножник — «Осторожно! Идут работы!». Молодой румяный парень, слесарь-сантехник, натягивал на себя серо-зеленый прорезиненный костюм.

— А чего нас снимать? — удивился. — Обыкновенно все... Что там, что здесь, — рассмеялся.

— И маску будете надевать?

— А мы надеваем ее, только когда газ там... скапливается, — он кивнул в сторону люка. — А то без нее удобней...

Улыбаясь, он натянул маску и стал страшным человеком без лица.

— Во Фантомас! — восхищенно сказал его напарник.

Похоже, и впрямь маску они давно не надевали — стекла очков были грязные, непротертые. Повертев для устрашения головой, парень охотно сдернул ее с головы, потянув за длинные, тоже серо-зеленые уши. И опять появился перед всеми улыбающийся и довольный.

Потом он ловко исчез в люке, точно провалился, махнув на прощанье рукой.

Невидимые всем нам, они ходят под городом. Сантехники. Они следят за работой сложного инженерного организма, каким является современный подземный город.

ПОД ГРАДОМ УДАРОВ

Во время одной тренировки шайба летит во вратаря около шестисот раз. Если учесть, что при хорошем ударе шайба прошивает двухслойную фанеру, а вратарь не только

ЧЕЛОВЕК В МАСКЕ

не должен увертываться от нее, а должен отбить или прижать ее — для того и стоит! — то вряд ли стоит называть свойства, которыми защитник ворот должен обладать. Причем подтверждать свою привязанность к столь, оказывается, рискованной игре приходится чуть ли не в каждой встрече.

Конечно, вовсе не каждая игра сопровождается травмами вратаря. Но насколько травмы могут быть часты, говорит пример с одним из лучших вратарей канадского профессионального хоккея: Терри Савчук за двадцатилетнюю жизнь в хоккее (он начал свою карьеру в 1949 году) сорок раз вынужден был обращаться к очень серьезным услугам хирурга, и теперь его лицо уродуют сорок самых разнообразных по цвету и по форме швов. Разумеется, это не только судьба одного Терри.

Но как ни странно, а защитную маску хоккейные вратари надели всего несколько лет назад. Лично для себя придумал ее и сделал Плант, тоже канадский вратарь. Натолкнула его на эту прямо-таки счастливую мысль одна из игр, когда его лицо после нескольких прямых ударов превратилось в кровавую маску.

Сейчас, разумеется, вратари предпочитают выходить на лед в масках. Маски по форме стали разнообразными: совершенно «глухие» — когда есть лишь прорезь для глаз; и частично открытые — в таких удобней дышать; маски с более основательной защитой, где под пластиковой пластиной, защищающей нос вратаря, подложен металлический стержень и от него по всей его длине отходят, как реберные кости на скелете рыбы, более тонкие стержни, тоже металлические; есть даже маски в некотором роде «безразмерные» — их форма может быть изменена; есть маски и для детей...

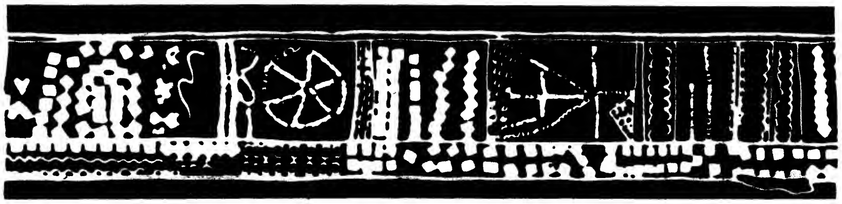
Но самое, пожалуй, главное, что при той силе, с которой летит шайба, вратарская маска не может полностью защитить голову вратаря — удар передается голове, даже если защитная маска выдерживает его и не проламывается. Так что основная защита вратаря — это, бесспорно, его реакция, быстрота, с какой он реагирует на летящую шайбу, его хватка и смелость.

Сколько известно различных историй о том, как были раскрыты таинственные шифры, запутанные надписи, непонятные знаки! Обычно в этих историях логика, интуиция, наблюдательность помогают обнаружить несметные сокровища или раскрыть преступление.

О поисках ключей к шифру, попытках прочесть загадочную надпись пойдет речь и в этом номере «Вокруг света». У наших рассказов те же «главные герои» — логика, интуиция, наблюдательность. Но здесь они помогли ученым открыть смысл знаков на глиняном кувшине, нанесенных нашим далеким предком многие и многие столетия назад, разгадать письмена тысячелетиями молчавшего языка (см. стр. 76), дарят миру непрочтенные пушкинские строки (см. стр. 48).

«ЧЕРТЫ» И «РЕЗЫ» ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Об их расшифровке рассказывает директор Института археологии АН СССР, академик Б. А. РЫБАКОВ

Увлекательнейшей задачей историков культуры является расшифровка древних надписей, раскрывающая иногда историю целых народов и государств. Но письменности в прямом смысле слова, как мы знаем, предшествовал длительный период рисуночного письма, выражавшего в определенных символах мысли древних людей. В этой области еще больше загадок; есть свои особенности в самой расшифровке таинственных письмен, где не обязательно знать язык тех людей, а достаточно разгадать смысл символических знаков.

Многое из этой первобытной письменности вошло в народный орнамент, и смысл знаков уже давно забылся: волнистая линия обозначала воду, волну; круг — солнце; косой крест — огонь, костер; схематические рисунки растений — землю, плодородие, жизнь и т. д. Теперь мы только любуемся сочетанием различных фигур, а наши далекие предки «читали» их как магические заклинания.

В одной старинной рукописи сохранилось упоминание, что до появления «настоящей» письменности в IX веке славяне «чертами и резами считали и гадали, находясь в язычестве». «Резы» — это, очевидно, счетные зарубки на палках-бирках, дожившие в неграмотной русской деревне до XIX века. «Черты» для гаданий — символические рисунки, при помощи которых гадали об урожае, о судьбе.

Несколько лет назад экспедиция под руководством известного ленинградского археолога М. А. Тихановой проводила раскопки на Волыни. Неподалеку от села Лепесовки были найдены остатки древнего святилища, так называемой черняховской культуры (II—IV века). Алтарь святилища был сложен из больших глиняных чаш. И по венчику одной из них шел узор: двенадцать прямоугольных рамок, в которых заключены были какие-то рисунки, составляли полный круг.

М. А. Тиханова любезно предоставила мне свои находки для публикации, и я предпринял попытку расшифровки этих знаков. Ключом к расшифровке явилось число 12. Самые главные языческие гадания производились под Новый год, когда заклинали судьбу на все двенадцать месяцев предстоящего года. В новогодних празднествах фигурируют двенадцать снопов, вода из двенадцати колодцев, двенадцать старцев, возглавляющих празднества...

Я предположил, что двенадцать прямоугольников на венчике чаши являются символом двенадцати месяцев года. Но эта гипотеза могла начать жить только в том случае, если бы удалось отождествить рисунки в этих прямоугольниках с определенными месяцами.

В трех прямоугольниках были выбиты кресты. Историки издавна называют такие кресты языческими. А не соответствовало ли расположение этих крестов трем языческим праздникам, которые были связаны с фазами солнца и отмечались в январе, марте, июне?.. По тому порядку, в каком были расположены прямоугольники с крестами, можно было заключить, что отмеченные таким способом прямоугольники соответствовали именно этим месяцам.

Еще в одном из прямоугольников было изображено земледельческое орудие — рало, в другом — колосья. Вспомним, что пахота на Украине начинается обычно в апреле, колосья вызревают в августе. Рисунки были расположены именно в этой последовательности, между ними был промежуток, точно соответствующий числу месяцев, отделяющих апрель от августа.

Теперь уже можно было отстаивать предположение о том, что лепесовские чаши из святилища — древний календарь с символическим изображением двенадцати месяцев, предназначенный, вероятно, для новогодних гаданий во время зимнего солнцеворота.

Внимание привлекало то, что июнь, в котором праздновался языческий праздник Ивана Купалы, на «календаре» из Лепесовки был обозначен не одним языческим крестом, а двумя.

Вслед за лепесовской чашей я занялся расшифровкой сложной системы знаков на знаменитом глиняном кувшине, найденном вблизи Киева в селе Ромашки. Эта находка была сделана еще в 1899 году в слое IV века. Керамический кувшин средних размеров, предназначавшийся скорее всего для хранения воды, вместо обычного орнамента был украшен двумя рядами каких-то значков — квадратов, крестов, волнистых линий... Некоторые из них напоминали изображение серпов, колосьев... С какой целью нанесены они были на кувшин, в чем был их смысл?

На «ромашкинском» кувшине в числе других рисунков были изображены молодое деревцо, два креста и круг с шестью радиусами, так называемый «громовой знак».

Все эти и другие символы входили в верхний ряд загадочного орнамента. Под ним, явно связываясь с верхним, шел другой ряд — ряд, состоящий из девяноста шести квадратиков и волнистых линий, расположенных в совсем уж замысловатом порядке.

Какой смысл таила в себе последовательность знаков нижнего ряда?

Я предположил, что квадратики обозначают дни. За основу отсчета лучше всего было взять «громовой знак», символизирующий, вероятно, праздник грома и грозы, — летописи донесли до нас его точную дату, 20 июля [1]. Но как проверить такое предположение? Из летописей известна и дата другого древнерусского праздника — дня Ивана Купалы. От праздника грома он отстоит на 27 дней. В верхнем ряду кувшина этот июньский праздник обозначен двумя крестами. И что же, число квадратов нижнего ряда «между» ними составляет ровно... двадцать семь. Что это, простое совпадение?

Есть и другое доказательство. Известно, что празднику Ивана Купалы, обозначенному на кувшине двумя крестами, предшествовала так называемая «русальная неделя», состоящая из шести дней. Но вплотную ко дню Купалы на календаре в нижнем ряду примыкает выбивающаяся из обычного ряда «гирлянда» квадратов, их ровно шесть. И наконец, последнее в звене доказательств. Один из квадратов стоит прямо под значком, напоминающим дерево, предположительно символом праздника Ярилы. Единственное летописное свидетельство о дате этого праздника, часто подвергавшееся историками сомнению, называет день 4 июня. И если подсчитать, квадрат под деревом стоит точно на месте 4 июня...

Итак, на «ромашкинском кувшине» очень точный календарь. Сомнений в этом уже не могло быть. Календарь, начинающийся, как нетрудно было подсчитать, 2 мая и кончающийся 7 августа.

Мне пришло в голову сравнить известные сегодня вегетационные сроки созревания на Украине яровой пшеницы и ячменя с «агротехническим календарем» кувшина. Около 2 мая появляются первые всходы. 20—30 мая пшеница выходит в трубку — в этот период растениям необходимо много влаги. И на календаре из села Ромашки прямо над квадратиками, обозначавшими именно эти дни, в верхнем ряду рисунков располагались отчетливые волнистые линии. Линии, явно символизирующие дождь...

11—20 июня — колошение. И в этот период растениям необходимы дожди. И снова над квадратами этих дней расположены те же волнистые линии. 4—6 июля — молочная спелость зерна. Вновь волнистые линии наверху. Наконец, день 20 июля, праздник бога неба. После этого праздника волнистые линии на календаре переходят из верхнего ряда в нижний. Дожди больше не нужны земледельцам — и календарь символизирует «низведение» всех небесных вод под землю накануне жатвы.

Четыре периода дождей на «ромашкинском» кувшине почти точно соответствуют тем четырем оптимальным периодам, когда дожди действительно были нужны яровым хлебам.

В языческих молениях о дожде большую роль играла вода: моления проводились у рек, у «святых» озер, у родников, у ручьев. Кувшин с магическим календарем делал налитую в него воду «святой», и этой водой кропили поля, чтобы «вызвать» дожди, подобно тому как это еще недавно делали христианские священники во время молебнов о дожде.

Увлекшись календарной символикой, я, естественно, стремлюсь понять наиболее глубокие ее корни. Мне кажется, они уходят к земледельческим и скотоводческим племенам бронзового века. Удалось расшифровать (правда, менее надежно) некоторые рисунки из раскопок на Кавказе и в Венгрии. Мышление древних людей везде шло сходными путями.

[1] Здесь и далее даты приведены к современному календарю. — *Прим. ред.*

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ЭВЛИН ВО,
английский писатель

ПОКЛОННИК ДИККЕНСА

Рассказ

Несмотря на то, что мистер Макмастер прожил в Амазонии около шестидесяти лет, никто, кроме нескольких семей индейцев-шириaнов, не знал о его существовании. Хижина Макмастера стояла на маленьком островке саванны, не более трех миль в диаметре, окруженном со всех сторон плотной стеной джунглей.

Небольшая река, протекавшая неподалеку, не была нанесена ни на одну карту; ее бурное течение представляло опасность даже для бывалого путешественника. Бо́льшую часть года переправиться через нее удавалось далеко не каждому. И никто из обитателей этой забытой богом земли, за исключением самого мистера Макмастера, даже не подозревал о существовании таких стран, как Колумбия, Венесуэла, Бразилия или Боливия, каждая из которых в разное время претендовала на этот район.

Хижина Макмастера была больше, чем жилища его соседей-индейцев, однако не отличалась от них по конструкции — такая же крыша, покрытая пальмовыми листьями, те же глинобитные стены и пол. Макмастер владел десятком коз, которые паслись в саванне, плантацией кассавы и несколькими банановыми и манговыми деревьями. У него была собака и старинная одностволка. Скудные сведения о внешнем мире Макмастер получал от золотоискателей-одиночек, причем эти сведения множество раз передавались из уст в уста и переводились с одного языка на другой, пока не доходили по цепочке от Манауса до глубинных районов Амазонии.

Однажды, когда Макмастер набивал патроны, в хижину заглянул индеец. Он сообщил, что видел в джунглях белого человека. Тот один и, видимо, болен. Макмастер зарядил ружье, положил в карманы уже готовые патроны и двинулся в направлении, указанном индейцем.

Вскоре Макмастер отыскал человека. Тот был без шляпы и ботинок; через изодранную в клочья одежду просвечивало исхудавшее тело. Ноги человека, порезанные и распухшие, кровоточили. Оголенные поверхности тела были облеплены насекомыми. Глаза человека лихорадочно блестели. Он разговаривал сам с собой, но, когда Макмастер обратился к нему по-английски, человек бессвязно забормотал:

— Я очень устал. Не могу идти дальше. Мое имя Хенти. Андерсон умер. Это было давно. Я, наверное, кажусь вам сумасшедшим.

— Я думаю, что вы больны, мой друг.

— Просто устал. Я не ел, наверное, уже несколько недель.

Макмастер помог Хенти встать, обхватил его за талию, и они медленно пошли к хижине.

— Здесь совсем недалеко, — успокоил мистер Макмастер больного. — Я дам вам отличное лекарство. Оно живо поставит вас на ноги.

— Спасибо.

— Теперь, мистер Хенти, вам не нужно ни о чем беспокоиться. Вы больны и много пережили. Я позабочусь о вас. Устраивайтесь поудобнее, — сказал Макмастер, когда они достигли хижины. — Сейчас я кое-что принесу.

Через несколько минут он принес какую-то банку и, приподняв голову больного, дал ему отпить несколько глотков. Вскоре Хенти заснул.

«Обреченная» — таким термином наградила пресса экспедицию Андерсона в район реки Паримы и верхнего течения Урарикуэры. Начиная с ранних приготовлений в Лондоне и кончая последней стадией, уже в Амазонии, экспедицию преследовали неудачи. В конечном счете это привело к тому, что Поль Хенти оказался один в труднопроходимых джунглях вдали от населенных мест.

Поль Хенти, молодой ученый-ботаник, возлагал большие надежды на экспедицию. Ее успех помог бы ему завоевать себе имя в научных кругах; к тому же он хотел собрать материалы для монографии о некоторых видах лечебных трав, которые росли только в том районе, куда направлялась экспедиция. Жена неохотно рассталась с Полем: ведь он должен был вернуться не ранее чем через год. Однако молодой ученый убедил ее, что это путешествие крайне важно для его дальнейшей карьеры.

К тому времени, когда участники экспедиции прибыли в Бразилию, там сменилось правительство, что не было редкостью в странах Латинской Америки. Новая администрация отнеслась к ним с подозрением. Совершенно неожиданно нескольких членов экспедиции арестовали и неделю продержали в тюрьме. Встретив такой нелюбезный прием, многие ученые не пожелали участвовать в экспедиции и вернулись в Лондон. Профессор Андерсон и Поль Хенти оказались в изоляции, но гордость не позволила им отказаться от задуманного и вернуться домой ни с чем: слишком уж много внимания уделила им пресса перед отъездом.

Андерсон и Хенти решили пробиваться в район Урарикуэры, впрочем, почти без всяких надежд на успех. Через семь недель они оказались в непроходимых джунглях Амазонии.

Ученые фотографировали редких змей, изучали быт индейцев, собрали небольшую коллекцию насекомых. Но все материалы погибли, когда их лодка перевернулась на одном из притоков Урарикуэры. Вскоре профессор Андерсон заболел малярией; несколько дней он лежал в гамаке, безучастно глядя вокруг, потом впал в беспамятство и умер, не приходя в сознание. Хенти остался один с дюжиной гребцов-индейцев, языка которых он не

знал. С незначительным запасом продовольствия и без всяких планов на ближайшее будущее он продолжал плыть по какой-то небольшой реке.

Однажды, спустя неделю после смерти профессора Андерсона, Хенти проснулся один. Индейцы покинули его ночью в нескольких сотнях миль от ближайшего бразильского поселения. Он не остался на месте — это свойственно человеку, — а продолжал идти вперед, хотя вряд ли движение вперед имело какой-то смысл. Хенти старался держаться берега реки, надеясь встретить каноэ с местными жителями. Но уже через несколько дней, когда кончились запасы продовольствия, впал в какое-то полубессознательное состояние. То ему казалось, что индейцы в ливреях приносят ему ужин; они приподнимают салфетку над дымящимся блюдом и тут же исчезают, а на блюдах оказываются живые черепахи. То вокруг него собирались люди, которых он знал в Лондоне; они пляшут и задают ему какие-то вопросы, на которые он не может ответить. То появлялась его жена; он пытается сказать ей, что очень устал, что хочет вернуться домой, но она тоже пропадает.

Временами Хенти приходил в себя и даже пробивался вперед с удвоенными усилиями. Он знал, что надо держаться реки — это был единственный путь, который мог привести его к людям. В конце концов он впал в беспамятство и очнулся только в хижине Макмастера.

Поправлялся Хенти медленно. Первые дни он еще бредил, но постепенно кошмары отступили, и события последних недель восстановились в памяти. Однако он все еще страдал от жестоких приступов тропической лихорадки, хотя в промежутках чувствовал себя довольно сносно. Все это время Макмастер поил его целебными настоями из трав.

— Они отвратительны на вкус, но придают мне силы, — говорил Поль своему спасителю.

— В джунглях есть средства на все случаи жизни, — любил говорить Макмастер. — Одни воскрешают вас, другие могут убить. Моя мать был индеанкой, это она научила меня разбираться в травах. А потом я познавал премудрости джунглей от моих жен. Есть травы, от которых можно схватить лихорадку и даже сойти с ума; другие делают вас нечувствительным к укусам ядовитых змей; третьи усыпляют рыбу в ручье, так что ее можно вылавливать из воды голыми руками, как срывают плоды с деревьев. Но есть тайны, в которые и мне не удалось проникнуть. Например, индейцы говорят, что можно оживить человека, даже когда он мертв и уже начал разлагаться.

— Но вы все же англичанин?

— Мой отец родился на Барбадосе. Он стал миссионером и отправился в Британскую Гвиану. Здесь он взял в жены индеанку. Это и была моя мать. Сам я имел много жен. Большинство мужчин и женщин, живущих неподалеку, мои дети. Вот почему они беспрекословно подчиняются мне. И еще потому, что у меня есть ружье. Мой отец дожил до глубокой старости. Он был образованным человеком. А вы умеете читать?

— Разумеется.

— Не каждому так повезло. Я, например, не умею.

Хенти смущенно рассмеялся, как бы извиняясь за свою образованность:

— Да у вас здесь и не было такой возможности!

— От отца осталось очень много книг. Когда вы будете чувствовать себя лучше, я их вам покажу. Пять лет назад здесь жил английский подданный, хотя и негр, но весьма образованный человек. Он умер. Так этот человек каждый день читал мне. И так до самой смерти. Когда вы поправитесь, я попрошу вас мне почитать.

— Мне доставит это большое удовольствие.

Пока Хенти медленно поправлялся, он почти не разговаривал с хозяином. Днем тот занимался хозяйством, а спать ложился рано, едва темнело, оставляя зажженной маленькую свечку, чтобы свет отпугивал насекомых и крыс.

Когда Хенти, наконец, почувствовал себя лучше, Макмастер решил показать ему свои владения.

— Я покажу вам могилу негра, — сказал он, углубляясь в узкий проход между манговыми деревьями. — Он очень хорошо ко мне относился. Каждый день после обеда читал мне в течение двух часов. Я думаю поставить крест на могилу, чтобы почтить его память. И в честь вашего появления здесь. А вы верите в бога?

— Я никогда не задумывался...

— Да, это трудный вопрос. Я сам много размышлял об этом, но до сих пор ни к чему не пришел. А Диккенс верил.

— Возможно.

— Это ясно из его книг. Вы убедитесь сами.

В этот же день Макмастер изготовил крест и установил его на могиле.

Прошла неделя, приступы малярии уже не беспокоили Хенти, и тогда Макмастер решил, наконец, показать гостю книги.

Под крышей хижины был чердак. Макмастер приставил к стене лестницу и забрался наверх. Хенти последовал за ним, еще нетвердо держась на ногах после болезни. Макмастер забрался внутрь, а Хенти остался стоять на последней ступеньке лестницы. В глубине темнели связки книг.

— Их трудно сохранить от порчи. Насекомые точат бумагу, и многие тома пришли в полную негодность. В таком климате трудно хранить книги.

Макмастер подтянул к себе ближайшую пачку, развязал ее и передал Хенти верхний том. Это было раннее американское издание «Холодного дома».

— Не имеет значения, с чего начинать, — сказал Макмастер.

— Вам нравится Диккенс?

— Очень. Трудно выразить словами, как он мне нравится. Это единственный писатель, книги которого мне читали. Сначала мне читал отец, потом этот негр, о котором я вам говорил... А теперь будете вы. Я прослушал их уже несколько раз, но они никогда мне не надоедают; из этих книг многое можно почерпнуть, так много персонажей, так много разных ситуаций... У меня полное собрание сочинений Диккенса, кроме тех томов, которые съели муравьи. Чтобы все их прочитать, надо немало времени — около двух лет.

В этот же день Хенти начал читать первый том «Холодного дома». Он любил читать вслух и в первый год после женитьбы много читал своей жене, пока она во время какой-то ссоры не призналась, что его чтение для нее пытка.

Однако Макмастер был идеальным слушателем. Он сидел напротив Хенти и беззвучно шевелил губами, повторяя текст. Иногда, когда появлялся новый персонаж, он говорил: «Еще раз, пожалуйста, я забыл имя», или: «Да, я помню ее очень хорошо. Она умрет, бедная женщина». Часто он задавал Хенти вопросы.

Но Макмастера не интересовало развитие сюжета и различные описания вроде сцены в суде, хотя они были важны для понимания сущности произведения. Его занимали только герои книги. «Почему она так сказала? Она в самом деле так подумала? Она что, упала в обморок от жары или потому, что ее взволновало письмо?»

Макмастер бурно реагировал на шутки. Иногда он громко смеялся в тех местах, которые Хенти вовсе не казались смешными, и просил перечитать их еще раз и еще. При описании страданий слезы текли у него по щекам и стекали по бороде. Его комментарии всегда были очень просты. «Я думаю, этот Дедлок очень гордый человек», или: «Миссис Джеллиби недостаточно заботится о детях». Хенти тоже наслаждался чтением не меньше, чем сам Макмастер.

В конце первого дня Макмастер сказал:

— Вы читали прекрасно, гораздо лучше негра. И вы лучше объясняете. Вы читаете почти так же хорошо, как мой отец.

Однако к тому времени, когда они начали второй том, новизна пропала, и Хенти стали раздражать реплики Макмастера. Поль уже совсем окреп и начал намекать, что пора бы готовиться к обратному пути. Он выспрашивал Макмастера о каноэ, о периоде дождей, о возможности подыскать проводников.

Но Макмастер, казалось, не слышал вопросов своего гостя и не обращал ни малейшего внимания на его прозрачные намеки.

Однажды, заглянув, сколько страниц «Холодного дома» осталось прочитать, Хенти сказал:

— До конца не так уж много. Я думаю, что успею закончить до отъезда.

— Не беспокойтесь, друг мой, — спокойно ответил Макмастер. — У вас вполне хватит времени.

В первый раз Хенти послышалась в тоне хозяина угроза. За ужином, который состоял из картофеля и вяленого мяса, Поль снова заговорил о том, что ему пора возвращаться.

— Послушайте, мистер Макмастер, пора подумать, как мне вернуться назад, к цивилизации. Я и так слишком долго пользовался вашим гостеприимством.

Макмастер еще ниже склонился над тарелкой, делая вид, что не слышит обращенных к нему слов.

— Когда же, наконец, я смогу получить каноэ? — настаивал Поль. — Я ценю вашу доброту, мистер Макмастер, но должен вам сказать, что...

— Друг мой, моя доброта — это только плата за ваше чтение Диккенса. Давайте не будем об этом говорить.

— Я рад, что вам нравится мое чтение, но мне пора подумать о возвращении...

— Н-да... — задумчиво произнес Макмастер. — Негр говорил то же самое. Все время думал об этом. Но так здесь и умер...

Дважды в течение недели Хенти заговаривал о возвращении домой, однако хозяин упорно отмалчивался. Наконец Хенти не выдержал:

— Извините, мистер Макмастер, но давайте говорить откровенно. Когда я смогу получить каноэ?

— Каноэ нет.

— Так скажите индейцам, чтобы они сделали лодку.

— Вам нужно дождаться сезона дождей. Сейчас уровень воды в реке слишком низок.

— Сколько же нужно ждать?

— Месяц... Может быть, два...

Они прочитали «Холодный дом» и уже заканчивали «Домби и сын», когда начались дожди.

— Теперь уже время готовиться к моему возвращению, — обратился Поль к Макмастеру.

— К сожалению, это невозможно. Индейцы никогда не строят лодок во время сезона дождей — это один из их предрассудков.

— Но вы же говорили мне, что...

— Неужели? Я забыл.

На следующее утро Хенти направился к индейскому поселению. Несколько ширианов сидели на корточках у своих хижин, но они даже не подняли глаз, когда Хенти приблизился к ним. Он обратился к индейцам, вспомнив несколько слов, которые выучил во время путешествия. Но шурианы или не понимали его, или просто не хотели отвечать. Тогда Хенти начертил на песке контуры каноэ, а рядом ружье, шляпу и несколько предметов домашнего обихода. Знаками он дал понять, что предлагает их взамен каноэ. Мужчины не реагировали, только несколько женщин захихикали и о чем-то зашептались. Хенти ушел ни с чем.

В полдень, во время обеда, Макмастер заговорил:

— Мистер Хенти, индейцы сказали мне, что вы пытались разговаривать с ними. Если вам что-нибудь надо, передайте через меня. Они все равно не станут ничего делать без моего разрешения. Ведь это же в основном мои дети.

— Я спрашивал их насчет каноэ.

— Да, они передали мне... А теперь, если вы закончили обед, давайте приступим к следующей главе. Я так увлечен, что едва дождался сегодняшнего дня.

Они закончили «Домби и сын». Прошел уже год с тех пор, как Хенти покинул Англию, и чувство тоски по родине у него особенно обострилось, когда среди страниц книги «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» он обнаружил документ, написанный карандашом:

«Год 1949-й.

Я, Джеймс Макмастер из Бразилии, клянусь Барнаби Вашингтону из Джорджтауна, что, если он прочитает мне «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», я сразу же помогу ему вернуться домой».

Ниже стоял жирный крест, а под ним надпись:

«Подпись мистера Макмастера удостоверяю. Барнаби Вашингтон».

— Мистер Макмастер, — сказал Хенти, теряя терпение. — Я, наконец, хочу выяснить, что вы от меня хотите. Вы спасли мне жизнь, и когда я вернусь домой, то постараюсь отблагодарить вас, насколько смогу. Я дам вам все, что вы потребуете, конечно, в разумных пределах. Но сейчас вы задерживаете меня против моей воли. Я требую, чтобы вы меня освободили!

— Но, друг мой, разве я вас держу? Вы можете уйти, когда вам вздумается.

— Вы же прекрасно понимаете, мистер Макмастер, что я не могу вернуться домой без вашей помощи.

— Ну тогда развлеките старика. Прочитайте еще одну главу.

— Мистер Макмастер, клянусь вам, что, когда я доберусь до Манауса, я найду вам человека, который заменит меня. Я заплачу ему, чтобы он читал вам целые дни напролет.

— Но мне не нужен другой человек. Вы читаете просто великолепно.

— Я читаю вам в последний раз.

— Думаю, что нет, мистер Хенти, — вежливо возразил Макмастер.

На ужин индейцы принесли только одну тарелку с жареным картофелем и вяленым мясом. Макмастер ел в одиночестве. Хенти лежал неподалеку, глядя в небо.

На следующий день в полдень снова принесли одну тарелку. На этот раз Макмастер обедал, положив на колени ружье с взведенным курком. Полю пришлось уступить. Он продолжил «Мартина Чезлвита» с того места, где остановился.

Недели тянулись бесконечно. Хенти прочитал «Жизнь и приключения Николаса Никльби», «Крошку Доррит» и «Оливера Твиста», что заняло несколько месяцев.

Как-то раз у хижины Макмастера появился человек. Это был старатель, один из тех, кто всю жизнь блуждает по джунглям и саванне, мало-помалу наполняя золотым песком кожаный мешочек, подвешенный к поясу. Иногда они умирают от голода и болезней, имея при себе золота на несколько тысяч долларов. Макмастер был рад гостю: угостил его ужином, расспросил о новостях, но задержаться подольше не предложил. Хотя старатель остановился всего на час, Хенти успел нацарапать свое имя на клочке бумаги и незаметно от хозяина сунуть записку в руку гостю.

С этого момента у Хенти появилась надежда на спасение. Дни сменяли друг друга с удручающим однообразием: утром кофе, потом безделье, пока Макмастер возится со своим хозяйством, картофель с вяленым мясом в полдень, затем чтение Диккенса, снова картофель с мясом, иногда фрукты на десерт и, наконец, ожидание сна при тусклом мерцании самодельного светильника. Но теперь уверенность в том, что его «отшельничество» скоро кончится, поддерживала в Хенти силы. Должен же старатель в этом году или хотя бы в следующем добраться до какой-нибудь бразильской деревушки!

Исчезновение Андерсона и Хенти, конечно, не прошло незамеченным. Профессор был слишком известной фигурой. Хенти представлял себе «шапки», которые появятся во всех крупных газетах; может быть, уже сейчас небольшие поисковые партии обследуют район предполагаемого маршрута экспедиции. Когда-нибудь он услышит поблизости родную английскую речь и увидит десяток искателей приключений, продирающихся сквозь густые заросли. Даже когда он читал, когда его губы и язык механически следовали за текстом книги, мысли Хенти блуждали где-то далеко. Он представлял себе, как постепенно возвращается к цивилизации; бреется, покупает новую одежду в Манаусе, телеграфирует жене с просьбой выслать денег, получает поздравительные телеграммы, и, наконец, океанский лайнер увозит его

в Европу. Свежее мясо, овощи. И вот встреча с женой.

«...Дорогой, ты задержался дольше, чем обещал. Я думала, что ты уже не вернешься...»

А он даже не находит слов, чтобы ей ответить.

И тут голос Макмастера возвращал Поля к действительности:

— Могу я попросить вас прочитать этот абзац еще раз? Он мне особенно понравился.

Но шли дни, дни складывались в недели, недели в месяцы, а спасителей все не было. Однако Хенти не терял надежды. Он понимал, что пройдет немало времени, пока клочок бумаги с его именем попадет в руки человека, слышавшего что-нибудь об экспедиции. Иногда он даже испытывал чувство благодарности к Макмастеру — как-никак тот спас его от верной смерти.

Однажды Макмастер после длительного разговора с индейцем пригласил Хенти принять участие в традиционном празднике племени. Хенти согласился — все-таки какое-то развлечение.

— Это один из самых больших праздников у индейцев. Попробуете местный напиток — пивари. Может, вначале он вам не понравится, но это дело привычки. Сегодня вечером мы отправимся в индейскую деревню.

После ужина Макмастер и Хенти присоединились к группе индейцев, которые сидели вокруг очага в большой хижине. Они пели заунывными голосами, передавая друг другу чашу с напитком. Макмастер и Хенти, устроившись на циновках из трав, держали на коленях «персональные» чаши.

— Нужно пить, не наклоняя чашу. Таков этикет, — объяснил Макмастер.

Хенти отпил немного темноватой жидкости, стараясь глотать, не чувствуя вкуса. Но напиток оказался довольно приятным, хотя слишком острым и пряным, с привкусом меда и черного хлеба. Неожиданно Хенти почувствовал, как по телу разливается теплая волна и его мрачное настроение быстро улетучивается. Голоса поющих то брали высокие ноты, то совсем замирали... Снова подали чашу с пивари. Хенти опорожнил ее и прилег на своей подстилке, глядя, как на стенах хижины мечутся тени пляшущих у огня индейцев. Потом он закрыл глаза и заснул с мыслями о жене, о доме...

Очнулся Хенти в той же самой хижине с таким ощущением, что уже полдень. Действительно, судя по положению солнца, время близилось к полудню. Вокруг — никого. Поль хотел взглянуть на часы, но их на руке не оказалось. Он подумал, что забыл их, собираясь на праздник.

«Должно быть, я вчера здорово перебрал, — подумал Поль. — Предательское питье!» Голова его раскалывалась, к тому же он чувствовал приближение приступа лихорадки. Хенти с трудом поднялся и, нетвердо ступая, побрел к хижине Макмастера. Он чувствовал себя так же, как в первые дни после того, как его нашел Макмастер. По дороге он несколько раз останавливался, чтобы перевести дыхание.

Когда Поль добрался до хижины, хозяин радостно приветствовал его.

— Вы, мой друг, сегодня опоздали! Пора читать. Как вы себя чувствуете?

— Отвратительно. Этот напиток не для меня.

— Я вам дам кое-что, и вы почувствуете себя лучше. В джунглях есть лекарства от всего: одни заставят вас бодрствовать, другие, наоборот, усыпят.

— Вы не видели моих часов?

— Вы их потеряли?

— Не знаю. По-моему, я все же взял их с собой. Никогда не спал так долго.

— С тех пор, как вы были грудным ребенком! — рассмеялся Макмастер. — Знаете, сколько вы спали? Два дня.

— Чепуха! Не может быть.

— Однако это так. Жаль, что вам не удалось повидать гостей.

— Гостей?

— Да. Мы неплохо повеселились, пока вы спали. Здесь было трое англичан. Досадно, что вам не удалось повидаться с ними. — Макмастер с сожалением покачал головой. — Им тоже не повезло, так как они пришли специально за вами. Но что я мог сделать? Вы спали мертвым сном. Они проделали огромный путь, и чтобы их как-то вознаградить, я вручил им маленький сувенир — ваши часы. Англичане удовольствовались часами и фотографиями креста, который я установил на могиле негра. Они сказали, что этого достаточно, чтобы получить вознаграждение, обещанное вашей женой.

Наша жизнь здесь так однообразна, — вздохнув, продолжал Макмастер. — Единственное развлечение — чтение. Не думаю, что теперь у нас скоро будут гости из Европы. Да, совсем забыл. Сейчас дам вам лекарство, и ваша голова пройдет. Сегодня мы уже, конечно, не будем читать Диккенса. Но завтра обязательно продолжим. Давайте перечитаем «Крошку Доррит». В ней есть такие места, которые я не могу слушать без слез.

Перевел с английского
А. БЕРГ

КОБАНСКАЯ БРОНЗА

Рассказывает доктор исторических наук Е. И. КРУПНОВ, лауреат Ленинской премии

...В 1869 году весенний разлив речки Гизельдона возле селения Верхний Кобан в Осетии подмыл и обрушил одну из террас левого берега. В обнажившихся пластах земли местные жители увидели остатки каких-то каменных ящиков, где среди рассыпающихся скелетов лежали причудливой формы бронзовые топоры, на которых можно было разглядеть изящные изображения зверей, охотников, сказочных чудищ; бронзовые кинжалы с рукоятями, украшенными миниатюрными скульптурами горных баранов; причудливые украшения, булавки, застежки, браслеты. Житель этого селения Хабош Кануков собрал небольшую коллекцию бронзовых изделий, вымытых из-под земли, и отправил ее в Тифлис. Но находка на долгие годы неподвижно осела в запасниках Кавказского музея — лишь в 1877 году археолог Г. Д. Филимонов, посетивший Кавказ в связи с подготовкой к Антропологической выставке в Москве, увидел, чтó было вымыто из-под земли вешними водами Гизельдона. Филимонов добивается средств для проведения первых раскопок у селения Верхний Кобан и одновременно начинает широкую разведку и закладку раскопов у селения Казбеги вблизи Военно-Грузинской дороги, где во время шоссейных работ были найдены бронзовые изделия, похожие на те, что были собраны Хабошем Кануковым... Разведка у Казбеги была удачной: исследователь обнаружил клад — десятки бронзовых, железных и серебряных вещей, великолепие которых поразило археологов всей Европы. На Кавказ начинается настоящее паломничество французских, немецких, венгерских, скандинавских археологов и любителей древностей. Владикавказ стал как бы официальным центром по распродаже в частные коллекции бесценных сокровищ кавказских древностей. В течение очень недолгого времени были созданы многочисленные частные коллекции, витрины музеев Петербурга, Парижа, Лиона, Вены, Берлина украсились прекрасными изделиями древних кавказских металлургов, появились альбомы и монографии, статьи, описания.

...Но именно поразившее всех совершенство найденных предметов послужило причиной того, что большинство археологических авторитетов Европы отказывало вновь открытой культуре в праве на самостоятельность. В 1883 году выходит объемистая монография крупного немецкого антрополога и археолога Рудольфа Вирхова, а вслед — труд французского исследователя Эрнеста Шантра, в основе которых лежала одна и та же мысль: кобанская культура — так стали называть по месту первоначальных находок этот комплекс северокавказской бронзы — своими истоками обязана культурам раннежелезного века Придунавья... А известный исследователь древних культур того времени профессор Венского университета М. Гёрнес вынес как не подлежащий обжалованию приговор: «В настоящее время решительно отказываются области Кавказа признавать за что-либо иное, кроме своего рода фокуса, в котором скрещивались и соединялись разнородные, извне приливiшие течения...»

Но уже тогда один из основоположников русской археологии, А. В. Городцов, имея в своем распоряжении лишь небольшую часть памятников кобанской культуры, высказывал твердое убеждение в том, что этот приговор ошибочен.

...Мысль, будто древние жители Северного Кавказа не знали металлургии до тех пор, пока им не открыли ее секретов пришельцы из Придунавья, основывалась на том, что найденные тогда образцы кобанской бронзы были отлиты в поздние периоды развития кобанской культуры. И в изделиях кобанских мастеров, поступавших в конце века в европейские музеи, исследователи видели главным образом влияние иных культур, иных народов, в том числе и народов Придунавья, причерноморских степей и даже Приуралья... А во многом произвольная, часто антинаучная датировка находок некоторыми исследователями прошлого века совершенно запутывала решение проблемы. Кобанскую бронзу с легкостью чрезвычайной перемещали во времени то в XX век до нашей эры, то в I—II века нашей... Те, кто считал, что кобанские изделия появились в конце III — начале II тысячелетия до нашей эры, естественно, делали вывод: в то время общий уровень развития северокавказских племен не позволял предполагать наличие собственной — да еще такой совершенной — металлургии... Те же, кто считал

Литая поясная пряжка в виде раненого оленя, прорезные металлические украшения, бронзовые кинжалы и топоры, покрытые изящным орнаментом, — шедевры кобанской бронзы, уже столетие украшающие музеи мира (фото на стр. 22—23).

кобанскую бронзу порождением времен античности, заключали, что перед ними «варварские» подражания древнеримским образцам, не имеющие права называться самостоятельной культурой.

Ясность в эту путаницу была внесена лишь в последние десятилетия. Многочисленные раскопки советских археологов помогли доказать, что первые изделия кобанской бронзы появились на рубеже II—I тысячелетий до нашей эры. И создатели изделий, найденных у селения Верхний Кобан, опирались на традиции, заложенные поколениями соплеменников.

Были обнаружены и другие факты, которые подтвердили самобытность кобанской культуры. Так, в районах ее распространения придерживались примерно одинакового погребального ритуала: умерших клали в каменные продолговатые ящики почти всегда на правом боку, в положении спокойно спящего человека — руки, сложенные у изголовья, чуть согнутые ноги.

...В древнем мире похоронный ритуал менялся чрезвычайно медленно. Только всесокрушающее нашествие иноверцев могло резко изменить его. Если кобанская культура была порождением каких-то пришельцев, то и погребальный ритуал кобанцев должен был быть привнесен ими.

А ритуал погребения умерших в каменных ящиках в положении спящих на правом боку, как выявили наши раскопки, существовал в этих местах за тысячелетия до того, как появились первые бронзовые изделия...

Но, может быть, те, кто принес секреты бронзы на Северный Кавказ, просто-напросто сами восприняли обычаи аборигенов, быстро ассимилировались? Такое предположение было бы правомерным при одном обязательном условии: если бы сохранилась хоть какая-то цепочка следов такого исхода — от Северного Кавказа на прародину легендарных пришельцев.

Этих следов не было. Мало того, экспедициями советских ученых вблизи центральных областей распространения кобанской бронзы были обнаружены еще две самостоятельные культуры, развивающиеся одновременно с кобанской...

На Северном Кавказе начиная с рубежа II—I тысячелетий до нашей эры существовала не одна «бронзовая цивилизация», а три!

И когда мы начали исследование этих вновь открытых культур, оказалось: чем древнее были следы их, тем все большим и большим числом деталей — положением умершего, конструкцией могильников, предметами, положенными у изголовья, — сближались они. Сейчас все говорит о том, что где-то в толще тысячелетий существовала какая-то единая «пракультура» — ствол, уходящий своими корнями в каменный век, на котором выросли эти ветви северокавказских бронзовых культур.

Исследования кобанской бронзы продолжаются. И последние годы подарили науке новые прекрасные произведения древних кобанских металлургов — их открыла экспедиция под руководством Валентины Козенковой.

Эти изделия кобанской бронзы были открыты в 1966 и 1969 годах археологической экспедицией под руководством Валентины Козенковой на поселении и могильнике вблизи современного селения Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии.

«В свое время Е. И. Крупновым, — рассказывает В. Козенкова, — было высказано предположение, что следы кобанской культуры будут найдены и много восточнее «классических» районов ее распространения, не только в Осетии, но и в Чечено-Ингушетии. И вот теперь исследуется первое поселение кобанской культуры, найденное там, где это было предсказано.

Древнее поселение у Сержень-Юрта существовало около шестисот лет, примерно с X до V века до нашей эры. В VIII веке оно подвергалось опустошительному нашествию скифов. Откосы холма крепости до наших дней хранили наконечники скифских стрел, и по их положению можно было даже предположить, откуда начался штурм последнего убежища жителей Сержень-Юрта.

На фотографиях — парадный бронзовый топор с изображением сказочной пантеры, бронзовые булавки, украшенные фигурами горных баранов, браслеты. Пока мы не можем полностью реконструировать парадную одежду кобанцев, но отдельные элементы кобанских украшений прослеживаются до настоящего времени в культуре современных народов Северного Кавказа».

ОТКРЫТИЕ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

ЯКОВ СЕГЕЛЬ

Коррида в Сибири

Эту историю я услышал в Мадриде от испанца, воспитывавшегося в Советском Союзе вместе с другими детьми, которых вывезли из Испании в 1937 году, и ныне вернувшегося на родину...

Он никогда в жизни не видел корриды. Он даже, как говорит русская пословица, не знал, с чем ее едят. А его все называли «тореро», просто потому, что он был испанцем.

«Тореро» и «тореро»... Некоторые даже думали, что это его имя. А звали его Хуан Лопес.

Теперь он жил в Сибири. Сюда Хуана забросила необычная его судьба и война...

Сельчанам трудно было запомнить непривычное иностранное имя. Поэтому его стали звать Ваня. Так было понятнее, и потом Иван и Хуан — это, кажется, одно и то же.

Говорят, темноволосым мужчинам больше нравятся светлоголовые женщины. Может, так и бывает у взрослых мужчин. Иван еще не был мужчиной, ему исполнилось только четырнадцать лет, но ему нравилась темноволосая девочка Оля.

А может, она просто была немного похожа на испанку?..

Стояла зима, и был мороз. Было так холодно, что птицы замерзали в воздухе и мертвыми падали на белую землю. Снег так сверкал под солнцем, что на него было больно смотреть. Он лежал глубокий, по самые окна.

В эти дни люди старались не выходить из теплых домов. Ну, конечно, ходили покормить скотину, за водой, и все, а так больше дома и дома...

И вот в один такой день из скотного двора вырвался огромный племенной бык Малыш. То ли забыли запереть стойло, то ли он случайно открыл его сам, только теперь Малыш оказался на улице и был в боевом настроении. Как только Малыш замечал человека, он низко опускал голову, сопел и становился похожим на паровоз или даже на танк.

Люди и не пытались с ним бороться — он был сильнее их. Тем более в селе остались одни женщины. Ну, еще старики. Ну, еще мальчишки и девчонки. Мужчины-то все ушли на войну.

Правда, быка можно было застрелить. Старый ночной сторож даже уже приготовил ружье, даже зарядил его тяжелой пулей, но стрелять ему не дали.

Быка нельзя было убивать. А что делать?..

И тогда кто-то вспомнил об Иване. Даже вспомнил его настоящее имя — Хуан, вспомнил, что он испанец, а раз так, то, значит, запросто управится с быком; им, испанцам, это раз плюнуть, они, испанцы, делают это легко и привычно.

А Хуан никогда в жизни не видел корриды и даже, как говорит русская пословица, не знал, с чем ее едят.

Но в него верили — и он решился. Спохватились потом люди, стали отговаривать его: мальчишка ведь. Но куда там! Сквозь замерзшее окно на него смотрела Оля, Хуан не видел ее, но точно знал, что она оттаяла дыханием маленький кружочек на замерзшем стекле и теперь смотрит сквозь этот кружочек сюда, на улицу.

Хуан даже не чувствовал холода — он искал быка. Малыш был где-то рядом, он бродил по снегу между притихшими избами.

У Хуана не было никакого оружия, у него даже не было определенного плана. А бык бродил где-то рядом...

Неожиданно они увидели друг друга. Совсем близко.

Наверно, целую минуту бык тяжело смотрел на Хуана, потом стал медленно опускать голову.

Хуан быстро оглянулся, но вокруг никого не было.

В это мгновенье бык заревел и бросился вперед.

Мальчик никогда не был на корриде, но, пожалуй, зрители ее получили бы удовольствие, видя, как он увернулся от быка.

А Малыш поднял голову и очень удивился. Ему казалось, что его рога обязательно достанут человека. И он повернулся, чтобы напасть еще раз.

Теперь быку было легче: Хуан оказался в узком проходе между двумя заборами. Ему некуда было спрятаться, некуда бежать, и бык снова бросился на мальчика.

Огромная туша его занимала весь проход, широкими потными боками он касался заборов и неотвратимо надвигался на Хуана.

Это было чудо, но Хуан опять увернулся. Правда, для этого он присел, чтобы бык не раздавил его о забор. Он не знал, что настоящий тореро так и делает...

На плече Хуан почувствовал горячее. Бык слегка задел его рогом. Больно не было, но страха теперь уже тоже не было. Было жарко...

Хуан содрал с себя стеганку, она была в крови.

Теперь, когда бык снова бросился на него, мальчик махнул перед его носом окровавленным ватником и обманул врага.

И опять Хуан не знал, что сделал именно так, как делают опытные тореро. Хуан не знал, что окровавленным ватником он действовал, как мулетой...

Он только знал, что должен, не убивая, победить быка, что больше некому и что где-то там, за замерзшим окном, Оля.

Теперь, когда первый страх прошел, когда он три раза обманул быка, Хуан даже специально дразнил его. Он неясно понимал, что чем больше злится это сопящее страшилище, тем сильнее он — человек, Хуан, Ваня, как называли его здесь.

А бык снова летел вперед. Теперь Хуан не приседал, он даже не отскакивал. Он взмахивал ватником перед самым носом рассвирепевшего Малыша и проводил его мимо себя.

— Потому что испанец! — шептали за окнами.

Оля только никак не могла понять, как все догадались, что успокаивать надо именно ее.

— Ты только не волнуйся, — говорили люди. — Все будет нормально. Он же испанец...

С тех пор прошло двадцать четыре года.

Хуан давно живет в своей Испании, но всякий раз, когда бывает на корриде и когда на арене становится особенно жарко, он вспоминает ту свою сибирскую корриду на снегу. Тогда он победил...

Бумеранг, или Австралия вновь открытая

ДЖОРДЖ МИКЕШ

Джордж Микеш, английский писатель-юморист, уже знаком читателю «Вокруг света». В нашем журнале публиковались главы из двух его книг — «Как стать англичанином» и «Танго», а всего их вышло из-под пера автора восемнадцать. Каждая книга посвящена новой стране, причем в каждой из них предметом особого внимания Микеша становится национальный характер народа — какие-то неповторимые черточки и оттенки, — словом, то, что делает один народ непохожим на соседний.

В этом номере мы предлагаем вниманию читателя отрывок из его нового произведения «Бумеранг».

Речь там идет об Австралии. Речь идет о пустынях и красных скалах Алис-Спрингс, золотых самородках и Большом Барьерном рифе, кенгуру и одичавших кроликах. В общем о том, что делает Австралию Австралией.

Но прежде всего речь, конечно, идет об австралийцах — об их жизни и их проблемах.

— Вот это и есть бумеранг, — объявил молодой служащий бюро путешествий, протягивая мне какой-то предмет. Мы сидели в приемной бюро в Мельбурне, и знаменитое оружие было, очевидно, предметом величайшей гордости его владельца.

— Я купил его у аборигенов недалеко от Алис-Спрингс, — продолжал он, — и это не совсем обычный бумеранг.

Я внимательно осмотрел его. А поскольку до этого мне лишь однажды довелось увидеть настоящий бумеранг, я не чувствовал за собой права считать себя специалистом по бумерангам. Я спросил:

— Что же в нем такого необыкновенного?

— Когда вы бросаете обычный бумеранг, он возвращается назад. А этот бумеранг — особый. Он не возвращается.

— А я-то полагал, что бумеранг славится как раз своей способностью возвращаться!

— Да, — кивнул он, — обыкновенный бумеранг всегда возвращается. Но ведь мы говорим о необыкновенном. Такие бумеранги никогда не возвращаются.

— Но в таком случае, — продолжал настаивать я, — все на свете — разумеется, за исключением обычных бумерангов — является необыкновенным бумерангом?

— О чем это вы? — нахмурился он.

— Да я о том, что моя шляпа, к примеру, — особый бумеранг. И авторучка — тоже. Попробуйте-ка бросить их — вряд ли они возвратятся!

— Особый бумеранг, — холодно и веско сказал он, — смертоносное оружие. Ему нет нужды возвращаться: ведь он не простой рядовой бумеранг.

Сдаваться я, однако, не думал.

— И вовсе не каждый обыкновенный бумеранг возвращается! Я как-то бросил один — он не вернулся и по сей день!

— Вероятно, вы просто неумело бросили его.

— Простите, что вы сказали? — я придал своему голосу угрожающее звучание.

— Я хочу сказать, что, по всей видимости, бумеранг, которым вы пользовались, был не совсем исправен. Он вышел из повиновения либо просто испортился. Словом, не вернулся. Теперь-то вы понимаете, что особый бумеранг даст сто очков обыкновенному бумерангу: что бы с ним ни случилось, он все равно никогда не вернется!

Моя первая встреча с Австралией тоже оказалась бумерангом. Одна местная организация прислала мне приглашение посетить эту страну. Ее руководители утверждали, что я окажу Австралии большую честь, если напишу о ней книгу. Я ответил, что подумаю, и продумал целых полгода, после чего написал, что согласен оказать такую честь. «Глубоко сожалеем, — последовал учтиво-ледяной ответ, — но мы берем свое приглашение назад».

Прошло несколько лет, и я отправился в Австралию по собственной инициативе. Но если раньше Австралия не показалась мне достаточно интересной (иначе чего бы мне колебаться целых полгода!), то с какой, спрашивается, стати я загорелся ею сейчас? Ответ прост. Нищий невежественный сапожник (равно как неотесанный тракторщик) — личность ничтожная. Но стоит сапожнику сде-

лать свой первый миллион — и он уже не сапожник, а «фабрикант обуви», трактирщик превращается в «пивного магната», а оба они — в членов палаты лордов. Сделай они еще по миллиону — и первый джентльмен перестанет быть необразованным, а у второго вмиг улетучатся его ужасные манеры. Оба станут «сильными личностями».

Нечто похожее произошло и с Австралией. Она, если можно так выразиться, сделала свой первый миллион и собирается сделать много больше. До палаты лордов ей, пожалуй, еще далековато, но для рыцарского звания она вполне созрела. И эта книга — мой личный скромный вклад в церемонию ее посвящения в рыцари.

Австралия оказалась бумерангом и в некоторых других отношениях. Прежняя юдоль каторжников стала землей, привлекающей многие тысячи граждан так называемой «матери метрополии», в числе которых немало самых блистательных умов. Утечка воров превратилась со временем в утечку мозгов...

— Постой, постой! — возразит читатель. — В своем рвении доказать, будто все в Австралии подчинено теории бумеранга (или в отчаянной попытке хоть чем-то оправдать заголовок книги!), автор заходит слишком далеко. Ну хорошо, в страну теперь вместо разбойников едут ученые, а средний класс растет как на дрожжах. Но какое отношение все это, скажите на милость, имеет к бумерангу?!

Верно, никакого. Но ведь я-то имел в виду необыкновенный бумеранг!

НЕПОНЯТЫЙ КОНТИНЕНТ

— Боюсь, что это типичная точка зрения новоавстралийца. Лично я ничего не имею против них, но, знаете ли, эти новоавстралийцы...

Мой собеседник, огромного роста бизнесмен с багровой шеей, сделал паузу.

— Не знаю, — ответил я. — А кто они, эти новоавстралийцы?

Я-то отлично знал, что он имел в виду. «Новоавстралиец» — просто-напросто более мягкий и дружелюбный заменитель термина «иммигрант».

— Значит, вы порицаете новоавстралийцев за то, что они не аборигены?

— Аборигены? — изумился он.

— Ну да! Ведь именно аборигены являются, так сказать, староавстралийцами!

— А, вот вы о чем, — снисходительно ухмыльнулся он. — Нет, когда я говорю о староавстралийцах, я подразумеваю не этих або (местный снисходительный эквивалент слова «абориген». — *Прим. авт.),* а нас, англосаксов, старожилов этих мест. А иммигранты из Европы — вот они-то и есть новоавстралийцы.

— Конечно, их можно назвать новоавстралийцами, — не унимался я, — однако те, кого вы называете староавстралийцами, вовсе не являются таковыми. Просто одни приехали сюда вчера, другие — позавчера, вот и вся разница.

Не скажу, что мое замечание особо понравилось собеседнику или что мы с ним сразу же стали закадычными друзьями, но, с другой стороны, и враждебность, с какой он встретил мои слова, не могла поколебать их справедливости. А оскорбленное молчание, воцарившееся после моей реплики, вовсе не могло автоматически означать моей принципиальной враждебности к собеседнику. Наоборот! Я-то хотел сделать комплимент. Молодость Австралии — одна из самых привлекательных ее черт.

Однако есть здесь отдельные человеческие экземпляры, вроде моего собеседника, считающие себя лучшими среди смертных (тогда как на деле они худшие и самые бесполезные!). Они смотрят на себя отнюдь не как на сыновей неотесанных каторжников (само это слово запрещено упоминать в их компании), которые и создали нынешнюю Австралию, а как на аристократов-англичан с гордо поджатыми губами, жизнь посвятивших охоте и рыбной ловле. Они считают себя не колонистами, а колонизаторами, потомками не смиренных жертв, а героев-разбойников. Эти личности — всего лишь имитация второсортных британцев — заимствовали худшие черты английского характера: высокомерие, чувство превосходства, равнодушие, чопорность; одновременно с этим они полностью утратили такие его славные черты, как терпимость, острый вкус к политике, широкий взгляд на вещи, любовь к чудачествам и странностям, мудрое чувство юмора и самокритики. Именно из-за этих людей Австралия видит себя в кривом зеркале, гордится несуществующими добродетелями и стыдится подлинных достижений. Она — непонятый континент, не понятый прежде всего самим собою.

ПЕРВЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Хотя Австралия и большая страна, она при этом маленький континент. Она даже меньше Европы на 14 процентов. А по сравнению с Азией или Африкой этот континент — вообще крошка. Однако Австралия — единственная в мире страна, занимающая целый материк. Как страна она примерно в 33 раза крупнее Великобритании, а австралийский штат Новый Южный Уэльс в 100 раз больше старого доброго Южного Уэльса! Австралия до недавнего времени, пока Аляска и Гавайи не получили статус штатов, почти не уступала по размерам США.

Здесь мне необходимо сделать одно маленькое отступление. Все, что следует ниже, — результат моих сугубо личных наблюдений. Не хочу, чтобы кто-нибудь, познакомившись с ними, подумал, что я страшно люблю оскорблять людей. Нет, наоборот, мне всегда хочется быть славным парнем, всеобщим любимцем. Но что делать, если уж я выбрал себе такую профессию! Уж лучше обмануть ожидание твоих гостеприимных хозяев, чем быть нечестным со своими читателями.

Австралийцы в подавляющем большинстве своем лишены чувства юмора. (При этом, заметьте, я вовсе не хочу сказать, что во всей Австралии нет человека с более развитым чувством юмора, чем, скажем, у меня.) Пожалуй, ни один самый горячий австралийский патриот-националист не станет доказывать, будто его страна — обитель тонкого остроумия, мягкой иронии и изысканной сатиры. Все вокруг, включая самих себя, они воспринимают с неве-

роятной серьезностью. В каждой шутке иностранца может быть скрыт язвительный укол. Он засмеялся — значит, он смеется над ними. Вот это-то неумение воспринимать шутки, эта неспособность посмеиваться над кем бы то ни было, эта полнейшая незащищенность нередко воспринимаются со стороны как грубость и неотесанность австралийцев. Однако это лишь оболочка, глубоко под которой запрятана душевная мягкость.

Они не любят критики. Вернее, критики недоброжелательной. Критику доброжелательную они вполне приемлют. Если вы щедро похвалите их, они на это не обидятся (тогда как британцы каждую похвалу, слетающую с уст чужеземца, считают снисходительной и гордо отвергают ее). Но попробуйте только заикнуться о том, что далеко не у всех австралийцев хороший почерк или что местное пиво не наилучшее в мире, и ваша жизнь повиснет на волоске!

И вовсе они не такие уж «мужественные», как сами они полагают! Как я понял, их «мужество» проявляется в том, что на вечеринках и на танцах мужчины забиваются в самый дальний угол зала, как можно дальше от женщин.

Проблема отношения австралийца к женщине (как, впрочем, и другие проблемы) уходит корнями в глубь истории. Когда среди австралийского буша объявились первые поселенцы, женщин в округе было крайне мало. Дело не в том, что австралийцы решили однажды не обращать на них внимания или по возможности обходиться без них, — женщин просто не было. Поэтому и сегодня, когда положение изменилось, на женщину здесь смотрят как на сотоварища, славного длинноволосого сотоварища, совершенно необходимого для жизни, но в целом ряде случаев заметно уступающего своим коротковолосым коллегам. Женщина — все равно что иностранец, перед нею боишься показаться смешным. Чтобы привлечь ее внимание, нужно, скажем, ловко прокатиться на фигурных коньках, а при этом так легко расквасить нос. Вот друг мужского пола — совсем иное дело. Как приятно находиться в его обществе, когда точно знаешь, что он не умнее тебя (при особо благоприятных обстоятельствах он может даже оказаться глупее). Друг мужчина — вот с кем австралиец чувствует себя полноценным человеком!

Если уж мы обратились к историческим корням, то есть полный смысл заняться историческим прошлым Австралии подробнее. Для облегчения задачи разобьем его на этапы (причем первый этап был этапом в самом прямом смысле этого слова!).

1. Уголовное прошлое Австралии. Для простых людей это время репрессий, и потому они не любят, когда упоминают о той поре. Когда же о ней заговаривают в их присутствии, они называют все это диким преувеличением, сплошной злобной выдумкой, вытащенной на свет божий с единственной целью — опорочить великую нацию. Однако, если бы в свое время в Австралию в качестве изгнанников отправились бы не лондонские уголовники, а преподаватели из Оксфорда и Кембриджа, речь современного австралийца гораздо меньше напоминала бы наш родной кокни...

Подобное отношение к прошлому укоренилось здесь, правда, далеко не у всех. В начале 50-х годов мне не удалось обнаружить в Германии ни одного бывшего нациста. Вполне понятно, что я не рассчитывал встретить в Австралии хотя бы одного человека, готового признаться в том, что его предки — каторжники. В Лондоне один австралиец как-то сказал мне: «Мы произошли не от заключенных, а от стражников». Однако в самой Австралии мои представления были опровергнуты. Первая же встреченная мною леди, очень богатая, очень элегантная и из самой верхушки среднего класса, с которой я принялся обсуждать этот вопрос, живо сказала:

— Да, я сама происхожу из семьи каторжников. Моего прапрапрапрадедушку привезли сюда в кандалах.

Мне потребовалось время, чтобы осознать одну непреложную истину: наиболее «передовые» австралийцы гордятся своими предками-уголовниками. Своеобразный уголовный снобизм в Австралии растет и крепнет. Первые прибывшие сюда поселенцы были хулиганами, убийцами и ворами — не лучшие человеческие экземпляры, надо сказать! Только охранявшие их стражники были, пожалуй, не более привлекательны. Но ни тем, ни другим это качество было ни к чему. Гораздо ценнее то, что они обладали выносливостью, находчивостью, храбростью, а именно эти свойства давали возможность выжить в те жестокие дни. Однако вскоре появились более интеллигентные преступники. Последняя партия ссыльных состояла почти из двухсот биржевых маклеров, наказанных за какую-то грандиозную и вполне невинную аферу. Разумеется, с их появлением средний уровень интеллигентности этой маленькой страны резко возрос. Многие нынешние австралийцы претендуют — нередко без всяких оснований — на то, чтобы их считали потомками этих самых маклеров. Да, да, ныне в интеллигентных кругах Австралии стало чуть ли не правилом хорошего тона ссылаться на предков-уголовников! К несчастью, преступников было слишком мало, чтобы удовлетворить спрос на них: до 1886 года, когда ввоз каторжников прекратился, на континент было доставлено 168 тысяч человек. И все же их ореол еще не погас, и, скажем, две сотни биржевых маклеров играют здесь ту же роль, что викинги, отважные воины и охотники у других народов. Поговаривают даже, правда с оттенком жалости и снисходительности, будто прогресс в Западной Австралии идет столь медленно именно потому, что тамошние жители не унаследовали ни одной черты от тех легендарных Двухсот [1].

2. Колониальное прошлое оставило по себе еще более глубокую память, даже шрамы. Быть каторжником, конечно, плохо, но это скорее результат фатального невезения, и любой англичанин — а англичане славятся своей безупречной чест-

[1] Справедливости ради стоит сказать, что Австралия унаследовала не только «дух легендарных Двухсот» и несколько тысяч уголовников, но и гордый дух ирландских повстанцев, сосланных сюда английской короной после восстания 1798 года. Дело в том, что после отделения от Англии Соединенных Штатов английское правительство решило использовать вновь открытые земли как удобное место новой ссылки, в том числе и своих политических противников. — *Прим. ред.*

ностью — с легкостью готов простить это. Но быть жителем колонии — это уже простить невозможно! Если англичане и смотрят на Австралию свысока, то вовсе не потому, что когда-то они ссылали сюда каторжников, а потому, что они посылали сюда своих самых бездарных отпрысков.

Нет ничего хуже, чем смотреть на себя глазами противника, оценивать себя его меркой. В свое время Австралия считала себя отдаленной колонией, населенной провинциалами и лишенной всяких традиций, — и действительно была похожа на таковую! Но ни одно человеческое существо, ни одна страна, ни один континент не могут продолжать жить, презирая себя. И вот в порядке самозащиты австралийцы искусно пестуют свою драчливость и задиристость.

3. В немалой степени повлияло на австралийский характер также наличие гигантских пустых пространств. В наши дни большая часть населения страны живет в городах, но мы ведь говорим о прошлом. Да к тому же открытые пространства существуют и сейчас, совсем рядом с крупными городами.

Такая обширность страны научила австралийцев не быть мелочными, не обращать внимания на пустяки, не волноваться из-за ерунды. Австралиец думает и говорит о вещах значительных. Он обладает проницательностью и достоинством. Добавьте к этому, что даже сегодня многие клерки и бухгалтеры из Мельбурна, Сиднея и Перта выглядят настоящими атлетами по сравнению со спортсменами из менее благословенных уголков мира.

4. Еще одним памятным этапом в истории Австралии была золотая лихорадка, но эта эпоха продолжается и поныне, причем сейчас она входит в свою кульминацию. Если постараться, можно и сегодня отыскать золото. Кое-кто уверяет, что можно даже особенно не стараться — нужно только нагнуться и поднять из пыли самородок!

Вся Австралия сделалась богаче за те последние десять лет, что я колебался, не зная, ехать мне или нет. Время, как говорится, — деньги, а поскольку традиция — дело времени, то ее тоже вполне можно приобрести за деньги! Хочешь иметь традицию — будь старше или богаче, одно из двух. Австралия приобретает как первое, так и второе, поэтому всякие разговоры об «отсутствии традиций» становятся уже малоактуальными.

Не является Австралия уже больше и одиноким, всеми забытым континентом, заброшенным в самый дальний угол мира. За 24 часа вы можете прилететь туда из Лондона. За 12 — из США. Ныне туризм — шестая по счету крупная отрасль индустрии, а лет через десять будет третьей. Австралия становится пригородом Америки и Европы. Правда, кое-кто из австралийцев склонен рассматривать себя как «перемещенных европейцев», что абсолютно неверно. Или как «белых азиатов», что еще более неверно. Но довольно многие считают себя просто австралийцами, которыми они успешно, прямо на глазах, и становятся.

ПЕЧАЛЬНЫЙ УПАДОК АНТИИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА

Я спрашивал у многих знакомых австралийцев, правда ли, что антиинтеллектуализм в их стране так живуч? Да, отвечали они. Если ваш интеллектуальный уровень выше среднего, постарайтесь не обнародовать этот тревожный факт. При этом вовсе не обязательно прикидываться слабоумным, но лучше уж быть слабоумным, чем слишком умным. Если вы любите читать, скрывайте от окружающих свою слабость, ибо, заслужив репутацию книжного червя, вы погибнете без возврата!

Но как тогда объяснить обилие великолепных книжных магазинов, не имеющих себе равных даже в Лондоне, Оксфорде и Нью-Йорке?! Справедливости ради скажу, что за пределами крупных городов — и в этом-то все дело! — книжных магазинов вообще почти нет. Однако и в этой области налицо явные перемены. Растет число университетов, растет число студентов.

Столь большая и значительная страна, как Австралия, не может жить «хлебом единым». Ей нужны идеи; нужны квалифицированные ученые — иначе она погрузится во мрак средневековья. Когда в 1957 году был запущен первый спутник, правительство внезапно осознало, что стране нужно гораздо больше инженеров, математиков, биологов, физиков. Потому-то и стали возникать университеты, куда начали завлекать молодежь. Заодно к кафедрам физики и математики прибавили совершенно бесполезные, с точки зрения здравого смысла, кафедры филологии и философии. Во-первых, это делало облик университета более внушительным, а во-вторых, философы и филологи обходятся значительно дешевле физиков и математиков... Так или иначе интеллектуальная прослойка стала крепнуть, и ее голос стал раздаваться все громче. Правительство нахмурило брови, когда вдруг оказалось, что биохимики и специалисты в области нелинейных функций начали высказываться на темы вьетнамской войны и ядерной бомбы. Ведь их нанимали, чтобы они думали над расщеплением ядра урана, а не занимались морализированием вокруг атомной бомбы! Но уж если молодой человек учится думать, очень трудно внушить ему, чтó именно он должен думать! Он все равно будет иметь свое мнение и будет открыто выражать его. Вначале не слишком громко и решительно, но будет.

САМОЕ ЮЖНОЕ ПОЛУШАРИЕ

Семь — слышите, не шесть, не восемь, а именно семь! — семь универмагов в различных городах Австралии были показаны мне с аттестацией «самого большого магазина во всем южном полушарии». Я насчитал пять стадионов, каждый из которых был «самым крупным в южном полушарии». Меня познакомили с очень высоким рыжеволосым джентльменом, владельцем фабрики консервированных бобов. Когда он отлучился ненадолго, мой спутник заметил, что он еврей.

— Разве это так уж важно? — спросил я.

— Еще бы! — последовал ответ. — Ведь он самый высокий рыжий еврей во всем южном полушарии.

Я был ошеломлен, но не сдался:

— Лучше бы ему быть адвентистом седьмого дня.

— Это почему же?

— Да просто потому, что их меньше, чем евреев. Звучало бы

куда убедительнее: «Самый высокий рыжий адвентист седьмого дня».

Мой собеседник был неумолим:

— Нет, он самый высокий еврей!

— Пожалуй, даже не так, — с готовностью подхватил я. — Он самый высокий рыжий фабрикант консервированных бобов еврейской национа...

Он прервал меня. Предмет был достаточно серьезен, чтобы терпеть всякие там шуточки:

— Я повторяю: это самый высокий рыжий еврей в южном полушарии!

Именно в те дни мною начала овладевать навязчивая идея бросить на время писательскую деятельность и всерьез заняться установлением какого-либо рекорда. Наш век обожает всякие рекорды — важно только, чтобы они отличались полной бессмысленностью. Если, скажем, кто-то объявит, что он написал самую длинную поэму из всех, что когда-нибудь писались под водой шариковой ручкой «бинго», можете быть уверены: от этого выиграет не только шариковая фирма, но и автор подводной поэмы. Наверняка ее тираж будет полностью распродан — пусть он даже превышает тираж стихов Китса и Эллиота[1], вместе взятых, упорно писавших на сухой земле. Я долго изобретал, чем бы заняться, но на ум пришла одна-единственная мысль: объехать на машине земной шар задним ходом... Плевать, что долго, — зато я буду первым, кто проедет по экватору задом наперед! В каждом городе меня будет ждать торжественная встреча, а вместе с нею слава и богатство. У меня будут брать интервью на телевидении, в мою честь назовут консервированные завтраки и компоты из сухофруктов. В конце концов меня удостоят рыцарского звания, и — вершина вершин! — я напишу книгу, которая, впервые в моей практике, будет распродана...

В одном не очень большом австралийском городе мне показали пивоваренный завод, охарактеризовав его как самый крупный в южном полушарии. В другом городке мне с нескрываемой гордостью дали понять, что местная турецкая община — самая большая в южном полушарии.

[1] Джон Китс (1795—1821), Эбенезер Эллиот (1781—1849) — выдающиеся английские поэты. — *Прим. ред.*

— А мне почему-то кажется, — усомнился я, — что в Иоганнесбурге турок гораздо больше.

— Как называется это место? — переспросил сопровождающий меня джентльмен. — Ну, то, что вы сейчас упомянули?

— Иоганнесбург. Он, понимаете ли, в Южной Африке.

— Знаю, знаю. Только мы здесь у себя не считаем, что этот самый Иоганнесбург находится в южном полушарии.

— Но, к несчастью, это так, — кротко заметил я.

— А я и не спорю, — холодно отпарировал он. — Я лишь говорю, что мы здесь не считаем, что этот город находится в южном полушарии.

В Сиднее я часто играл в теннис в паре с Джорджем Мольнаром, знаменитым художником-иллюстратором. Как-то мы изо всех сил бились за победу против австралийской пары, но в итоге проиграли.

— Не беда! — утешали мы друг друга. — Все равно мы остаемся самой сильной теннисной парой писателя и художника венгерского происхождения во всем южном полушарии!

БЕЛЫЕ АВСТРАЛИЙЦЫ

Австралия изобрела новый вариант знаменитой сказки о голом короле. Вместо того чтобы воскликнуть: «А король-то голый! На нем нет никакого платья!» — австралийцы кричат: «Нет никакого короля — только его платье!» Во всяком случае, таково их отношение к политике «Белая Австралия». Всякому ясно, что она, эта политика, существует, что она не просто политика, а закон этой страны. И все-таки почти все встреченные мной высокопоставленные австралийцы делают вид, будто ничего подобного они не знают. Кое-какие внешние признаки, так сказать отделка, существуют, но все это лишь платье, а короля в нем нет и не было! После такого категорического заявления они тотчас примутся уверять вас, что эта несуществующая политика — вопрос жизни и смерти для Австралии и что никогда, ни за что от нее (несуществующей политики) она не откажется.

Еще совсем недавно лозунг «Австралия — для белых!» имел широкое хождение. Сегодня он уже не звучит столь громко, более того — сами слова «Белая Австралия» признаны крамольными, чуть ли не ругательными. Но в частных беседах вы услышите немало горячих оправданий этой политики. Чаще всего вам скажут:

— Какая такая «Белая Австралия»? Если что и есть у нас, так просто политика «выборочной иммиграции».

— Да, но вы почему-то всегда «выбираете» лишь европейцев. А как насчет африканцев и азиатов?

— Ну, они сами виноваты — не могут пройти проверки!

Некоторые терпеливо объяснят вам, что азиатов и африканцев не пускают в Австралию ради их же собственной пользы. Во-первых, они будут очень неважно чувствовать себя в совершенно новой и непривычной для них стране. А во-вторых, Австралии нужны только лучшие из лучших, только сливки. В каком же положении окажутся Филиппины, Индонезия, молодые африканские страны, если они враз лишатся всех своих медиков, инженеров, ученых? Нет, это было бы непорядочно!

Один из членов австралийского парламента во время недавних прений в этом учреждении заявил, что Австралия — свободная страна, где нет места расовой нетерпимости и дискриминации. А чтобы оставаться свободной, страна должна иметь право решать, кого пускать, а кого нет. Иными словами, держите цветных на отдалении, чтобы сохранить репутацию свободного, широко мыслящего государства. В самом деле, в стране, где нет чернокожих, последние не подвергаются никаким гонениям. Впрочем, отсутствие цветных еще не означает отсутствия проблемы!

Вот вам краткая история «Белой Австралии».

В 1837 году, менее чем через 50 лет после того, как Австралия сделалась местом ссылки преступников, возникла необходимость законтрактовать индийских рабочих и поселить их в Новом Южном Уэльсе, но это предложение было отвергнуто на расовой почве. Во время золотой лихорадки в Австралии появилось столько китайцев (и других жителей Азии), что в 1888 году их въезд во все штаты страны был запре-

щен. По федеральному закону 1901 года запрещался въезд тех, кто не выдержит «письменного испытания». Закон этот был, естественно, направлен против неевропейцев, однако случались конфузы. После первой мировой войны блестящий журналист, коммунист Эгон Эрвин Киш решил посетить Австралию, но власти отказали ему в праве на въезд, поскольку Киш не сумел написать диктант на незнакомом языке. Его посадили в лодку, чтобы отвезти на судно, но он выпрыгнул за борт, сломал при этом ногу, провел несколько недель в больнице на берегу и написал остроумную, полную яда книгу о (вернее, против) Австралии.

Затем последовали кое-какие послабления. В 1904 году было подписано соглашение с Японией (а в 1912 году — с Китаем), по которому в Австралию разрешался въезд купцам и членам их семей. Потом было позволено появляться в Австралии иностранным студентам, женам и детям индийских поселенцев. Но в целом мало что изменилось по сравнению с 1837 годом.

Нет никакой заслуги в том, что у белого человека белая кожа. И ничего с австралийцами не случилось бы, если лет через сто они бы чуточку потемнели. Увы, интеллект алабамского шерифа, к сожалению, вещь живучая!

СТАРЫЕ АВСТРАЛИЙЦЫ

Аборигены — темное пятно на репутации Австралии как страны всеобщего равноправия. Ведь в Австралии, как известно, все люди равны, за исключением тех, кто не равен...

Я уже говорил о том, что Австралия на наших глазах превращается во вторую Америку. Правда, у нее более скудные ресурсы, ей волей-неволей приходится быть изворотливее. Вот, например, в Америке есть и негры и индейцы. В Австралии аборигенам приходится отдуваться за тех и других...

Аборигены составляют менее одного процента всего населения страны, но поскольку они распределяются крайне неравномерно, то их число кажется еще меньшим. Они в основном живут в больших резервациях и поселениях, причем в таких уголках страны, где мало кто из австралийцев бывает. С аборигенами общаются очень и очень немногие австралийцы. Подавляющее же большинство вряд ли когда видело в глаза живого аборигена и, уж конечно, не придает ни малейшего значения так называемой проблеме аборигенов. Как сказал мне один из аборигенских лидеров: «Для белых австралийцев Австралия — исключительно белая страна. Для нас — нет. Для них не существует расовой проблемы. Для нас — да».

Хорошо осведомленные люди поспешат заверить вас, что сама малочисленность аборигенов сводит их проблему на нет. В 1788 году их было около 300 тысяч, затем стало 70 тысяч, а во время войны цифра увеличилась до 100 тысяч. Причем лишь 40 тысяч из них — чистокровные аборигены. 60 тысяч — смешанного происхождения. Что до меня, так мне цифра 100 тысяч кажется не такой уж ничтожной, чтобы от нее отмахнуться. Для меня и одно-единственное человеческое существо кажется достойным внимания...

Другие начнут утверждать, будто эти «або» ложатся тяжелым бременем на плечи национальной экономики. Во-первых, это неправда, потому что многие аборигены честно трудятся. А во-вторых, что тогда сказать об их экономике? Ведь вторжение белых в конце XVIII столетия полностью разрушило их экономику! Пусть примитивную, но жизненно важную для них, не менее важную, чем экономика белых — для белых.

Есть еще одно мнение. Да, согласятся с вами, в прошлом так оно и было, белые — и британцы и австралийцы — совершали чудовищные преступления против аборигенов, но эти времена миновали. Теперь Австралия делает все, чтобы аборигены не тревожились за свою судьбу. Что ж, эта мысль по-своему справедлива, хотя до 1964 года аборигены подвергались многочисленным узаконенным ограничениям. Да и после 1964 года узаконенное бесправие аборигенов далеко еще не было ликвидировано. Лишь 27 мая 1967 года голосами подавляющего большинства населения был принят закон, уравнивающий аборигенов во всех правах. До этого аборигенов даже не считали людьми в полном смысле этого слова — их даже не учитывали при переписи населения! Причем в каждом из шести штатов (точнее, в Австралии пять штатов и так называемая Северная Территория) были свои законы, касающиеся аборигенов. Правда, в штате Тасмания все аборигены уже вымерли, последний — в 1869 году. Так что со смертью последнего аборигена жгучая «проблема» для Тасмании перестала существовать...

В действительности же положение аборигенов остается плачевным... Насчитываются четыре категории этих коренных жителей страны: 1. Те, кто продолжает вести образ жизни настоящих кочевников. Их не более 500 человек. 2. Те, кто живет в резервациях. 3. Жители окраин более или менее крупных поселений. 4. Городские аборигены. Последняя категория находится в привилегированном положении. У ее представителей есть собственные дома, приличная работа, они — полноправные члены общества.

Аборигены, живущие в резервациях, не могут пожаловаться на дурное обращение. Им оказывается медицинская помощь, их учат в школах, приобщают к спорту. И тем не менее они узники государства, и их жизнь мало чем напоминает жизнь свободных граждан свободной страны.

Обычно аборигены третьей категории живут в жалких лачугах из железа и картона, без всяких удобств, в ужасающей грязи и бедности. Во многих кинотеатрах небольших городков им разрешается занимать только первые четыре ряда. Их берут на самую неблагодарную работу, а женщины-аборигенки нередко вынуждены становиться проститутками.

«Но скажите же, бога ради, что можно сделать для этих людей?!» Сколько раз приходилось мне слышать этот вопрос, в котором звучали одновременно раздражение и безнадежность!

Впрочем, во время частных бесед с австралийцами мне неоднократно приходилось выслушивать и обвинения в адрес аборигенов (чего, кстати, публично сейчас почти не услышишь).

«Они грязны и невежественны». Верно, многие аборигены именно таковы. Не очень-то

просто следить за внешностью, когда живешь на жалкие гроши. Опрятность и чистота — признаки наличия собственного достоинства. Человек, насильственно лишенный чувства собственного достоинства, не слишком склонен следить за чистотой.

«Даже если им предоставляется возможность посещать школу, они все равно учатся плохо». Ну, во-первых, некоторые учатся хорошо. А во-вторых, немалое количество белых учеников тоже учатся далеко не блестяще! Ребенок-абориген, если можно так выразиться, вступает в жизнь с огромным опозданием, он дает белому ребенку фору, отыграть которую невозможно. К тому же и его родители — люди неграмотные, и их совершенно не трогают академические успехи детей, нередко они даже мешают им, протестуя против бессмысленной, на их взгляд, траты времени на учебу. Опять все тот же древний испытанный трюк: заставить людей жить в грязи и порицать их за то, что они грязнули; лишить их возможности посещать школу и обвинять их в том, что они невежественны. Во время моего пребывания в Австралии там насчитывался один — повторяю по буквам: о-д-и-н — абориген с университетским образованием. Кое-кто, правда, утверждал, что есть якобы еще и второй, но вспомнить его имя никому не оказалось по силам...

«Они работают недостаточно усердно. Они вообще не любят работать». Как будто рабочие во всех странах Европы являют собой пример трудового рвения! Как будто те, что действительно работают, обожают это занятие ради него самого! Вряд ли можно ожидать горения на работе от человека, который твердо знает, что на работу его примут последним, а уволят первым. Доверие рождает доверие, безразличие — безразличие. Те аборигены, которым посчастливилось иметь приличную работу, трудятся великолепно.

«Они слишком много пьют и быстро теряют голову» — вот еще что вам грозит услышать. Белые австралийцы пьют не меньше, и аналогичная слабость должна, казалось бы, вызывать у них симпатию. Но для белых австралийцев выпивка — одна из многих радостей жизни, тогда как для аборигена она чаще всего — единственная возможность уйти от мрачной, безрадостной действительности. Скорее всего они и впрямь не умеют пить и под действием спиртного быстро становятся излишне возбужденными. Не подлежит, вероятно, сомнению и то, что вино как бы раскрепощает аборигена, дает выход таящимся в его душе печалям, горьким обидам, толкает его на буйные, не поддающиеся контролю поступки. Произойди в жизни аборигенов изменения к лучшему, и, пожалуй, исчезли бы со временем причины этих периодических приступов неистовства, и тогда, по-видимому, аборигены научились бы пить, как полагается приличным людям. Правда, два австралийских мировых судьи — мистер Эрни Ланге и мистер Лори Уотсон уже предложили свое надежное средство для борьбы с пьянством: оба джентльмена ратуют за предоставление белым австралийцам права пороть аборигенов! Вот что заявил мистер Ланге (согласно газете «Сан-Геральд»):

— Аборигены начали вырождаться как нация чуть больше года назад, с того самого момента, как им было разрешено пить спиртное... В таком состоянии абориген может украсть лимонад, конфеты, словом, все, что угодно... Нам думается, что нужно ввести порку. Кнут — единственное, что их образумит!

Когда я познакомился со всеми этими разнообразными точками зрения на проблему аборигенов, мне стало понятнее и то недовольство, которое испытывают аборигены и их лидеры. Не случайно они внимательно следят за негритянским движением в США. Вы помните, что в оправдание политики «Белой Австралии» приводился такой могучий довод: иммиграция цветных нежелательна, потому что Австралия не собирается импортировать расовые беспорядки. И пусть аборигенов очень мало и у них отсутствует единая крепкая организация, стоит лишь прислушаться к гневным речам их вождей, к словам, полным сарказма и ненависти, как вы начинаете осознавать, что Австралия бурным темпом идет по пути создания собственной, «доморощенной» расовой проблемы.

Перевел с английского
З. КАНЕВСКИЙ

ДЕВЧОНКИ ИГРАЮТ В МИЛЬПАЧУНАМИ

Еще четырнадцать лет назад Фил и Ноэль Уоллесы спокойно жили в Мельбурне. Фил работала учительницей, Ноэль каждое утро ходил в свою контору. Летом 1956 года они решили провести свой отпуск, путешествуя по Центральной Австралии. Здесь впервые они встретили настоящих аборигенов — охотников пустыни (до этого им приходилось видеть коренных австралийцев только на страницах журналов). Жизнь аборигенов, их легенды, мифы, обычаи произвели на супругов Уоллесов такое впечатление, что Фил оставила школу, а Ноэль контору.

Отныне их жизнь была поделена между экспедициями к аборигенам, живущим у подножия гор Масгрейв, и обработкой дневников, магнитофонных записей, фотографий.

Целый альбом с фотографиями Ноэля и рассказами Фил они посвятили детям аборигенов. Вот один из этих рассказов.

...В самом сердце Австралии среди «красных песков», у подножия сиреневых гор Масгрейв, живет племя питджанджара. С утра взрослые уходят в пустыню в поисках пищи, дети собирают хворост и сухую траву для костров.

Когда сделано все, что наказали родители, а взрослые еще не вернулись, приходит время для мильпачунами — любимой игры девчонок питджанджара.

Они уходят в пустыню подальше от стоянки и садятся, поджав ноги, широким кругом. Одна из них начинает рассказывать сказку. Хворостиной, сжатой в правой руке, она ритмически бьет по земле, а левой рукой рисует на песке все, о чем говорится в сказке: людей, кенгуру, ящериц или просто солнце. Девочка говорит очень тихо, и все слушают ее, не перебивая, не задавая вопросов. Если кто-то из подруг знает сказку, она тоже берет в руки палочку; и так одновременно одну и ту же сказку могут рассказывать несколько человек; и вокруг каждого собираются свои слушатели — кому что нравится. Иногда сказку начинает одна девочка, а продолжает другая.

— Когда я буду большой, — рассказывает одна из девочек, — я стану белой. У меня будет всего

много. У меня будет красивое платье. И много сахара. И коробка, которая делает картинки...

— Тогда ты приедешь к нам, — подхватывает другая, ударяя прутиком по песку, — и дашь нам все это...

— Если она будет белой, — возражает третья, — она нам ничего не даст. Она будет жадная...

— А ты никогда не станешь белой, — смеется четвертая, — ты так и останешься черной и будешь целый день искать, чем накормить детей.

У рассказчицы появляются на глазах слезы.

— Нет, буду, нет, буду! — кричит она.

Назревает ссора.

— Не ссорьтесь, — говорит тогда девочка постарше, — послушайте лучше, как Мутата охотился за кенгуру Литчапарати...

...Иногда можно увидеть девочку, сидящую в полном одиночестве. В правой руке палочка, левая — чертит по песку. Она что-то говорит, и, если прислушаться, можно разобрать слова сказки.

Она готовится к мильпачунами, готовится загодя, потому что очень трудно одновременно отбивать такт, рисовать и рассказывать сказку, такую интересную, что замирают палочки в руках друзей.

В мильпачунами играют только девчонки. Игре их научили матери, а они когда-нибудь научат своих дочерей.

Ну, а что ж мальчишки? Без игр и они не остаются, да еще каких — веселых игр в охотников, следопытов и просто разных зверей. А иногда и их игры бывают грустными...

НОЧИ БЕЗ ПРИЧАЛОВ

▼ со стр. 7

Пересекаем Охотское море. Идем на больших глубинах. Впереди туман, и хотя постоянно получаем хороший прогноз, трудности прошлой навигации не забываются: Охотское море коварно. К тому же наши три судна, идущие в Николаевск, — это речные посудины, хотя внешне выглядят внушительно. Наше судно плоскодонное и очень чувствительно к волне. Капитан все время меняет курс, лавируя, ищет положение судна на волне, чтобы удар пришелся не на борт. Нас здорово трясет, перекладывает с борта на борт. Мы выбрали кратчайший путь, решив пересечь Охотское море, чтобы успеть к разгару навигации на Амуре. Суда очень ждут... Безопаснее было бы идти другим курсом, мимо Курильской гряды, через пролив Лаперуза, в Японское море и вверх по Татарскому проливу в Амур. Но это заняло бы много времени. И капитаны трех наших судов посовещались и решили в случае благоприятной погоды пересечь Охотское море. Мы где-то внутренне были спокойны и не раз говорили между собой, что наши суда уже прошли в прошлую навигацию испытания на прочность, раз выдержали двенадцатибалльный шторм в океане в самую страшную пору — осенью, когда страшен не только сам шторм, но и холод, грозящий обледенением судну. Теперь нам и сам черт не брат. Но если уж вспоминать о том, что выдержали наши речные суда, то нельзя не вспомнить, как караван пробивался сквозь тяжелые льды. Ледоколы иногда по нескольку раз обкалывали льды вокруг маленьких суденышек, и караван трудно, но пробивался вперед. Поначалу наш караван состоял из пятидесяти судов — танкеры, сухогрузные суда, толкачи-буксировщики, рефрижераторы. Все они перегонялись из Перми, Измаила, Куйбышева, Одессы, Ленинграда. В Архангельске эти речные суда сформировались в караван.

Когда-то все подобные суда, построенные в европейской части, перевозили на реки Сибири и Дальнего Востока железной дорогой, но это очень дорогая операция. В первые годы после войны моряки-энтузиасты во главе с Федором Васильевичем Наяновым предложили более дешевый, но сложный путь. Поначалу многие не верили, что это возможно: ведь речные суда не приспособлены для плавания в морях, а тем более в океане.

Однако необходимость в этих судах росла с каждым годом. В Сибири и на Дальнем Востоке вырастали новые города, развивалась промышленность, тысячи и тысячи людей ехали обживать новые места. Если взглянуть на карту этих районов, нетрудно заметить, что она вся испещрена крупными реками и их притоками, — значит, это самый удобный путь для перевозки грузов, так необходимых развивающемуся хозяйству края. И караваны судов, возглавляемые Федором Васильевичем Наяновым и опытными капитанами, вопреки сомнениям скептиков пошли по новому пути, и вот уже более двадцати лет речные суда приходят в сибирские и дальневосточные реки, преодолевая океанские и морские волны и ветры. Наш караван двадцать второй.

Охотское море кончилось: перед рассветом показался мыс Елизаветы — северная оконечность Сахалина. Точнее, еще не сам мыс, а его маяк. Утром обогнули мыс Марии: зеленая, спадающая вниз сопка, белая башня маяка, зеленая низина сопки, полнейший штиль и тихое, ровное дыхание судна. Как будто все еще спит: не взошло солнце, не началась жизнь. Облака похожи то на лебедей, то на паруса. Входим в Сахалинский залив. Последние десятки миль кажутся особенно долгими.

Неожиданно впереди увидели силуэт небольшого судна. Смотрим в бинокль и понимаем, что это лоцманское судно. Они нас увидели раньше и теперь спускают шлюпку. И вдруг впервые после долгого перехода возникло: «Нас ждут». Ждут именно нас и никого другого! Обычно ждали мы: ждали лоцмана, ждали катер, чтобы сойти на берег, потому что у нас не было своих причалов и мы всегда бросали якоря на рейде, ждали разрешения на выход в море, ждали погоды, ждали... ждали... И все ради этих минут.

Теперь судно ведет лоцман. Идем в лимане. Я оборачиваюсь и вижу разноцветные флаги — позывные судов; подняты и красно-белые флаги: имею на борту лоцмана. Это обычные вещи, но для нас они выглядят празднично.

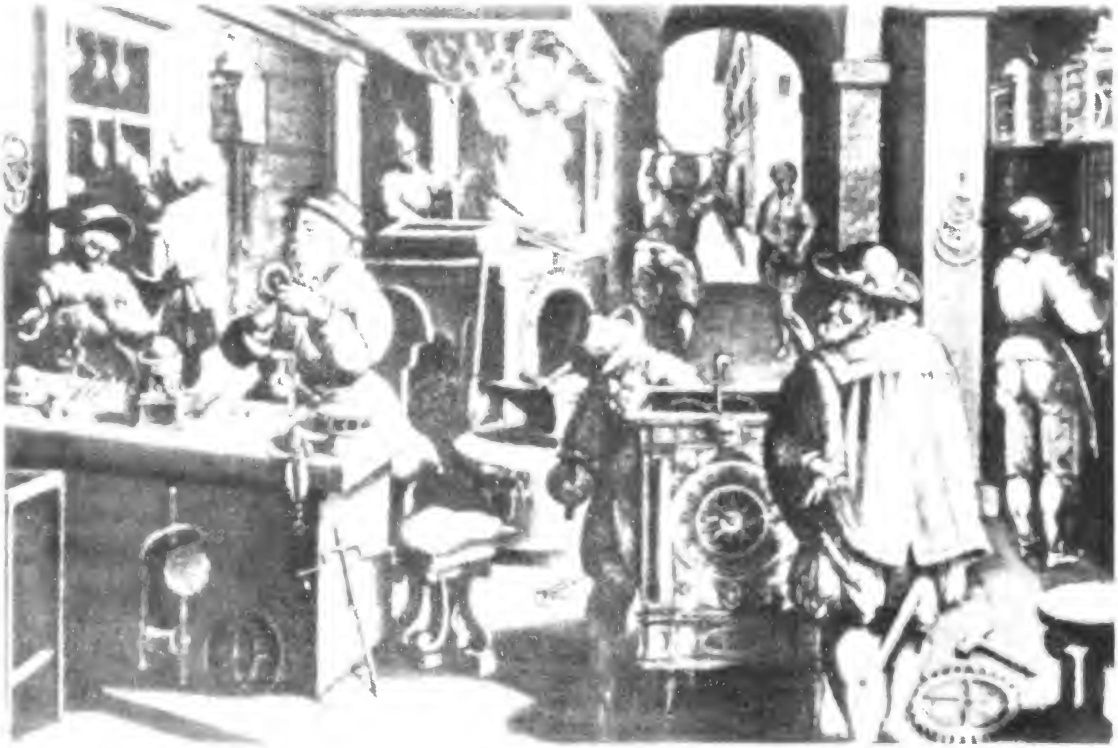
В океане, во время штормов, во время тяжелых льдов и бесконечных ночей без причалов, мы жалели, что идем на маленьких речных судах. Каждый не вслух, а как-то мысленно отмечал это. Конечно же, в двенадцать баллов лучше находиться на большом океанском судне, а не на маленькой посудине, которую может швырнуть на камни, но сейчас, когда мы идем вдоль берегов Амура, мы рады, что в кильватере не океанские корабли. На океанском судне мы не испытывали бы таких минут, как сейчас. С благодарностью и как-то по-новому смотрим мы на свои суда. За долгий переход мы забыли, что наши суда действительно очень красивы: длинные корпуса с белыми надстройками, трубы, как у морских кораблей, опущенные стрелы кранов. У судов высокие борта, непривычная для речных судов морская архитектура, здесь такие видят впервые. Пожилой человек, копающий грядку возле своего дома, увидев нас, оставил лопату, подошел ближе к воде, посмотрел на суда и вдруг улыбнулся. И было такое ощущение, что все эти две навигации мы постепенно приближались к этой улыбке, ради нее прошли весь путь. Получили радиограмму от Палагина. Он сообщал, что суда, идущие в Находку, тоже скоро будут «дома».

К вечеру пришли в Николаевск. Пар от теплой зелени поднимается, как дым. Капитан сказал, что завтра утром будем сдавать судно. Стало грустно.

Мы сохранили в отличном состоянии такелаж и приборы, сохранили для новой команды, которая завтра займет наши каюты и наши места на палубе, в рубке, в машине. Борис Дьячков, разглядывая ящик с новыми инструментами, говорил: ему жаль, что не пришлось ими поработать; мы даже сохранили чайный сервиз, чтобы передать его целым, нетронутым, а сами пили чай из кружек. Было грустно оттого, что рейс закончен, и радостно, потому что довели свое дело до конца.

Дождь никого из ребят не остановил: все вышли на берег. Мы готовы были шагать по лужам «нашего» города, ходить по парку и подниматься по деревянной лестнице вверх, где террасой раскинулся второй зеленый парк; мы зашли на почту отправить последнее письмо и снова ходили по городу, пока вновь не спустились вниз, к причалу.

Архангельск — Николаевск-на-Амуре

ЭЛИАН МЭНГО

ГНОМОН, КЛЕПСИДРА, БРЕГЕТ И ДРУГИЕ

Отрывочные заметки из истории часового дела

Должно полагать, измерение времени началось в тот момент, когда некий охотник некоего первобытного племени, воткнув в землю копье, заметил, что тень от копья изменяет свое положение и длину вместе с изменением положения солнца на небе. Можно не сомневаться, что до этого охотника свои копья в землю втыкали многие другие, но только этот, самый одаренный среди соплеменников, увидел взаимосвязь между движением солнца и тени. Так человечество сделало шаг вперед, открыв принцип гномона, сиречь прибора для определения времени по тени.

Гномон по современным меркам был не более чем младенческим лепетом только что родившегося мира. Первым же словом, произнесенным наукой об измерении времени, можно считать солнечный циферблат, или размещенные по окружности надписи, обозначающие пору дня. Геродот и Диоген называют изобретателем этого усовершенствованного гномона Анаксимандра Милетского, жившего в VI веке до нашей эры. Стоит вспомнить его имя с благодарностью, хотя есть тут одно «но»: ученым доподлинно известно, что древние египтяне пользовались солнечным циферблатом за семьсот лет до Анаксимандра.

Следующим шагом было появление песочных часов. Песочные часы изобретаемы были не раз и во многих странах. Древнейшие же их изображения и описание принципа действия вырезаны на камнях все того же Древнего Египта. Уточним, что особо они распространились в средние века. Священники определяли по ним продолжительность мессы, а моряки подсчитывали скорость движения судов.

Однако песочные часы, удобные для определения отрезка времени, совершенно негодны были для его постоянного измерения. И на свет появилась клепсидра.

Возраст клепсидры выяснить нелегко. Известно лишь, что клепсидра существовала (само со-

бой) в Египте, а также в Иудее, Вавилоне, Китае и Японии.

Первоначально клепсидра была очень несложным устройством — наполненный водой сосуд, подвешенный в нише. В дне сосуда просверливалась дырочка, в которую была вставлена трубочка с очень небольшим внутренним сечением. Вода сочилась по этой трубочке и капля за каплей падала в другой сосуд, на стенках которого были нанесены деления. Роль стрелки выполнял уровень воды.

Согласно преданию, самые первые механические часы были изготовлены монахом-бенедиктинцем Гербертом д'Ориллой, впоследствии взошедшим на папский престол под именем Сильвестра II. Он первый додумался использовать вес в качестве приводного механизма для часов. Средневековый манускрипт датирует появление первых механических часов 996 годом. Манускрипт начинается словами: «Адмирабиле хорологиум фабрикавит пер инструментум диаболика арт инвентум...», что можно перевести как «Чудесные часы, изготов-

Искусник, владевший тайной изготовления часов, был весьма уважаем в средневековом городе, а мастерство его казалось загадочным. Французский рисунок XIV века показывает часового метра, объясняющего почтительно слушающим дамам и господам хитроумное устройство башенных часов.

Совершенствовался часовой механизм, и часы становились все миниатюрнее. Бродячие мастера уже в XVI веке предлагали состоятельным заказчикам часы на любой вкус: отделанные золотом, расписанные эмалью и даже вмонтированные в роскошный пистолет. Но, пожалуй, высшим достижением часового искусства стали скромные на вид часы знаменитого в XVIII веке мастера Межевана. Свой шедевр, вызванивавший время с точностью до четверти часа, он презентовал своему тестю, г-ну Брегету.

ленные при помощи диавольского промысла и инструмента...»

У первых часов была всего одна стрелка, а размер их был столь велик, что установить их можно было лишь на башне. Точность этих часов была (по нашим понятиям) весьма невелика. Они убегали или отставали в сутки на четверть часа. Но в те неторопливые времена это обстоятельство никого не смущало.

На часы родился спрос. Тогда-то на свет и появился первый цех часовщиков — во Франции в XVI веке, а точнее — в июле 1544 года, о чем свидетельствует королевская грамота.

Сам король распорядился открыть в Блуа, тогдашней резиденции французских монархов, часовую мастерскую. Здесь, в Блуа, была сосредоточена светская жизнь Франции. Великое множество мастеров — портных и сапожников, ювелиров и каретников — обслуживало блистательный двор. И конечно же, принцы крови, и бароны, и герцоги, и графы, а за ними и сошка помельче хотели заиметь часы — великолепные игрушки, чуть-чуть таинственные и время от времени оказывавшиеся небесполезными.

Казалось, все содействовало развитию французских «искусств и ремесел», и действительно, лучшие часы в Европе тогда делали именно во Франции. Но вот беда — большинство часовщиков были гугенотами-протестантами. Восемь больших религиозных войн в 1562—1598 годах, потрясших Францию, не могли, конечно, упрочить их положение в обществе. А после отмены в 1685 году Нантского эдикта, гарантировавшего равные права протестантам, им пришлось спешно покинуть отечество. Беглецы обосновались по ту сторону гор Юра в Швейцарии. Лучший бургундский мастер Шарль Кюзен открыл в Женеве в 1574 году часовое производство. С этого времени и ведет свое начало всемирно знаменитая швейцарская часовая промышленность.

В Швейцарии, где из-за скудости почвы крестьяне в горных деревнях с трудом сводили концы с концами, а потому искали всяческих побочных доходов, часовое искусство стало чуть ли не национальным занятием. Одна старинная книга так описывает швейцарского крестьянина-часовщика: «Когда сумерки настолько сгустились, что стало совсем темно, крестьянин зажег две лампы. Около одной из них устроились два его старших сына. Они разложили перед собой самые разнообразные инструменты: маленькую наковальню, молоточки разных размеров, плоскогубцы, щипчики, крошечные напильники с очень тонкой насечкой, порошок для полировки. Ловкими пальцами брали они тонкую стальную ленту и скручивали ее в спираль, поколачивая на наковальне...»

Французское же часовое искусство после ухода гугенотов приходило в упадок. Однако корпуса для часов — шедевры ювелирной работы — по-прежнему лучше всего делали во Франции. Поэтому детали, изготовленные мастерами-крестьянами, возили из Швейцарии во Францию, в город Безансон и уже там заключали в роскошные корпуса из золота и эмали, украшали драгоценными камнями.

Комильфо той отдаленной эпохи почитали хорошим тоном иметь при себе множество всевозможных коробочек, богато украшенных резьбой, чеканкой и эмалью. Часы, вещь редкостная и дорогая, стали необходимой принадлежностью истинного аристократа. Их иногда носили по две, а то и по три штуки. Причем смотрели на них прежде всего как на украшение, а не предмет первой необходимости. В 1518 году мастер Жюльен Кульдре изготовил для короля Франциска I «два превосходных кинжала, в головки эфесов которых вделаны позолоченные часы». Знаменитая маркиза де Помпадур двумястами годами позже ввела в моду часы, вправленные в перстень. Появились часы в серьгах — подлинное чудо изысканности, мастерства и... бесполезности.

Лицам «низкого звания» сначала вообще не дозволялось иметь часы. Потом запрет ослаб, однако по-прежнему запрещалось носить часы из золота, с драгоценными камнями. Еще в 80-х годах XVIII века мастер Межеван был оштрафован цеховым советом на сто флоринов «за использование золота для отделки часов, заказанных неким купцом».

В 1793 году швейцарские часовщики — потомки французских эмигрантов стали массой возвращаться во Францию, а точнее, в Безансон. Тому причин было немало. Во-первых, высокий налог на хлеб и вино, установленный в Швейцарии. Во-вторых, революционное французское правительство обещало создать льготы умельцам отечественного часового ремесла. Швейцарский мастер Лоран, высланный во Францию за вольнодумство, убедил переселиться с ним в Безансон 80 других квалифицированных часовщиков. И хотя многие швейцарцы не прижились во Франции и вернулись домой, «возвращенцы» основали во Франции часовую мастерскую. Довольно скоро, однако, между правительством и Лораном пробежала черная кошка. Дело в том, что правительство решило открыть «фабрику для производства часов», Лоран всячески препятствовал этому, ибо квалифицированные швейцарцы привыкли делать все сами, храня при себе свои секреты. Фабрика же лишала их главного преимущества. Лорана отстранили от должности, мастерская, так и не переросшая в мануфактуру, закончила свое существование.

Поточное производство родилось вместе с первой фабрикой, которая была основана в 1801 году. Здесь изготовляли детали для часов; часовщики покупали эти детали и собирали из них часы на вкус заказчиков. Естественно, что такие часы были доступнее, чем уникумы, изготовленные Лораном.

К середине прошлого века часы, наконец, стали входить в обиход горожан, причем прежде всего как прибор для измерения времени. Уходят в прошлое старинные часы с их эмалированными, серебряными и золотыми циферблатами, с корпусами, покрытыми эмалевыми рисунками нежнейших цветов, с ажурными гравированными цифрами, с фигурными стрелками из золоченой бронзы и серебра. Часы, каждые из которых имели собственное лицо, а иногда даже и имя.

Наступало время простоты, рационализма и освобождения от ненужных деталей, удорожающих производство и мешающих массовому сбыту. Кустарей-ремесленников, художников, влюбленных в свое дело, сменили рабочие, умеющие выполнять лишь одну-единственную операцию сборки или изготовления деталей. Операцию, в конечном счете ненамного более сложную, чем движение безвестного гения, воткнувшего некогда в землю копье.

Перевел с французского
Р. КОГАН-ШЕЛЕСТЯН

К ТАЙНАМ МОРСКОГО ДНА... НА САМОЛЕТЕ

Необычную экспедицию провели ленинградские геологи и геофизики. Как предполагают специалисты, на прибрежном мелководье в районе острова Сахалин возможны крупные залежи каменного угля, золота, олова... С помощью аппаратуры, заряженной специальной фотопленкой, особо чувствительной в сине-зеленой части солнечного спектра, с небольшой высоты можно делать аэрофотоснимки, на которых будут хорошо заметны характерные признаки геологических россыпей, выходящих на поверхность, — их цвет и форма. И возможно, после обработки результатов экспедиции ленинградских ученых на карту полезных ископаемых лягут точки новых месторождений.

«ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ»

...выпал на Землю около двух миллиардов лет назад. Такую гипотезу выдвинул недавно известный американский ученый Уоррен Гамильтон, изучивший закономерности распространения золотых месторождений Юго-Западной Африки на территории около 25 тысяч квадратных километров. По предположению ученого, все они представляют собой осколки гигантского метеорита из чистого золота, «рассыпавшегося» при входе в земную атмосферу.

ДВУХТОННЫЙ ПРЫГУН

Такой заголовок появился недавно в некоторых австралийских газетах.

В одной из заброшенных каменоломен Нового Южного Уэльса палеонтологи обнаружили несколько костей и череп какого-то крупного ископаемого животного. Находки поступили в музей Сиднейского университета. Прежде всего ученые определили «возраст» находки — семь тысяч лет. Потом по остаткам скелета им удалось реконструировать внешний облик животного. И оказалось, как почти единодушно решили ученые, что перед ними неизвестный ископаемый предок австралийского кенгуру.

...Пожалуй, больше всего исследователей поразили его размеры — ископаемый кенгуру, судя по всему, не уступал по весу современным африканским носорогам.

СПУТНИК НА КОНЧИКЕ ПЕРА?

Тщательное изучение аномалий радиоизлучения Юпитера, отмечаемых радиоастрономами, провели недавно ученые Сиднейской радиофизической лаборатории. По их предположению, аномалии вызваны существованием спутника гигантской планеты, еще неизвестного астрономам. Расчеты австралийских исследований подтверждают справедливость выдвинутого советским ученым С. С. Гамбургом предположения о том, что у Юпитера есть еще не открытые спутники (см. «Вокруг света» № 7 за 1969 г.).

ЛАБОРАТОРИЯ НА ВЕРШИНЕ... ПОДВОДНОГО ВУЛКАНА

...в северной части Тихого океана сооружается канадскими океанологами.

Как установили ученые, вершина еще не остывшего вулкана представляет собой настоящий подводный «заповедник» — по разнообразию представителей морской флоры и фауны зона кратера много богаче соседних районов океана. Однако такая лаборатория нужна не только биологам. На вершине подводного вулкаиа намечено установить мачту (она на несколько метров «выглянет» из океана), оснащенную метеорологическими приборами. Впервые специалисты, обслуживающие метеоплощадку, выйдут на работу в подводных скафандрах.

БАРСУКИ-«АРХЕОЛОГИ»

Когда барсуки роют свои норы, все найденные ими камешки и другие твердые предметы они старательно выносят на поверхность. В земляных горках, насыпанных барсуками возле своих нор, ученые-археологи не раз делали интереснейшие находки.

А совсем недавно на юго-востоке Болгарии барсуками был «открыт»... целый римский военный лагерь. Археологи обратили внимание на невероятное количество керамических черепков возле барсучьих нор. В этом месте были предприняты тщательные археологические раскопки. Барсуки помогли: ученые обнаружили поселение, построенное легионерами 1900 лет назад.

МИКРОБЫ ЧУВСТВУЮТ РАДАР?

Такое предположение было высказано специалистами, обсуждавшими донесение капитана судна «Бритиш бомбардир». В вахтенных журналах многих судов можно найти упоминание о встречах с небольшими (диаметром 10—20 метров) и имеющими форму правильного круга, а иногда и колеса со спицами скоплениями флюоресцирующих микроорганизмов. Кстати, до сих пор неизвестно, что заставляет их собираться в «зоны жизни», словно очерченные гигантским циркулем. И когда «Бритиш бомбардир», проходя через Персидский залив, столкнулся с двумя такими светящимися дисками, один из штурманов включил локатор. На экране прибора ничего не отразилось. Но оба светящихся диска немедленно замерцали со столь же правильными трехсекундными интервалами, с которыми радиолуч, посылаемый вращающейся антенной, направлялся в сторону скоплений загадочных «светляков».

У ПУЛЬСА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Уникальный эксперимент проводят сотрудники Института физики Земли АН СССР.

На кабель-тросе к самому эпицентру ташкентского землетрясения, на глубину 2100 метров, был опущен специальный прибор — сейсмоприемник, передающий сейсмические колебания. На такой глубине сейсмоприемнику почти не будут мешать посторонние помехи, а данные, полученные в результате этого эксперимента, несомненно, окажут неоценимую помощь для решения проблемы прогнозов землетрясений. Кроме того, как сказал научный сотрудник института П. А. Троицкий, «этот эксперимент даст исходные данные для проектирования пятикилометровой скважины, на дно которой намечено опустить специальное сейсмозаписывающее устройство, способное выдержать высокую температуру земных недр».

(По страницам советской и зарубежной печати)

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

Вошел в лес, как в море, — и канул. Вокруг чаща непотревоженная, фиолетовый сумрак под шатрами елей, звенящие на ветру сосны, дубы необхватные, ни следа, ни тропинки. Частый посвист птичьего крыла, блеснет над корневищем звериный глаз, мелькнет в ветвях узорный рог оленя — сорван с плеча самопал, и гулкое эхо будоражит тишину. А потом опять все тихо, тихо, и снова как ни в чем не бывало бьется в чаще горячий пульс жизни, как бился он за миллионы лет до человека.

Так было в Европе.

Расчерченная автострадами, вспаханная плугом, глядящая огнями заводов земля кольцом охватила лес, врезалась в его глубины просеками, перебросила через него канаты электролиний. И по изреженному, исхоженному лесу бредет человек с точным, прицельно бьющим современным ружьем, но в глухой тени уже не шевельнет крылом боровая птица, не вскинет голову олень, а след вепря простыл уже столетие назад.

Таково распространенное представление о сегодняшнем положении дел в густонаселенных районах.

Многое, однако, оказалось не совсем так, а иначе — сложней, увлекательней, когда в кают-компании «Вокруг света» мы услышали рассказ видного советского биолога-охотоведа профессора АНДРЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА БАННИКОВА.

ЕСТЬ ЛИ У ДИКИХ ЖИВОТНЫХ ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ?

— Знаете, где сейчас в Европе больше всего дичи? — спросил Андрей Григорьевич. И сам же ответил: — В таких высокоразвитых странах, как Дания, Чехословакия, Англия!

— Но ведь там интенсивное сельское хозяйство, там плотность населения — свыше ста человек на квадратный километр...

— А тем не менее на единицу площади там дичи больше всего. И, может быть, это покажется странным, тут нет ничего удивительного. Когда-то почти во всей Европе — об этом времени уже забыли — взаимоотношения между людьми и дикими животными строились просто. Звери были сами по себе, человек со своим хозяйством сам по себе, охотники охотились, крестьяне оберегали стада от волков, тем все и кончалось. Ну и завершилось это в конце концов истреблением. Исчезли кабаны, стал большой редкостью благородный олень; где-то, кажется в Англии, лет сто назад поставили памятник последнему волку: в индустриальных странах девятнадцатый век, казалось бы, подвел черту под тем, что некогда было главой истории человечества — охотой. А сейчас происходят любопытнейшие вещи. В Шотландии, например, земледельцы нередко сами превращают свои поля в заросли кустарников, отдают угодья дикой природе, чтобы там селились и размножались вольные животные, птицы...

— Но не из-за любви же к природе они так поступают?

— Конечно. Побуждает их так поступать голая экономика. Мясо диких зверей и птиц содержит многие важные для человека аминокислоты и витамины, которых в мясе домашних животных не хватает. Поэтому ценится оно дороже. Поэтому в некоторых районах ряда стран оказалось выгодней создавать условия для процветания диких зверей и птиц, чем разводить скот. Человеку нужны, необходимы звери и птицы даже в самом прямом, утилитарном смысле. Известно, что в нашей стране доход от диких копытных и пернатых выше, чем от

КЛЮБ-КОМПАНИЯ
„Вокруг света"

пушных. И это не потому, что мы мало заготавливаем пушнины, мы ее заготавливаем много, соболя, например, мы берем как в самые лучшие времена минувших столетий. Но мясной дичи мы заготавливаем еще больше, и резервы ее очень велики. Огромны они и в других странах. Скажем, в Польше «проблема зайца» выглядит таким образом: там в среднем на каждые сто гектаров приходится по двадцати пяти зайцев. А цена на мировом рынке пары зайцев — восемнадцать долларов (между прочим, тонна угля стоит значительно дешевле). Вот и считайте выгоду. С помощью биологии и математики польские ученые разрабатывают сейчас оптимальную структуру популяции (населения) зайцев и за счет этого собираются удесятерить эту свою статью доходов. Я нарочно нажимаю сейчас на меркантильную сторону дела, потому что представления многих об охоте и охотничьих хозяйствах строятся на чистых эмоциях.

— Скажите, а польские крестьяне, как они относятся к зайцам?

— Хорошо относятся. Я понимаю, что вы имеете в виду. Существует представление о якобы неустранимом антагонизме между дикой фауной и культурным сельским хозяйством, животноводством. Не существует такого антагонизма! При правильном научно обоснованном ведении хозяйства вообще никакого антагонизма быть не может. Наоборот. Вот серая куропатка. Там, где она есть, там, где ее много, там полям не нужны никакие химические меры защиты против насекомых-вредителей. Потому что серая куропатка защищает от них поля лучше всяких пестицидов. Там, где есть дичь, урожай всегда выше — что может быть лучше? Поэтому дикие звери и птицы снова приходят к нам, верней, мы их сами приводим к порогу своего дома. Я уж не говорю о том, что без них наша духовная жизнь гораздо беднее и суше, это обстоятельство важнейшее, но тут доказательства, думаю, излишни. Сейчас об этом много, умно и проникновенно пишут.

— Так что же, в перспективе мы, возможно, будем сознательно сокращать культурные ландшафты?

— Не думаю. Это коснется только малопродуктивных для сельскохозяйственных культур и животноводства районов. Особенно засушливых, где почва в результате выпаса разрушается необычайно легко. Выражение «овца открывает дорогу пустыне» не просто красивый оборот. А дикие копытные никогда не повреждают почвенный покров. Эволюция здесь все ювелирно отрегулировала; ведь если бы дикие копытные уничтожали пастбища, они просто погибли бы!

Использование достаточно продуктивных сельскохозяйственных угодий для разведения оленей в Шотландии и вилорогих антилоп в США определяется высокими ценами на мясо дичи и интересом к спортивной охоте. Положение в нашей стране иное. Наш путь — это не замена животноводства охотничьим хозяйством, а индустриальные методы разведения дичи и поддержания численности диких животных в зоне культурных ландшафтов на достаточно высоком уровне. Несомненно, что не менее восьмидесяти процентов сельскохозяйственных угодий могут быть местообитанием диких зверей и птиц с пользой для того же сельского хозяйства, если звери и птицы подобраны так, что они не вступают в противоречие с основной формой землепользования. Тем более неудоби, пустоши, от которых нам нет никакой выгоды, способны приносить значительный доход, если мы подумаем, кем и как их заселить. А лес? В лесу можно брать одну только древесину. А можно подходить к лесу комплексно: брать и древесину, и дичь, и ягоды, и грибы. Так вот во втором случае лес дает вдвое больший доход! Вдвое! Симбиоз сельского, лесного и охотничьего хозяйства — вот что сейчас главное. В той же Чехословакии или Венгрии — высокоразвитое сельское хозяйство, но это страны также и высокоразвитого охотничьего хозяйства. На полях и неудобях там серая куропатка, косуля, фазан, в немногочисленных лесах — лань и благородный олень (да, да, тот самый «исчезнувший» благородный олень!). И диких животных там много, очень много.

Вспомним фазана. Он завоевал всю Европу! Но каким образом? Вот это очень любопытно — каким образом. Фазанов выводят в инкубаторах, и подросших цыплят затем выпускают. На этом все заботы человека кончаются. Фазаны, как и положено диким птицам, сами кормят себя. Они питаются насекомыми и, следовательно, все лето охраняют поля. А осенью они начинают поедать семена, но при этом семена одних только сорняков. Осенью на них устраивают охоту. В северных странах их выбивают стопроцентно, поскольку фазаны не могут там зимовать. А весной цыплята снова выходят из инкубаторов.

То же самое сейчас делают с уткой в Италии и Югославии. Кроме того, уток там еще тренируют, чтобы они летали строго определенными путями, — так легче добыть их осенью.

Вот это и есть индустрия охотничьего хозяйства. Та самая техника, которая некогда вытеснила диких животных и едва совсем не уничтожила их, теперь возрождает фауну в грандиозных масштабах.

— А как обстоит дело у нас?

— Нам тоже есть чем гордиться. Помню, когда я еще был студентом, профессор демонстрировал нам рога последнего лося, убитого в Подмосковье. А теперь лоси заходят в Москву... Мы спасли их. А сайгаки? Исчезающее животное — казалось, немного времени, и оно вообще погибнет, а сколько их теперь! Их сейчас около двух миллионов, и мы теперь ежегодно и без ущерба для воспроизводства берем 200—300 тысяч животных. О соболях я уже говорил — они были на грани гибели, мы их восстановили полностью. Восстановлен кабан, косуля. Поголовье северного оленя за последние годы возросло в три-четыре раза. Хорошо идет расселение бобра — мы уже снова начинаем собирать «урожай» бобровых шкурок, хотя до идеала еще далеко. В скором времени мы восстановим благородного оленя. Восстановим горного кавказского козла — тура. Восстановим серну. И это отнюдь не все.

— А какое место в этой индустрии занимают звероводческие фермы? Разводить там диких зверей, вероятно, и проще и дешевле.

— Смотря каких. Звероводческие фермы — неотъемлемая часть нашего хозяйства, где удалось достичь выдающихся успехов. Цветная норка, например. Нет такого зверя в природе, не было и нет, его создали люди. О красоте его меха говорить

не приходится. Тут звероводческие фермы незаменимы. При разведении лис и некоторых других животных они тоже незаменимы. Но мы не собирались и не собираемся разводить в клетках, допустим, крупных копытных, белку — это абсурдно и с точки зрения биологии и с точки зрения экономики. Для них у нас есть охотничьи хозяйства, есть заповедники, мы расселяем их, умножаем их численность, регулируем поголовье, но жили они и будут жить на воле.

— Все-таки это уже не совсем воля. Дикие животные, которых разводят индустриально, расселяют согласно научным рекомендациям и заготавливают промышленными методами, — это уже отчасти полудомашние животные.

— Можно рассматривать проблему и так. Человек должен брать на себя роль управляющего природой. И если он рачительный хозяин, что ж, это прекрасно. Такой хозяин улучшает природу, помогает ей, лечит ее. Сейчас мы еще находимся меж двумя полюсами. На одном полюсе, скажем, звероводческие фермы, а на другом — животные, которые пока еще живут, как и тысячелетия назад. Но постепенно и они войдут в нашу орбиту. Это будущее. Если мы не станем управлять природой, заниматься охраной природы, заниматься как следует, научно, то нам же будет хуже. Рациональная эксплуатация — вот как я понимаю охрану природы.

Мы не можем ограничиться сейчас только охраной, разведением диких животных, их размещением и прочими благодеяниями, выбросив при этом ружье. Такая «благотворительность» причинила бы природе неисчислимые беды. Мы истребили или резко сократили численность хищников, отключили естественные регуляторы и теперь сами должны регулировать то, что раньше осуществлялось само собой. Вот пример. Мы восстановили лосей — хорошо. Но несколько лет назад их в Подмосковье оказалось столько, что это резко отразилось на состоянии лесов. (Чрезмерные стада лосей губительны для подроста). В одном только Серпуховском районе лесам был нанесен ущерб на два миллиона рублей! Нам пришлось сократить численность лосей вдвое — с двенадцати тысяч до шести. Если бы мы этого не сделали, то лосей погибло бы еще больше, потому что они уничтожили бы свою кормовую базу. Мы лишились бы и лосей и леса. И во многих других случаях может получиться нечто подобное. Мы обязаны собирать «урожай» с наших охотничьих угодий. Этого требует не только экономика, но и биология. Другое дело, что необходим разумный, научно обоснованный подход, иначе мы сами себя разорим. Мы уже знаем, например, что лосиное поголовье надо ежегодно в среднем сокращать на двадцать шесть процентов. Ни больше, ни меньше. Если мы будем выбивать больше, то в конце концов снова останемся без лосей. Если меньше, то лосей станет чересчур много и пострадают леса. Работать надо буквально на острие бритвы. Ведь двадцать шесть процентов — это в среднем. Бывают годы неблагоприятные для тех или иных видов, тогда животных данного вида вообще нельзя брать. Бывают годы, наоборот, благоприятные, тогда надо брать больше, намного больше среднего.

— Значит, волк нам уже не нужен?

— Вопрос не простой. Мы не можем регулировать численность поголовья так тонко, как это делают хищники. Они выбраковывают прежде всего слабых и больных животных, тем укрепляя вид. Нам делать это очень трудно. Кроме того, те же волки гоняют тех же лосей, заставляют их держаться в «спортивной форме», что тоже оздоровляет вид. «Гонять» лосей мы, естественно, не можем. Поэтому хищники в общем-то нужны. Но тут есть одно серьезное противоречие. Волки опасны для домашнего скота. Значит, их надо бы иметь столько, чтобы они не вредили животноводству и в то же время осуществляли свои функции по отношению к диким животным. Но сколько их нужно? Этого мы, к сожалению, пока не знаем.

Проблем в нашей науке вообще пока что видимо-невидимо. Очень уж труден сам предмет изучения. Самый простой вопрос, без ответа на который вообще ничего нельзя делать: сколько животных в лесу и каких? Как на него ответить? Ну представьте себе чисто житейски: вот перед вами лес, и надо пересчитать его население. А ведь звери избегают человека. Они перемещаются. Их численность год от года колеблется в очень широких интервалах. Десятки лет, труд сотен и тысяч людей потрачены на разработку методик, которые бы позволяли точно ответить на этот «простенький» вопрос. И хотя многое уже сделано, конца этой работы не видно.

— А как все-таки можно подсчитать численность диких животных?

— Например, так. Надо взять строго определенную площадь, некий лесной массив и — не улыбайтесь! — пересчитать всех животных искомого вида.

Когда все животные будут учтены, надо вывести соотношение между их численностью и количеством следов, которые они оставляют. Тогда для других лесных пространств можно решать обратную задачу: регистрировать следы и по ним вычислять размер поголовья. Но перед этим, увы, надо ответить еще на такой вопрос: как широко мы можем распространить найденную нами закономерность? Леса лесам рознь. Где-то мы можем пользоваться найденной формулой, а где-то нет. Сплошь и рядом приходится прибегать к очень сложному математическому аппарату, пользоваться услугами электронно-вычислительных машин. В последнее время очень помогают нам термолокаторы, приборы, позволяющие регистрировать тепловое излучение. Благодаря термолокатору зверей можно учитывать с самолета в самом густом лесу.

Но это все азбука. Мало развести животных и выпустить их в лес. Тут-то и начинаются головоломки. Хочешь иметь, например, лося — руби ему на корм старые осины. Хочешь иметь глухаря — не руби старые сосны на болотах — лишишь его места для токовища. И так без конца — условие за условием. Но и это тоже относительно простые проблемы. А вот как быть с водоплавающей дичью? Ее численность сокращается на всей планете, а причины? Главная — сокращаются места, пригодные для обитания водоплавающих, болота прежде всего. Сейчас разрабатывается специальная международная конвенция. Если она будет принята, то страны, подписавшие ее, при планировании мелиоративных работ на своей территории должны будут учитывать «интересы» водоплавающих птиц.

Но тут примерно известны пути решения вопроса. А вот как быть с боровой дичью, совершенно неясно. Исчезает боровая дичь. Думаете, здесь прежде всего виноват человек с ружьем? Нет, человек без ружья.

Во всем мире сейчас ширится волна туризма. Миллионы людей устремляются поближе к дикой природе. Идет по лесу человек, пусть даже исполненный самых благих намерений, горячо любящий природу и вовсе не желающий ничего уничтожать. Но вот он вспугивает самку глухаря или тетерева с выводком. Мать — в одну сторону, цыплята — в другую, как они всегда поступают в минуту опасности. Но все ли цыплята соберутся обратно в гнездо? Не обязательно. Или ласка беззащитного цыпленка схватит, или что еще приключится с выводком, а только не всегда такой срыв с гнезда завершается благополучно. Раз за разом — один цыпленок погибнет, другой, третий... Глядишь — и нет выводка. Достаточно двадцать раз вспугнуть самку глухаря с гнезда, чтобы цыплята погибли все до единого. А пребывание людей в лесу резко увеличивает «фактор беспокойства». И надо думать о том, как решить и эту проблему.

— Есть еще браконьеры...

— Да, это большое зло. Во многих странах за убийство животных полагается тюремное заключение. Пожалуй, это чересчур сурово, но меры против браконьерства, конечно, должны быть действенными.

Совсем иное дело — настоящая, с соблюдением всех рекомендаций охота. Это отличный вид спорта, к тому же необходимый для правильного ведения охотничьего хозяйства и дающий прибыль. Если мы верно продолжим начатую работу, то охотиться смогут и наши сыновья и наши внуки. Но для этого следует изжить и браконьерство и ужасное бескультурье, когда человек с ружьем, уже недостойный имени человека, начинает палить во все живое. Настоящие охотники, кстати сказать, люто ненавидят таких убийц. Да и как к ним еще относиться?

— Чем характерен был закончившийся недавно в Москве всемирный съезд охотоведов?

— Хотя бы тем, что он был действительно всемирным. Исторически сложилось так, что на эти съезды собирались в основном европейские специалисты. Московский съезд был гораздо более представительным, и это, конечно, большой успех.

Заботила нас, как вы понимаете, масса проблем. Но коротко генеральную тему съезда можно резюмировать так: повышение продуктивности охотничьего хозяйства. На эту тему я уже много говорил, добавлю только одно. То, что делалось раньше, во многом делалось опытным, эмпирическим путем. Теперь все более возрастает роль теории. Охотоведение стало наукой, не менее сложной, чем, скажем, биохимия. Чтобы полноценно работать в этой области, надо профессионально разбираться и в поведении животных и в общебиологических закономерностях, владеть математическим аппаратом, хорошо знать ботанику, лесоводство, сельское хозяйство, экономику и многое другое. Потому что все надо решать комплексно, лишь тогда будет прок. А это требует знаний, знаний и еще раз знаний.

— Можно ли ожидать, что в недалеком будущем удастся восстановить численность всех угасающих видов?

— Тут нельзя дать однозначный ответ. Прежде всего многое зависит от социального устройства общества. Приведу конкретный пример: белый медведь. Он сильно повыбит. Мы запретили охоту на него, а за рубежом нет. Почему? Да потому, что право на выстрел по белому медведю продается за большие деньги. Представляете, какой доход? Ну и бьют белого медведя. Потом, вероятно, спохватятся, но, может быть, слишком поздно. Так, к сожалению, уже бывало.

Но есть и другие факторы. Зубров нам, скажем, удалось спасти от окончательной и бесповоротной гибели. Но полностью восстановить их былую численность не в нашей власти. Нет уже тех диких чащ, в которых они жили, а в современных лесах они жить не могут. Подобные виды мы будем сохранять в заповедниках — это бесценный генетический фонд природы, и потери здесь невосполнимы. Живая природа — это вечный источник познания и неиссякаемый источник пополнения материальных благ, если относиться к ней бережно, любовно и рачительно.

Записал Д. АЛЕКСАНДРОВ

В 1900 году, после смерти выдающегося русского историка литературы Леонида Николаевича Майкова, его обширный архив был передан в Академию наук.

Немалую часть его коллекций составляли материалы, относящиеся к творчеству Александра Сергеевича Пушкина.

Среди пушкинских бумаг архива Л. Н. Майкова и была обнаружена эта удивительная, загадочная страница. Плотный лист пожелтевшей от времени бумаги был сложен вдвое, и на его внутренних сторонах характерным пушкинским почерком были написаны какие-то стихи.

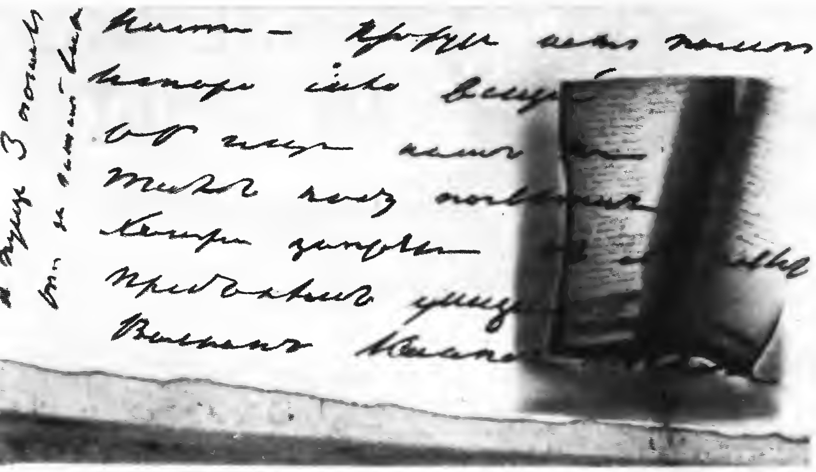
Подлинный пушкинский автограф — сомнений в этом быть не могло. Водяное клеймо на бумаге свидетельствовало о том, что ее изготовили в 1829 году. На внутренних «страницах» этого листа красными чернилами были выведены цифры 66 и 67 — нумерация, произведенная после смерти Пушкина Жуковским и жандармским генералом Дубельтом, разбиравшими по личному указанию Николая I бумаги, сохранившиеся в доме поэта на Мойке. Ценнейшая для исследователей находка!

Но... эти пушкинские стихи не мог никто прочесть. Строчки словно были рассыпаны по страницам, между двумя строчками, стоящими рядом, не было абсолютно никакой связи. Может быть, какой-нибудь черновик, обрывки разрозненных мыслей? Но и такое предположение, мелькнувшее было у исследователей, разбиравших архив Л. Н. Майкова, не очень вроде бы подходило — слишком уж тщательно, почти совсем без помарок, почти набело выписаны были эти удивительные стихи. И оставалось предположить только одно — строчки были перепутаны поэтом нарочно. На этих двух страницах — зашифрованное стихотворение, которое по каким-то причинам Пушкин хотел скрыть от современников...

На протяжении нескольких лет было сделано несколько попыток разгадать смысл «перепутанных» строчек. Но никто из литературоведов не приблизился к решению загадки ни на шаг. Загадка так и оставалась загадкой в течение почти целого десятилетия... пока, уже

ШЕСТНАДЦАТАЯ СТРОКА

Рассказ о загадке пушкинского шифра, не разрешенной до конца

в 1909 году, страница не попала в руки известного пушкиниста Петра Осиповича Морозова.

Стихи, которые сумел в конце концов прочитать исследователь, известны сегодня всем. Однако мало кто знает, как удалось разгадать пушкинский шифр.

Прежде всего П. О. Морозов обратил внимание на то, что многие пушкинские строчки, стоящие друг против друга на правой и левой сторонах листа, подходили друг к другу по рифмам: «Орла двуглавого щипали» — «Его мы очень смирным знали», «Остервенение народа» — «Гроза 12 года...» Такого наблюдения, заметного вроде бы и с первого взгляда, прежде еще не делал никто. Однако установленный факт далеко не разрешал загадки. Но вот однажды, в который уже раз, снова и снова перечитывая эти запутанные, разрозненные стихи, П. О. Морозов остановился на одной из строчек левой страницы: «Исчезнувший, как тень зари». Справа, напротив, была совсем уже загадочная строчка: «Пред кем унизились 3». И вдруг... Блестящий знаток творчества Пушкина, Морозов вдруг припомнил — строчка уже попадалась в каком-то из опубликованных пушкинских стихотворений...

Не было ли здесь какой-то связи?

Эта строка нашлась в стихотворении «Герой» — в стихотворении, посвященном Наполеону. Четверостишие из «Героя», в которое входила эта строка, выглядело так:

Все он, все он, пришлец сей бранный,
Пред кем смирилися цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари...

Строчку «Пред кем унизились 3» на правой стороне загадочной рукописи Морозов сравнил со строчкой «Пред кем смирилися цари» из «Героя»...

Строчки почти полностью повторяли друг друга. «3», вероятно, было не цифрой, а обозначением очень похожей по написанию латинской буквы «Z», эта буква соответствовала нашему «Ц». Значит, «3» означало слово «цари»! А слово «смирились», использованное в «Герое», в рукописи было заменено словом «унизились»...

И, доказав, что в зашифрованном стихотворении Пушкина действительно были использованы строчки из другого, уже публиковавшегося стихотворения, П. О. Морозов уже не сомневался: парные строчки шифрованной рукописи действительно должны были относиться друг к другу.

...«3» было буквально рассыпано по всем строчкам. Скорее всего стихотворение было зашифровано Пушкиным из-за постоянной опасности обыска, в стихотворении, вероятно, Пушкин не скрывал своего отношения к политике императора и к нему самому. Чувствуя, что он на верном пути, исследователь стал искать ключ к шифру еще настойчивее

И ключом оказалось все то же четверостишие из «Героя» Все снова и снова перечитывая «разбросанные» стихи, П. О. Морозов обратил теперь внимание еще на две строчки «Сей всадник, папою венчанный» и «Сей муж судьбы, сей странник бранный». Они очень напоминали первую и третью строчки четверостишия из «Героя». И разве нельзя было предположить, что, используя в новом стихотворении уже написанное когда-то четверостишие, поэт мог изменить в нем некоторые слова?..

Разгадка была где-то совсем рядом, близко. Надо было только найти принцип, по которому стихи, стоящие по смыслу рядом, записывались в разных местах страницы. Может быть, могла бы помочь самая простая арифметика?

Стихи отстояли друг от друга ровно на шестнадцать строк.

Ключ был найден! Чтение надо было начинать с правой страницы сверху вниз — на ней были первая и через шестнадцать строк вторая строка четверостишия из «Героя». Продолжать на левой, тоже читая сверху вниз, — здесь были строчки третья и с тем же интервалом четвертая. По такому же принципу, вероятно, были записаны и другие строчки зашифрованного стихотворения Читая через шестнадцать строк П. О. Морозов выписывал одно четверостишие за другим И тогда..

Властитель слабый и лукавый,

Плешивый щеголь, враг
труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда...
Его мы очень смирным
знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра...
Гроза двенадцатого года
Настала, кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский
бог?..

Что это были за стихи? У самого П. О. Морозова, у остальных исследователей не было никаких сомнений — и тон, и манера, и стиль отчетливо напоминали «Евгения Онегина».

П. А. Вяземский, один из ближайших друзей поэта, записал в своем дневнике, что Пушкин «много написал в деревне. Привел в порядок 8 и 9 главу «Онегина» и ею кончает. Из десятой, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе—славная хроника!».

А. И. Тургенев сообщал своему брату в письме: «Пушкин не мог издать одной части своего «Онегина», где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 годом... В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом».

Значит, наконец-то найден беловой текст знаменитой десятой главы «Евгения Онегина», главы, зашифрованной Пушкиным. И найден ключ к ее прочтению...

Но... И по сей день исследователи ищут остальные страницы этой бесценной рукописи. И ключ позволяет читать лишь начальные четверостишия из строф десятой главы. Их продолжения — на других страницах. К тому же, и на самой странице, помеченной цифрами 66 и 67, не все стихи подчиняются принципу «шестнадцатой строки», — очевидно, шифруя текст, А. С. Пушкин в некоторых местах, сбиваясь со счета, допустил неточности, в которых исследователи не могут разобраться до сих пор.

Будут ли найдены остальные страницы зашифрованной рукописи, займут ли они свое место в Пушкинском доме?

В. МАЛОВ

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

РОЖДЕНИЕ ПОЭМЫ

Деда послали в город. Дело было нестоящее, и дед всю дорогу ругался. Озера бушевали. Из-за лесов неслись, набирая скорость, рваные и неприятные тучи.

До узкоколейки деда довезли на «одре», вышибавшем душу. «Одер» сохранился в тех местах еще со времен князя Олега Рязанского. Два колеса, ось и на оси — плетень; только на такой колымаге можно было проехать по тамошним глубоким пескам и болотам. «Одер» был не телегой, а схемой, некой упрощенной до предела идеей первобытного колеса. Он скрипел и стонал по лесным дорогам, пахнувшим йодом и гнилыми пнями. Перепадали дожди.

На узкоколейке дед схитрил, до следующей станции Ласково он дошел пешком и только там, благословясь, сел на поезд. Полтинник остался в кармане. В поезде дед жаловался двум непонятливым бабам:

— Кануна меня послала прямым сообщением в город.

— Кака кануна?

— Ну, вроде колхоз.

— Камуна, — догадались бабы.

— Ну камуна, — согласился дед. — Посылают меня до музею, где Советско правительство собирает карточки, прейскуранты, все такое прочее. Посылают с заявлением.

— Чего брешешь?

— Ты гляди, вот!

Дед вытащил измятую бумажку, сдул с нее махру и показал бабам.

— Машка, прочти, — сказала баба девчонке, лузгавшей семечки у окна. Машка обтянула платье на коленках, подобрала ноги и стала читать:

— «Зобчается, что в Белом озери живут незнакомые птицы, громадного росту, полосатые, всего три, неизвестно откуда залетели, надо бы взять живьем для музею».

— Вот, — сказал дед, — за каким делом стариков посылают. Все Лешка-комсомолец. Тьфу!

Бабы вытирали круглые рты концами платков и вздыхали. Паровоз, похожий на закопченный донельзя чайник, испуганно посвистывал и озирался: леса гудели и справа и слева, бушуя, как озера. Хозяйничал западный ветер. Поезд с трудом прорывался через его сырые потоки и безнадежно опаздывал, отдуваясь на глухих полустанках. Неглухих полустанков на этой линии не было.

— Вот жизня наша! — сказал дед. — Запрошлый год в музею ездил, сегодняшний год — опять.

— Чего в запрошлом нашли? — спросила баба постарше.

— Торчак.

— Чегой-то?

— Торчак. Ну, кость древнюю. В болоте она валялась. Вроде олень. Роги — с этот вагон, прямо страсть. Копали его месяц — вконец измучился народ.

— На кой он сдался? — спросила баба.

— Ребят по ем будут учить.

Об этой находке в «Исследованиях и материалах музея» сообщалось следующее:

«Скелет уходил в глубь трясины, не давая опоры для копачей. Пришлось раздеться и спуститься в трясину, что было крайне труд-

Очерковый рассказ «Рождение поэмы» был написан К. Г. Паустовским в 1933 году и в том же году опубликован в № 7—8 журнала «Смена». С тех пор он ни разу не перепечатывался.

«Рождение поэмы» — это первое приближение писателя к любимой им теме Мещерского края. Не удивительно, что кое-какие мотивы читатель встретит в некоторых более поздних рассказах и повестях, посвященных Мещерскому краю. Но многие эпизоды рассказа не повторялись впоследствии ни в одном произведении Константина Георгиевича.

Рассказ входит в сборник произведений, подготовляемый комиссией по литературному наследству К. Г. Паустовского.

Л. ЛЕВИЦКИЙ

но из-за ледяной температуры родниковой воды. Правый и левый огромные рога, как и череп, были целы, но крайне непрочны вследствие полнейшей мацерации костей. Кости разламывались прямо в руках, что вызывало опасение в успешности сохранения скелета. Но по мере высыхания твердость костей восстанавливалась».

Был найден скелет исполинского ирландского оленя с размахом рогов в два с половиной метра.

В городе дед долго объяснял заведующему музеем насчет птиц.

— Полосатая она, стерва, — говорил он сокрушенно. — Ну прямо гагара, только поболе и пострашней. Одно слово — пестрядь.

Деда отправили обратно с наказом: птицу не пугать и ждать охотников из города. Ехать на Белое озеро за птицами вызвались геолог Шпиндлер и сотрудник местной газеты поэт Ваня Дорохов. Три часа они ползли по узкоколейке до Ласкова. Глухие полустанки были завалены смолистыми бревнами и пахли свежей порубкой и немудрыми лесными цветами.

В Ласкове их встретили комсомолец Лешка, он же Алексей, и дед. Лешке было не до озера, в их колхозе косили сено, и с Дороховым и Шпиндлером отправили провожатым деда, носившего кличку «Двадцать процентов». Идти на озеро дед побаивался — ходили слухи, что там живут не то водяной, не то рыба с громадной жабьей мордой.

— Остатней способности у меня нету, — ныл всю дорогу дед. — Инвалид я, свинья меня задрала. Ну, милок, была свинья — прямо лев. Ударил я ее шестом, хотел выгнать из избы, — она как кинется, повалила меня, я лежу, кричу в голос, она меня рветь, она меня терзаеть. Мужики сбежались, боятся подступиться, а она меня рветь, она меня терзаеть! Насилу отняли. В больнице я месяц пролежал, доктор сказывал: ты теперь, Егор, совсем остался без трудоспособности, от тебя, говорит, по видимости сохранилось двадцать процентов, никак не более. С тех пор так меня и величают «Двадцать процентов». Ну, была же свинья! Выйдет на улицу — все как вымерло, бабы ребят хватают, ворота запирают, мужики с вилами ходют, чистая война. Однако убили ту свинью разрывной пулей, иная ее не берет.

— Ты, старик, про водяного нам расскажи, — попросил Шпиндлер.

— Что водяной... Водяной живет, рыбкой питается. Чего про него говорить. Сам увидишь.

— А ты видал?

— Как не видать — видал.

Только к закату вышли к Глухому озеру. До Белого озера, где жили птицы, идти оставалось несколько часов. Решили заночевать и провести на Глухом озере день — спешить особенно некуда. Ночь медлила. Она зарождалась на восточном берегу озера сумерками, легкой синевой, страшно высоким месяцем, повисшим над зарослями, но обрыв на западном берегу был еще выпукло освещен солнцем. Обрыв лесники называли «Рудым яром».

— Ваня, — Шпиндлер остановил Дорохова за рукав, — прочтика мне еще раз твои стихи о соснах.

Дорохов начал читать. В стихах было одно место — оно очень нравилось Шпиндлеру. Там рассказывалось о старых сосновых пнях, о тончайших слоях древесины, нараставших десятки лет, о медленном могуществе жизни. Стихи были тихие и скромные, как и сам Ваня.

— Вот это мне здорово нравится, — Шпиндлер похлопал Ваню по плечу. — Стихи о напластованиях жизни. В сущности говоря, стихи об органической химии. Ну, не сердись, я не о том хотел сказать. Разговор будет о «Рудом яре». Погляди получше.

Под косым солнцем обрыв казался полосатым, как шкура пестрого зверя, разложенная у подножья лесов. Желтели ровные слои девонского известняка, осыпавшегося колючими осколками и окаменелыми ракушками аммонитов. Над известняком белели ледниковые пески, перемытые многими водами и перевеянные ветром давно забытых эпох, над ними лежала пепельная толща подзола.

— Видал? — спросил Шпиндлер. — Вот тебе медленное могущество жизни. Здесь каждый слой нарастал тысячи и тысячи лет, не то что у твоих сосен.

— Камень есть камень, — пробормотал Ваня. — Ты геолог, тебя это, конечно, интересует, но чего ты хочешь от меня? Чтобы я изложил тебе геологию александрийским стихом или ямбом?

— Нет, — язвительно ответил Шпиндлер. — Я хочу, чтобы ты написал стихи о божьей коровке. Камни эти могут мир перевернуть, а ты мне всю дорогу бубнишь о горлинках и стрекозах. Слепота! Глупая слепота, черт бы вас всех побрал, поэтов!

Шпиндлер яростно посмотрел на Ваню через круглые очки и стал похож на хищную птицу. Ваня засмеялся.

— Я юродивый, — ответил он и начал спускаться к озеру. — Я за рыбную ловлю и охоту лешему душу продам, а ты меня фаршируешь кембрием и девоном. Скучное это дело, дорогой товарищ.

Ночь почти не спали. Шпиндлер сидел у костра и читал, морщась, тоненькую книжку «Геологический очерк Минусинской котловины». Ваня готовился к утренней рыбной ловле, перебирал снасти, потом от нечего делать высыпал на газету червей и пересчитывал их — он все тревожился, что червей не хватит.

— Четыреста штук, — Ваня с сокрушением покачал головой.

Дед забеспокоился во сне.

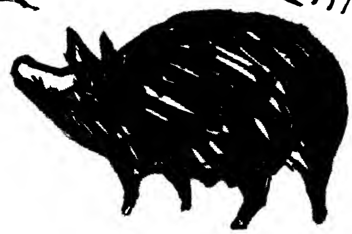
— Не жадничай, — ответил Шпиндлер.

Спать не хотелось. На востоке не было еще никаких признаков рассвета, даже не зеленело небо. В заводях спросонок крякали утки. Звезды переливались, будто ветер перемывал их в черной ключевой воде. Шпиндлер закурил и посмотрел на Венеру. Казалось, что она летит сквозь заросли волчьих ягод и никак не может долететь до земли, до озера, до лесов и блеснуть над ними своим мертвым светом, похожим на сверкание инея.

— Неплохо, — пробормотал Шпиндлер и задумался.

— Ну, что ты там вычитал? —

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

спросил Ваня. — Расскажи, дожидаться зари будет веселее.

— Эти книги я умею читать между строк. — Шпиндлер прислушался к плеску рыбы на озере. — Слыхал? Это щука ударила. Скучные здесь вещи написаны, Ваня. Вот слушай: «Каменноугольные залежи известны в нескольких местах Минусинской котловины. Самые мощные носят название абаканской мульды. Они имеют первостепенное экономическое значение. В юго-восточной части мульды известно 38 пластов общей мощностью в 40 метров. Угли жирные, с длинным пламенем».

— Читай между строк!

— Ну ладно. Ты знаешь, что происходит с углем? Нет? Происходит следующее: угольный пласт создавался миллионы лет, а мы его сжигаем в один день. Отсюда возникает паника. Возникает страх, что угля не хватит, хотя мировые запасы и переваливают за 8 миллиардов тонн. Поэтому каждый новый пласт угля отодвигает все дальше и дальше какой-то конец человеческой культуры, который сейчас уже чудится иным слабонервным людям. Лишняя тонна угля — это лишняя книжка хороших стихов, это тепло, свет, это вообще, если выразиться по-твоему, по-поэтическому, спрессованная в черном блестящем камне сила жизни, сила и богатство мыслей и ощущений нашей эпохи. Небось человек каменного века не мог расточать столько прекраснейших мыслей, как, например, Флобер или Верхарн, которого ты совсем зря не читаешь. Ну то-то! Все твое острое восприятие жизни от вековой культуры, от угля, от железной руды, от всяких таких марких и скучных вещей. Ты брось смеяться. Подкинь-ка лучше в костер. Сбил ты меня, я не о том говорю. Итак, угля мало, запасы его быстро иссякают. Но ты, Ваня, не пугайся. Химики додумались до того, чтобы превращать уголь в жидкое топливо, а в этом виде он дает эффект, как принято выражаться, во сто крат больший, и запасов угля хватит нам настолько, что даже трудно себе представить. Называется эта штука, такое превращение угля, гидрогенизацией.

Ваня молчал и слушал, как на мшарах, на сухих болотах, поросших мелколесьем, кричали встревоженные журавли.

— Совы им спать не дают, — догадался Шпиндлер. — Конечно, все, что я тебе говорил, — это обрывки каких-то настоящих знаний. Ты поймешь мою главную мысль? Займись геологией. Она даст тебе точные образы. Ты пойми, что так называемые «полезные ископаемые», помноженные на нашу человеческую выдумку и научную мысль, и создают то, что называется культурой. Нигде так настойчиво не ищут этих богатств, как у нас в СССР, и, следовательно, нет нигде такой тяги к культуре и таких величайших возможностей. Подумай об этом на рыбной ловле. Очень стоит. Я редко читаю журналы, но одно меня бесит — это вопли критиков против авантюрного романа. Какая бессмыслица! Поговори с участниками экспедиций, и ты узнаешь, что героизм неотделим от приключений. Не правда ли? Где-нибудь на Таймыре участники экспедиции съедают все до последней крошки, до фактории две недели ходьбы, и вот, чтобы не умереть с голоду, люди жуют стеариновые свечи. Потом их рвет. Потом они совершенно серьезно пишут в отчетах, что свечи оказались

весьма противными на вкус. Но, однако, они едят свечи и упорно двигаются к цели. Так-то, брат. Напиши поэму о геологах. Перед тем, что они пережили, перед их упорством и остротой мысли бледнеет даже твоя поэтическая фантазия.

На востоке загоралась заря. Она лилась к зениту потоками голубого света. Звезды растворялись в нем, становились все более далекими, как огни поездов, уходящих в туман. Дед проснулся и зевал, поскребывая грудь.

— Ну, дед, где же водяной? — спросил Шпиндлер. — Покажи, мы его бахнем из двустволки.

Дед неопределенно махнул рукой:

— Тама, у той заводи в воде лежит. Иди сам, я с тобой не пойду.

Шпиндлер взял дробовик и пошел к заводи. В рассветном тумане озеро казалось морем. Роса брызгала в лицо. На березах пели горлинки.

Ваня Дорохов остался с дедом кипятить чай. Со стороны заводи ударил гулкий выстрел.

— Спаси, владычица-троеручица, — старик быстро закрестился. — Неужто убил? Доходишься с вами до погибели.

— Ты чего крестишься, дед? Небось в церковь ходишь?

— Ходил, пока поп был. Не к себе, а в Заборье. У нас храм не действует. Попа сняли. У них, значит, в Заборье колхоз, поп, значит, требы сполняет, а ему за это самое трудодни начали считать. Лешка наш узнал и прикончил это дело. Действительно, сам посуди, какие они, к лешему, колхозники, нешто можно попам трудодни выписывать? Смехота!

— Эге-гей! — закричал издалека Шпиндлер. — Дед, эге-гей!

— Кличет ученый, — пробормотал дед. — Пойдем, что ли?

С трудом они прорвались к Шпиндлеру через заросли осинника и молодой березы. Обнаружилось, что водяной действительно убит, — то был гнилой ствол громадной березы. Он лежал на дне озера около берега, и сучки его — гнилушки — светились под водой, как раскосые глаза черта. Шпиндлер выстрелил в один глаз, расщепил березу, и глаз потух.

— Видал? — Шпиндлер ткнул в березу шестом. — Видал твоего водяного?

Дед помолчал, поскреб поясницу, потом тонко захохотал:

— Да разве я что! Девки, дуры, набрехали. За брусникой сюда боялись ходить. Ну, теперь, слава те господи, освободил ты нас от страху. Теперь девки сюда понапрут за грибами, только держись!

Вернулись к костру. Ваня вычерпал воду из лодки. Дикие утки пролетали над ним со свистом и неуклюжим шумом. Когда на вершинах сосен зазолотела хвоя и в зарослях зашумели птицы, Ваня, ругаясь со Шпиндлером из-за спутанных лесок, оттолкнул лодку. Серебряное солнце медленно подымалось из холодной озерной воды. Весь этот день Ваня думал о словах Шпиндлера, и неясные контуры величавой поэмы переплетались в его глазах с медленно тонущими поплавками и брызгами солнца, летевшими с пойманных окуней.

Днем, купаясь с лодки и вдыхая сладкий дым, стлавшийся по воде от костра, Ваня рассказывал Шпиндлеру о рождении поэмы. То была поэма о недрах, о камнях, о шершавой руде, о ледниковых озерах, выстланных торфом, о нефти, пахнущей морями, о геологах, о временах, близких, как завтра, когда у земли будут отняты, наконец, ее глубокие клады и рассвет каждого голубого и теплого дня будет началом творческого и радостного существования.

— Не совсем ясно, — сказал Шпиндлер, — но правильно. Крой, пиши.

Ваня плыл к берегу. Брызги падали на листья кувшинок и сверкали на них, медленно скатываясь в воду. Безмолвный полдень, похожий на светящуюся воду, подымался над лесами.

Через пять дней Шпиндлер и Дорохов доставили в музей двух гигантских полярных гагар, пойманных живьем на Белом озере.

Озеро, где поймали гагар, было ледниковое. Дело это произошло в трехстах километрах от Москвы, в Мещерских лесах, тянущихся от Спас-Клепиков до Рязани.

М. БЕЛЕНЬКИЙ, Л. МИНЦ

СОСЕДИ ВЕЛИКАНОВ

В 2700 году до нашей эры повелитель Обоих Египтов фараон Нефрикаре отправил своего военачальника Хирхуфа в страну Актин; тот дошел до огромного леса к западу от Лунных гор и увидел там «маленьких людей, живших на деревьях, танцевавших и певших для своего бога». Хирхуф был настолько поражен увиденным, что срочно описал это зрелище и отправил в тот же час фараону гонца с папирусом.

Повелитель, коему к середине царствования порядком надоели стандартные придворные удовольствия, с тем же гонцом, одаренным тремя кольцами медной проволоки, немедленно отправил своему вельможе подробнейшую инструкцию по доставке одного чудо-карлика в столицу. Этот документ своей обстоятельностью способен вызвать зависть не у одного составителя инструкций для ночных сторожей:

Охота не только основное занятие маленьких людей. Она и главный источник их вдохновения. Танцы лесных обитателей (а их жизнерадостности дивились еще древние египтяне четыре с половиной тысячелетия назад) повторяют картины только что закончившейся охоты. Партнеры в импровизированном танце превосходно, не сговариваясь, понимают друг друга.

«...Когда он будет спать, выбери доверенного человека, дабы спал с ним,

и не менее десяти раз в ночь заходи в его палатку и смотри: все ли в порядке?

Когда он взойдет с тобой на корабль, назначь по одному человеку стоять с правого и левого бортов, дабы следить: не упал ли карлик в воду.

Божественная Светлость — говорю тебе: желаю видеть карлика больше, нежели урожай Синая и дерево Пунта».

Поучительная инструкция навеки осталась выбитой на фасаде Хирхуфовой гробницы в Саккаре, из чего можно заключить, что Хирхуф успешно провел мероприятие и доставил карлика пред очи владыки. И это, очевидно, явилось ярчайшим подвигом его жизни.

Так состоялось первое знакомство цивилизованного мира с неведомыми маленькими людьми, живущими в лесной чаще.

Встреча эта у египтян была не последней, потому что вскоре пришел с верховьев Нила и занял свое место в египетском пантеоне лесной бог — бородатый карлик Бэс. В его храме служили специально привозимые из страны Лунных гор маленькие люди. В Саккаре на рельефах царских могил V династии сохранились изображения человечков с выпуклым лбом: воздев руки к небу, они пляшут, широко раскрыв рты.

Греки узнали о таинственных лесных карликах от египтян. Очевидно, сведения эти были сильно преувеличены, или в данном случае, лучше сказать, преуменьшены. Во всяком случае, греки назвали карликов «пигмеями» — «пигмаиой», что означает «величиной с кулак». Видели ли греки их? Скорее всего нет. Это тем не менее не помешало им ввести пигмеев в свои легенды. Гомер, описывая в «Илиаде» битву между греками и троянцами, вспоминает пигмеев нижеследующим звучным стихом:

...С криком таким журавли пролетают под небом высоким,
Прочь убегая от грозной зимы и дождей бесконечных,
С криком несутся они к океановым быстрым течениям,
Смерть и погибель готовя мужам низкорослым — пигмеям,
В утреннем сумраке злую войну они с ними заводят.

Для Аристотеля тем не менее пигмеи — реально существующие люди, однако уже не лесные обитатели, а троглодиты, живущие в пещерах:

«...жилища их так же малы, как и они сами, и находятся в земле».

Найти в непроглядном лесу добычу, бесшумно подкрасться к ней и уложить отравленной стрелой из маленького лука — никто не сумеет сделать это лучше пигмея из леса Итури.

Почему в земле? А вот почему.

Задолго до Гомера и Аристотеля герой древнегреческих мифов Геракл уже столкнулся с пигмеями, и при обстоятельствах не самых для него приятных. Одолев сына Земли Антея, герой возлег опочить от подвигов. Тут-то из глубоких нор вылезли люди величиной с кулак, коварно подкрались к спящему Гераклу и пытались связать его. Пробудившийся Геракл сгреб нападавших могучей дланью, бросил в львиную шкуру, после чего след их затерялся.

Аристотель, хотя и опирался на реальные источники[1], не избежал влияния мифа.

Ну, а после Аристотеля реальность существования маленьких людей подвергалась все большему сомнению.

— Что за пигмеи? — говаривали ученые мужи, степенно прохаживаясь в Пропилеях. — Кто их видел? Никаких пигмеев нет и быть не может.

Переместившись в область чистой фантазии, пигмеи были отданы на откуп художникам-керамистам, и одним из любимых сюжетов, изображаемых на греческих вазах, стали маленькие (действительно с кулак) люди, празднующие победу над журавлями. Воздев руки к небу, они плясали, широко раскрыв рты.

Но их уже никто не видел. Они исчезли, как исчезла их страна у подножья Лунных гор. Исчезли сами Лунные горы. Затерялись истоки Нила.

Уже для римлян выражение «искать истоки Нила» было синонимом заведомо бессмысленного занятия. Путь в страну пигмеев был накрепко забыт, и изображение пигмеев на помпейской фреске вряд ли означает нечто большее, чем отголосок старых-старых греческих легенд.

Для научных сотрудников средневековых университетов пигмеи были темой для таких же схоластических построений, как дискуссии о том, «может ли Господь Бог создать такой камень, который не в силах поднять Господь Бог».

В XIII веке Альберт Магнус, доктор универсалис из Кельна, в своем труде «Суть ли пигмеи люди?» убедительно доказал, что пигмеи суть не люди, ибо:

первое — они не обладают философией, второе — искусством и третье — стыдом.

Все свои заключения христианнейший доктор произвел на основании описания пигмеев у Аристотеля. А все написанное Аристотелем — каждая буква! — почиталось доктором (как и его коллегами по кафедре) за непреложную истину.

Последующие полтысячелетия не принесли никаких новых сведений о пигмеях, а наступивший энциклопедический XVIII век напрочь отверг их вместе с циклопами, летающими гипербореями, людьми с песьими головами и прочими порождениями неистовой фантазии древних.

Но в XIX веке путешественники, исследовавшие Африку, принесли в Европу рассказы туземцев о воинственных карликах, живущих в непроходимом лесу где-то у подножья Рувензори. Рассказы эти удивительным образом совпадали с преданиями древних историков.

И тогда снова начали искать пигмеев — «людей ростом с кулак».

При дворах африканских владык европейцы, несомненно, встречали пигмеев — танцоров, телохранителей, шутов. Путешественники видели их в упор, но не признавали за пигмеев; те никак не влезали в Аристотелево описание. А посему они склонны были считать их либо детьми, либо лилипутами, которые не бог весть какое чудо и в Европе.

В 60-х годах прошлого века американский зоолог Поль Дю Шайю разыскивал в лесах Габона горилл. И он слышал от своих проводников рассказы о племенах карликов-охотников, которые добросовестно изложил в отчете об экспедиции, сделав примечание, что сам относится к этому не без сомнения.

Научная общественность с интересом восприняла рассказ о гориллах, но что касается карликов... Что касается карликов, то европейские коллеги подняли (со всей, конечно, академической корректностью) Дю Шайю на смех. «Больно уязвленный несправедливой и жестокой критикой, я вновь отправился во внутренние районы Габона», — пишет Дю Шайю.

Милях в ста пятидесяти от побережья в чаще леса он наткнулся на несколько очень маленьких хижин, таких маленьких, что трудно было принять их за человеческое жилье. Хижины, крытые листьями, были в метр вышиной. Дю Шайю решил было, что в глубине хижинки восседает, как водится, деревянный божок с губами, густо вымазанными жиром. Но проводники ашанго утверждали, что это и есть жилище тех самых карликов-обонго, о которых они рассказывали.

«Держа перед собой связку разноцветных бус,— повествует Дю Шайю, — я медленно подошел к хижинам. Но наша предосторожность оказалась напрасной. Мы нашли в хижинах трех старых женщин и юношу, который не успел убежать. Я протянул им бусы. Одна из старух осмелела и принялась высмеивать мужчин за то, что они от нас убежали. Она сравнивала их с пугливыми нчендe — белками, которые пищат «ке-ке-ке», и стала превесьма забавно передразнивать писк и движения белки, виляя своим маленьким телом».

Дю Шайю первым из ученых перешагнул порог мифа и увидел пигмеев такими, какие они есть в действительности.

Они не были с кулак величиной. Они не жили в земле.

Это были люди: бородатые мужчины ростом с десятилетнего мальчика, женщины — чуть поменьше и совсем крошечные дети. Дю Шайю записал, что кожа у них желтоватого цвета, значительно светлее, чем у высокорослых африканцев. В стране ашанго к пигмеям относились доброжелательно и даже чуть боязливо: смелые охотники, они не знали себе равных на лесной тропе. Добычу они обменивали в деревнях ашанго на бананы, просо, соль и калебасы. Вокруг своих стоянок пигмеи устраивали так много ловушек и западней, что ходить там было просто опасно. Они не жили подолгу на одном месте, меняя свою стоянку, как только редела вокруг дичь. Но они никогда не покидали пределы земель ашанго.

«Пигмеи похожи на наших цыган, — отмечал Дю Шайю, — они также отличаются от народа, среди которого живут, хотя уже давно не покидают пределов этой страны».

В 1870 году немецкий географ Георг Швайнфурт предпринял путешествие в земли к западу от Лунных гор.

[1] В частности, во II томе «Истории» Геродот упоминает о карликах, живущих у истоков Нила. — *Прим. авт.*

«...От Нубии до страны мангбетту[1], — читаем мы в его дневнике, — меня повсюду сопровождали рассказы о пигмеях. Но я жил уже несколько дней при дворе короля мангбетту Мунзы, а все еще не видел ни одного пигмея. Мои носильщики говорили, что видели их много, но ни одного не могли привести с собою, так как пигмеи слишком робки. Наконец одного из них привели в наш лагерь. Я узнал затем, что имя этого народа акка; местообитание его должно было находиться между 1 и 2 градусами северной широты. Часть их подвластна Мунзе, который старался возвысить пышность своего двора тем, что поселил несколько пигмейских семейств вблизи от себя.

Позднее я увидел целый полк акка, принадлежавших к войску наместника мангбетту, в первую минуту я принял их за толпу мальчиков. Самый высокий из них был меньше полутора метров росту...»

Швайнфурт составил первое научно достоверное описание пигмеев леса Итури.

Однако вслед за Швайнфуртом в верховья Нила и Конго прошел напористый американец, чье имя говорило читающей публике неизмеримо больше, чем научные титулы Дю Шайю и Швайнфурта.

Генри Мортон Стэнли забирался туда, куда, по его словам, не отважился бы ступить сатана. Склонный, подобно многим журналистам прошлого, к безапелляционным суждениям, Стэнли, проходя через места, населенные пигмеями, немедленно разделил их на две расы, «не похожие одна на другую, как турок на жителя Скандинавии». Не менее колоритным получились у Стэнли и другие описания, например страшного пигмейского яда:

«Этот яд делают из сушеных красных муравьев... Укушение одного из этих насекомых производит на коже волдырь величиною в медный пенни, и можно себе представить, как действует экстракт из множества экземпляров, введенный в живую рану.

Один из моих людей, раненный в руку и грудь как бы тонкой иголкой, умер в течение минуты; другой — старшина — промучился час с четвертью».

Увлекательный репортаж Стэнли, в котором страсти-мордасти чередовались с ценными наблюдениями, не был единственным трудом, посвященным пигмеям. О пигмеях стали писать журналы Нового и Старого Света. Интересно в этой связи процитировать заметку, напечатанную в журнале «Вокруг света» за 1899 год, которая прекрасно иллюстрирует тогдашние воззрения на предмет. Вот она:

«НОВООТКРЫТОЕ ПЛЕМЯ КАРЛИКОВ

В Африке открыто еще новое племя карликов, оно называется багелли и открыто в Камеруне немцами. Таким образом, вместе с карликами акка и ватва, которых открыли Швайнфурт и Вейсман, это уже третье малорослое племя, открываемое на западноафриканском берегу. По всей вероятности, эти карликовые племена представляют собой остатки народов, населявших Африку в незапамятные времена, в доисторический период; во всяком случае, существование их в наше время имеет громадный интерес, так как оно может содействовать разрешению многих важных вопросов этнографии и антропологии».

Пигмеи в конце века привлекли неожиданно взоры многих ученых. Прежде всего тех, кто доказывал, что человечество прошло в своем развитии три стадии — детскую, юношескую и зрелую. Поскольку каждое живое существо проходит в своем развитии эти три стадии, нет оснований, рассуждали они, исключать из этой закономерности человечество в целом. Отсюда следовало, что одни народы (подразумевалось — «цивилизованные») находятся на взрослой ступени развития, а другие задержались на детской, начальной фазе. Пигмеи с их большой головой, выпуклым лбом и, главное, маленьким — «детским» ростом как нельзя лучше, по их мнению, иллюстрировали это расистское положение.

Группа католических ученых во главе с патером Шмидтом утверждала, что пигмеи есть не что иное, как сохранившаяся до наших дней группа древнейшего человечества, изначально населявшая весь мир. Из теории следовало, что предки всех народов земли были некогда малорослы, а затем — в зависимости от окружающей среды — развивались. Все, кроме пигмеев.

Из книг Дю Шайю, Швайнфурта, Стэнли и других было известно, что пигмеи верят в духов предков. Следовательно, им свойственны религиозные представления. Но раз пигмеи первобытнейшие из людей, значит, человеку искони присуща вера в бога.

Для доказательства этой теории отправился в 1920 году в Африку ученый патер Пауль Шебеста. Хотя носил он сутану и имел вполне определенное задание, тем не менее, будучи пунктуальным исследователем, описал только то, что видел, а не то, что **должен** был увидеть. Ему мы обязаны наиболее подробными сведениями о племенном устройстве и образе жизни пигмеев: бекви и акоа в Габоне и Камеруне, бабинга в устье реки Убанги, бачва Южного Конго, батва Руанды и особенно многочисленных племен леса Итури.

Прошедшие годы не так уж много изменили в жизни затерянных в лесах пигмейских племен — в той части, которая касается их обычаев и охоты.

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ БОЛЬШОГО ЛЕСА

...Пигмеи являлись из леса в деревню племени батеке за наконечниками для копий, за пустыми бутылками, за пальмовым маслом, рисом, бананами. И за солью. Соль была пигмеям приятнее сахара, и, получив ее, они тут же со счастливым смехом запихивали кусок за щеку, а остальное ловко заворачивали в листья, чтобы отнести к себе в лес.

Конечно, они приходили в деревню не с пустыми руками. Пигмеи приносили мясо — нежное мясо антилопы-мболоку, и буйволиное, и обезьянье, а иногда и слоновье мясо. Слоновьему мясу батеке бывали рады пуще всего, и не потому, что оно вкуснее, скажем, мяса окапи или молодой буйволицы. Просто его обычно бывало много — когда бывало, а самое главное, вместе с мясом пигмеи приносили слоновьи бивни. А вот это уже большая ценность. Охотиться на слонов людям батеке запрещено — из Киншасы приезжал специальный чиновник и говорил об этом на собрании всей деревни, а председателю деревенского комитета Жан-Жаку Атембе, сыну прежнего вождя, поручил следить за этим. А вот пигмеям в глубине леса этого запрета никто не внушал, потому что попробуй отыщи их там.

Такие мысли теснились в голове у молодого батеке Годфруа Мубонго, когда он шел по лесной тропе, сжав в одной руке старое, скреплен-

[1] Ныне область восточного Конго (Киншаса) и Руанды. — *Прим. авт.*

ное проволокой ружье, а другой раздвигая звеневшие от сухости ветви.

Деревня родного племени батеке отрядила его в лес, к пигмеям. Дожди припозднились в этом году, ни маниока, ни просо, ни кукуруза не смогли пробить омертвелую землю; бананы на плантациях корчились, пытаясь дотянуться корнями до воды, свертывали в трубку листья, роняли наземь сморщенные плоды. Горячий ветер с противным скрежетом колыхал слоновью траву.

Один лес, не подвластный солнцу, хранил живое под многоярусной своей крышей.

Годфруа шел по тропинке, нырявшей то и дело под низко висящие ветви, хотя рядом было достаточно открытого места. Он устал уже беспрерывно нагибаться. Ему чудилось, что он идет не вперед, а выписывает бесконечные петли вокруг одного и того же дерева. В стоячем лесном воздухе трудно было дышать. Сбоку кто-то зацокал призывно языком. Годфруа повернул в испуге голову. В просвете между широченными листьями фрамире показались несколько мужчин-пигмеев. Двое из них были знакомы Годфруа — это они чаще всего приходили к ним в деревню за солью. Сейчас они не без удивления смотрели на гостя: что понадобилось ему в лесу, куда, как правило, не ходят живущие в саванне люди? Может, он вышел на охоту?

Нет, нет, заговорил Годфруа, стряхивая с бровей пот, он пришел не охотиться, и ружье — это так, все-таки он шел в лес. Деревня прислала его спросить: не помогут ли пигмеи достать мяса? Потому что на урожай надежд никаких и в деревне начался голод.

Мужчины помолчали короткое время — из уважения к неприятностям, обрушившимся на соседей. Затем повели Годфруа к стоянке, она была рядом.

Наутро, едва солнце длинными иглами прокололо кое-где сплошную листву, мужчины-пигмеи взвалили на плечи сплетенные из лиан сети и гуськом бесшумно потянулись в лес. Рядом с ними так же бесшумно бежали басенджи — «немые» собаки. Пигмеи называют их еще «м'мбва м'кубва», что значит «прыгающая вверх»: собаки действительно иногда высоко выпрыгивают, чтобы осмотреться. Басенджи — великолепные охотники, они в одиночку загоняют мелких лесных антилоп — сонду, ленду, мболоку, синдула — всех не перечесть.

Мужчины ушли, когда Годфруа еще спал. Его разбудили женщины, которые, покормив детей, отправились следом за охотниками.

Они остановились на краю лощины, по дну которой с трудом пробивался полувысохший ручеек. Раздался крик, похожий на птичий. И сразу же женщины и дети, колотя палками по стволам, растянувшись в редкую цепочку, стали прочесывать лощину.

Полукруг загонщиков сомкнулся с полукругом расставленных заранее прочных сетей. Годфруа обратил внимание, что женщины кричат на разные голоса. Предупреждают мужчин, какую вспугнули дичь, догадался он.

Заход был удачен: антилопа-мболоку, две обезьяны и несколько птиц. Одну обезьяну пигмеи изжарили на костре, разделили на куски и тут же в лесу съели, посыпав мясо золой вместо соли. Остальную добычу они завязали в сеть.

— Дадите нам за это соли и табаку. И еще котел. Мужчины отнесут мясо в деревню.

КАРЛИКИ С ГОРЫ ГОЛИАФ

Литература — научная и популярная — множилась описаниями низкорослых племен в других частях света: на Филиппинах, Андаманских островах. Тамошние пигмеи получили название «негритос» — «маленькие негры», они были похожи на африканцев настолько же, насколько разнились от других жителей островов — монголоидов. Сторонники теории об изначальной древности пигмеев возликовали. Еще бы! Разве этот факт не чудесное доказательство их идей? В древности, говорили они, существовал единый индо-африканский континент Гондвана — «Страна Черных». Материк затонул, и Андаманские, к примеру, острова суть не что иное, как горные вершины канувшего в бездну континента. А населяли Гондвану древнейшие, примитивнейшие из людей — пигмеи. И пигмеи эти — потомки одного народа, они сходны обликом, образом жизни и верованиями. Эта теория получила название «теории пигмейского культурного круга».

В 30-е годы нашего века, когда первые европейцы пробрались на труднодоступные горные плато Новой Гвинеи, произошло новое открытие пигмеев. Здесь, в местах, отмеченных на картах как безлюдные, путешественники, к своему удивлению, наткнулись на густонаселенные области. Горцы-папуасы, люди меньшего роста, чем обитатели побережья, все же никак не могли сойти за пигмеев, но на склонах гор Тапир и Голиаф жили люди, рост которых точно соответствовал самым строгим пигмейским «канонам».

* * *

Река Раму суетливая: прыгает с камня на камень, журчит-заливается. Впрочем, таким и положено быть горному потоку. Вот река Керам, та совсем другая — гладкая, вся какая-то тяжелая, будто не водой налита, а ртутью. И странное дело — звери и птицы предпочитали пить из Раму, хотя и беспокойная она и на поворотах у нее кое-где больше пены, чем воды.

Пигмейское племя, обитавшее на плато между двумя реками, называло их по-своему: «Говорливая река» и «Хмурая река».

Что было там, за реками, племя не знало. Оно всегда жило и охотилось в одном месте, и все чужое было «орхо» — табу, зло. Все, что приходит из «орхо», опасно и должно быть уничтожено. Тем более опасно все, что принимает облик человека: иной раз через одну из рек пытались переправиться какие-то люди, какие-то высокорослые люди — слишком высокие, чтобы быть настоящими людьми.

Их встречали отравленными стрелами, и пока ни одному чужаку не удалось переправиться на землю пигмеев.

...Странный предмет, который летел по небу, был, конечно, послан все теми же темными силами. Над ровной поляной на берегу предмет начал снижаться.

«Администратору района Сепик,
Территория Папуа
сержанта полиции М. Поппинса
РАПОРТ

Сэр, на основании Вашего распоряжения мною была предпринята разведывательная вылазка на

водораздельное плато рек Раму и Керам с целью определения возможности строительства в этом районе взлетно-посадочной площадки.

Помимо этого, я должен был выяснить (приблизительно) степень развития местных племен и назначить временных тултула и лулуая[1].

...Я вылетел на вертолете в сопровождении семи туземных полис-бойз во главе со старшим полис-боем Енохом Экирихой. Во время полета производилась примерная аэрофотосъемка.

На плато была обнаружена площадка, подходившая для посадки.

Сверху было видно, что она полна туземцев, привлеченных, очевидно, шумом и видом «железной птицы»...

...А они никогда не назвали бы вертолет «железной птицей». Во-первых, потому, что в их словаре отсутствовало слово «железо», а во-вторых,

какой же охотник назовет птицей это неуклюжее громадное сооружение, гремящее в воздухе? Это сооружение было, несомненно, создано руками человека, и в этом не было ничего странного. В пигмейских легендах могущественные шаманы всегда летали по небу в лодках, раскрашенных птичьей кровью.

Нет, конечно, в этой штуке летели люди, или, точнее, «орхо», принявшее вид человека.

Вооруженные луками воины устремились к реке:

[1] Тултул — назначаемый администрацией вождь папуасского племени; лулуай — переводчик вождя. — *Прим. авт.*

Рядом с высокорослым ватусси пигмеи батва выглядят детьми. Вообще вне леса, вне привычной среды маленькие люди чувствуют себя неуютно. Их глаза, их кожа не привыкли к прямым лучам солнца, к резкому свету. Зато ватусси, превосходные охотники в саванне, не отваживаются забираться в глубь леса.

Сигарета поистине диковина для пигмеев, живущих на горных плато в центре острова Новая Гвинея. Она доходит через многие руки, так же как и соль, от племен, живущих на побережье моря, о котором пигмеи никогда не слышали.

Батва — прирожденные танцоры. Недаром согласно ритуалу, принятому у королей ватусси, любой придворный праздник открывался их танцами.

не дать, не дать «орхо» стать на землю. И когда шасси вертолета коснулось земли, воины спустили тетивы.

Из рапорта сержанта М. Поппинса:

«...Прежде чем мы успели выйти из вертолета, туча стрел взлетела в воздух, забарабанив о стенки вертолета. Туземцы были настроены недружелюбно.

По моей команде полис-бойз, приоткрыв люк, дали сначала залп холостым зарядом, а потом, когда напуганный противник обратился в бегство, выскочили наружу и выпустили заряд крупной дроби по ногам.

Несколько человек упало, но их подхватили туземцы и унесли с собой. Двух человек полис-боям удалось все же схватить. Как выяснилось, ранен был только один — в ногу, причем из раны хлестала кровь, а второй не имеет на теле ни царапины.

Я приказал поставить обоих на ноги и сфотографировал их. Оба были очень маленького роста — не свыше 130—140 сантиметров. Единственную одежду их составляли тонкие пояски из лыка. На головах накручены в виде тюрбана сетки из орхидеевых волокон, окрашенных в ярко-красный цвет.

В лицах обоих почти напрочь отсутствуют негроидные черты, свойственные другим папуасам. Скорее они похожи на индийцев, каковое сходство усугубляют тонкий, выдающийся, слегка загнутый нос, густая борода и довольно светлая кожа красноватого оттенка.

Я приказал старшему полис-бою Еноху Экирихе стать рядом с пленниками и сфотографировал для сравнения. Оба едва достигали Экирихе до локтя. Оба отлично сложены, без малейшей диспропорции и напоминают миниатюрных атлетов.

Наши попытки заговорить с ними на нескольких туземных наречиях не увенчались успехом. Следует отметить, что голоса у обоих были писклявы, как голоса десятилетних мальчиков.

По моему распоряжению старший полис-бой Енох Экириха дал каждому из них по две столовых ложки соли.

Один из них достал из-под тюрбана толстую веревку и кусочек сухого дерева, обвил веревку вокруг последнего и воткнул в землю, подложив сухих листьев. Потянув за концы веревки, он достиг вращения куска дерева. Когда из листьев повалил дым, туземец стал дуть: показалось пламя. Вся операция, по моим наблюдениям, заняла три с половиной минуты...»

Из ран на ногах у нескольких мужчин била кровь. Ее пытались остановить, прикладывая к ране кашицу из разжеванных листьев и паутины.

Жены тех двух, которые остались в руках «орхо», сорвали с себя все украшения и расцарапали лица.

Через некоторое время стало известно, что старики решили спасаться от «орхо» бегством. Бегством через реку Раму.

Никто в племени не умел плавать. Более того, обычай заставлял относиться к рекам, где живут крокодилы, настороженно, обычай предписывал не входить в бегущую воду. Но зато у пигмеев был богатый опыт строительства мостов.

Пятеро мужчин отправились подготовить мост. Место было выбрано удобное — там, где на обрывистом берегу нависало над рекой прочное дерево. К его суку привязали длинную крепкую лиану. Нижние сучья у дерева отрубили. Один из мужчин — самый низкорослый — обмотал лиану вокруг талии. Рукой он держался за лиану, а в другой сжимал толстый канат, свитый из нескольких лиан. Потом он сделал шаг вперед и повис над водой. Друзья принялись его раскачивать, все увеличивая амплитуду колебаний. Ближе и ближе к противоположному берегу... Он попытался ухватиться за кусты на том берегу. Безуспешно... Еще раз... Готово!

Дальше уже было несложно протянуть второй канат, соединив его с пластинами бамбука. Мост был готов.

Из рапорта сержанта М. Поппинса:

«...Взяв у нас соль, они достали из тюрбанов корень дикого имбиря, а с ближних бананов нарвали листьев. Потом развели небольшой костер. Рядом вырыли, орудуя острыми палочками и собственными ногтями, неглубокую яму. Банановые листья держали над огнем, чтобы они размягчились, и, когда листья пожухли и стали мягкими и податливыми, выложили тщательно ими ямку. Обрызгав листья водой, пигмеи уселись вокруг ямки. Потом они стали жевать имбирный корень, не потрудившись даже очистить его от налипшей глины. Получаемую при жевании кашу выплевывали в ямку, сыпали туда нашу соль, потом опять сплевывали и так далее, пока корень не был сжеван. Все это тщательно перемешивалось. Когда содержимое ямки превратилось в однородную смесь, пигмеи свернули листья совочками и очень быстро опустошили ямку. По лицам пигмеев видно было, что они довольны, но при этом страх не оставляет их.

По словам старшего полис-боя Еноха Экириха, горцы не умеют сохранять соль и потому, получив, съедают ее всю. После того как пигмеи поели, я вновь попытался убедить их, чтобы они объяснили своим соплеменникам, что тем нечего нас бояться.

Однако они скорее всего не понимали ни слова из того, что говорили мы. По утверждению старшего полис-боя Еноха Экириха, язык горцев не похож ни на один из известных ему языков побережья и долин».

Собственно говоря, деревню надлежало сжечь. Но это было делать нельзя, ибо зарево привлекло бы «орхо».

Поэтому решили лишь разорить крыши — ведь только крыша делает дом домом.

Женщины уложили в большие заплечные сети бататы, поросят и детей и закрепили концы сетей на лбу.

Когда все было готово и очаги залиты, из зарослей появились двое. Те, кого уже не было в живых, те, кто побывал в руках «орхо». Они шли к людям, а люди пятились от них, ибо «орхо» съело их души, и они теперь сами были «орхо», а не люди.

Несколько воинов, сжимая дубинки, вышли им навстречу.

Когда все было кончено, племя тронулось в путь.

Из рапорта сержанта М. Поппинса:

«...На ночь мы не стали стеречь пленников, специально для того, чтобы они ночью убежали и, вернувшись к своим соплеменникам, рассказали им, что нас можно не бояться. Неглубокую рану

на ноге одного из них я лично перебинтовал. Полис-боям было дано указание не обращать на пленных пигмеев никакого внимания. Старшему полис-бою Еноху Экирихе я приказал расставить посты таким образом, чтобы пигмеи смогли бежать.

Утром я действительно не обнаружил пленников. Рядом с остатками их костра валялся бинт, очевидно сорванный перед бегством. Это дало возможность (по следам крови) установить, что они ушли в лес, в сторону, противоположную реке.

...Идя по этим следам, мы вышли через два часа пути на поляну, где увидели деревню. Крыши хижин были разбросаны. Однако ямсовое поле неподалеку от деревни не было тронуто. На площадке посреди деревни мы обнаружили тела двух мужчин, убитых, очевидно, дубинками. Разобрать черты лица оказалось невозможным. По браслету и ране на ноге мы смогли установить, что это наши беглецы.

По моему распоряжению старший полис-бой Енох Экириха с тремя людьми прочесал лес вокруг деревни.

Ни одного из туземцев встретить не удалось. Вывод: ночью туземцы скрылись в неизвестном направлении, разбросав в деревне крыши их хижин и убив вернувшихся от нас соплеменников.

По утверждению старшего полис-боя Еноха Экирихa, тот факт, что туземцы разбросали крыши, свидетельствует о том, что они не намерены возвращаться. Вывод: при строительстве взлетно-посадочной площадки можно не опасаться нападения враждебно настроенных туземцев».

НОВЫЕ ВЫВОДЫ И НОВЫЕ ВОПРОСЫ

Не только облик, но и образ жизни новогвинейских пигмеев противоречили «теории пигмейского культурного круга», трактовавшей полное единство пигмейского типа на всех континентах. Судите сами. Африканские маленькие люди не строят деревень, не возделывают землю, а живут тем, что дает им лес. Все остальное они получают у своих высокорослых соседей-крестьян.

Но чем отличаются пигмеи Новой Гвинеи от соседей-папуасов? Разве что ростом и отдельными чертами лица. Но все же сходства с другими папуасами у них больше, чем у пигмеев Африки или негритос Филиппинских островов.

В 1947 году французский этнограф Жюль Детри путешествовал по Верхней Бирме. Как и во многих других местах нашей планеты, среди здешних жителей бытовали легенды о карликах, живущих в чаще леса[1]. Ну, и конечно, как и в других местах, сведения о росте лесных карликов сильно варьировались — от локтя до роста пятилетнего ребенка. Не слишком доверяя сказкам и легендам, Жюль Детри продолжал свое путешествие, усердно изучая изобразительное искусство горных народов. Но когда в отдаленной деревне ему предложили проводить его в лес, в селение «маленьких людей», когда он своими глазами увидел мужчин ростом в метр десять и еще меньших женщин, этнограф забыл о первоначальных целях экспедиции и с головой ушел в изучение и фотографирование пигмеев. Еще бы! Подобных пигмеев до сих пор наука не знала: они были чисто бирманского типа.

Без своих легенд о пигмеях не обошлась и Америка. Еще в 1859 году некий Клаус Федерман, ученый-антрополог из Штутгарта, описал индейское племя айманов, виденное им в среднем течении реки Токуйо в Венесуэле.

Мужчины-айманы достигали 120 сантиметров роста, а женщины были совсем крошечными — меньше метра. К сожалению, фотографии Федерман не сделал, и потому научные противники попросту отвергли его сообщение. Ведь Америка — сравнительно недавно заселенный материк. Откуда же там взяться представителям «древнейшего человечества»? В «пигмейский круг» сообщение Федермана категорически не укладывалось.

Но уже в наши дни американские геологи, работавшие в горах Пириха, в 700 километрах от колумбийской столицы Боготы, обнаружили и сняли на пленку племя пигмеев. Итак, пигмеи получили прописку и в Америке.

Если добавить к этому, что археологические раскопки позволили сделать вывод, что на Сицилии тоже были пигмеи — чисто европеоидного типа, так сказать, «белые пигмеи»[1], то можно констатировать: низкорослые народы есть (или были) на всех континентах Старого Света и в Америке. Причем это были черные, желтые и белые пигмеи.

Таким образом, теория «пигмейского круга», предполагавшая полное сходство в облике и образе жизни всех пигмеев, получила существенные опровержения. Большинство ученых склонялось к мысли о том, что низкорослость отдельных племен в разных частях света может быть вызвана совпадением в условиях жизни. Действительно, все они живут в тропических лесах, где повышенная влажность и недостаток солнечного света могли затормозить их физическое развитие, а последующие поколения уже рождались идеально приспособленными к среде карликами.

Экспедиция парижского Музея Человека много лет вела в лесу Итури тщательные исследования организма пигмеев разных возрастов. Предположение о том, что низкорослость пигмеев связана с особыми, только пигмеям присущими свойствами гипофиза — железы, «заведующей» ростом, — тоже отпало.

А это позволяет взглянуть на проблему пигмеев и с другой стороны и не связывать их малорослость только с тропическим лесом и отсутствием витаминов в пище.

Видный этнограф профессор Поль Риве, основатель Музея Человека, изучив данные палеонтологии, пришел к выводу, что любой живой вид в какой-то момент эволюции дает карликовые и, как бы в противовес им, гигантские формы. Нет никакого резона, говорит профессор Риве, исключить из этой закономерности человека. Правда, людей-гигантов сейчас на земле нет, однако, по мнению Риве, синантроп — гигантский обезьяночеловек — мог быть «боковой ветвью» эволюции.

Важно одно: пигмеи, будучи такими же полноценными и развитыми людьми, как и их высокорослые соседи, составляют часть многообразия рода человеческого.

А загадок у **гомо сапиенс** еще очень много, ибо он не только исследователь, но и предмет науки.

[1] К примеру, о легендах, повествующих о карликах Мадагаскара, «Вокруг света» писал в № 6 за 1968 год в очерке «Долгая дорога к вазимба». — *Прим. ред.*

[1] Paul Rivet, „Les origines de l'homme americain", Paris. 1958.

ПЕТР ГОРШУНОВ

ЗОЛОТОЙ РЕЙС

Быль. Год 1941-й

Как-то я спросил старейшего бортмеханика магаданской авиации Александра Ивановича Бухонина, ветерана северных трасс, какой из своих рейсов он считает самым трудным.

— Всего-то мне довелось испытать, — ответил тот. — И падал не раз... Тонул... Горел в воздухе и замерзал... Но один наш рейс в Хабаровск был все же особенным...

...Ранним утром 27 декабря 1941 года самолет ПС-7, пилотируемый летчиком Александром Васильевичем Черновым, вырулил на стартовую площадку Магаданского аэродрома. У взлетной полосы толпилось необычно много народу. Судя по тому, что все руководство Дальстроя вышло провожать самолет, рейс предстоял ответственный. Самолет медленно, как бы нехотя, тронулся и, набирая скорость, побежал по полю. Моторам отдано все. Они ревут натужно от предельной нагрузки... Еще немного... Еще! Но самолет все бежит, не отрываясь от земли, бежит долго, гораздо дольше обычного. И стрелка указателя скорости только подходит к цифре «восемьдесят». Машина перегружена.

Ага, девяносто! Отрыв все-таки возможен! Самолет несется по ледяной дорожке, дробно постукивая широкими лыжами. Еще один еле ощутимый толчок, и — наконец-то! — машина в воздухе. Но пилот не торопится набирать высоту. Он долго идет бреющим. Зловеще черными кажутся большие разводья бегущего навстречу Охотского моря. Наконец, развернувшись «блинчиком», самолет ложится на курс.

Провожающие так и не увидели, как машина оторвалась от ледяного поля. Но люди долго стояли у взлетной полосы, пока удаляющийся в сторону Охотска рокот моторов не возвестил о том, что полет начался благополучно.

Разговор, что состоялся накануне в кабинете начальника Дальстроя, мог бы показаться постороннему слишком уж растянутым.

Сначала говорил один. Трое слушателей, магаданских летчиков, молчали. Хозяин кабинета начал издалека: летать на Колыме трудно, нет еще прогнозов и карт, климат — хуже не придумаешь, а на плечах авиации лежит едва не вся тяжесть снабжения края. Самолетов свободных нет и быть не может: снабжение горняков — дело немаловажное. Ведь уголь, золото Колымы сейчас, как никогда, нужны стране...

Трое слушали очень внимательно, понимая, что без такого предисловия начальник никак не сможет сказать то главное, для чего он позвал их.

— Нужно вывезти золото. Нужно позарез. Война... Под Москвой развивается наше наступление. И горняки наши тут поработали. Золото не может, не должно лежать здесь мертвым грузом! Его ждут...

До этого в кабинете уже сидели трое других. Им начальник говорил то же самое. И они не взялись. Отказались по очень веским причинам — им этот рейс казался невозможным. Причины начальник Дальстроя знал и сам.

Горючим машина должна быть заправлена до самого Хабаровска и, значит, может принять на борт лишь килограммов двести груза, не больше. Речь же идет о значительно большем весе. Даже если при такой перегрузке и удастся взлететь, то набрать нужную высоту, чтобы маневрировать, почти невозможно. А для столь перегруженной машины даже небольшое обледенение или легкая болтанка — гибель.

Пилот Александр Чернов, бортмеханик Александр Бухонин и бортрадист Владимир Болдырев переглянулись.

Сказал Бухонин:

— Попробуем.

...Итак, на первых порах повезло. Больше всего летчики опасались низких дождевых облаков, которые несли обледенение или сильную болтанку. Но облачность, к счастью, была средней, и горизонт просматривался хорошо. Правда, идти пришлось очень низко. Поэтому Чернов вел самолет подальше от гор, над морем. Только на подходе к Охотску удалось наскрести около четырехсот метров высоты и то потому, что горючего стало меньше.

Радист Володя Болдырев тем временем трудился у рации, собирая сведения о состоянии аэродромов и погоде по трассе.

Парню исполнилось лишь семнадцать, но его уже считали одним из самых умелых «снайперов эфира». Сейчас ему надо было выловить в кричащем хаосе звуков голоса нужных радиостанций. С трудом разобрав и соединив записанные им обрывки радиограмм, он отправил их пневматической почтой пилоту. Лицо пилота просветлело: «Погода до самого Хабаровска отличная, аэропорты принимают».

Наконец-то радист может отогреть окоченевшие от холода и напряжения пальцы...

На самолетах тех лет летчики объяснялись между собой только записками, жестами и мимикой. И Чернов с Бухониным обменялись сейчас выразительным жестом: показали друг другу поднятый кверху большой палец.

Казалось, первый этап маршрута благополучно пройден. В стороне, справа, уже проплывал Охотск, когда вдруг сорвало фонарь, прикрывающий кабину пилота. Ударил ледяной упругий воздух. Он выбивал из глаз слезы, туманил зрение.

Пилот повернул к бортмеханику обожженное морозом лицо. «Что делать будем?» — прочел Бухонин в его глазах и сделал решительный жест в сторону Охотска: посадка! Иного выхода не было. Но легко сказать — посадка, когда в Охотске пло-

щадка способна принимать лишь маленькие ПО-2...

Чернов прошел над аэродромом, осматривая состояние посадочной площадки, определил направление ветра и пошел на посадку. «Только бы не промазать».

Самолет без толчка коснулся самой черты площадки и остановился.

Промерив ледяное поле шагом, пилот и механик убедились, что длина его для взлета перегруженной машины явно мала.

Что делать? Слить «излишки» бензина? А если встречный ветер? Тогда почти наверняка «вынужденная»... Нет, это исключается! Правда, за полосой нет особых препятствий, лишь небольшие заструги. Может быть, их удастся перескочить?

Из самолета вылез размять косточки человек, сопровождающий груз, — молодой, завидного роста парень. Он был облачен поверх полушубка в тулуп, и это одеяние делало его габариты просто устрашающими. Бухонин сказал с досадой:

— Экого тебя, братец, подобрали нам. Я, можно сказать, полмашины на аэродроме оставил для облегчения, а у вас в охране человека миниатюрнее не нашлось.

Парень широко улыбнулся.

— Груз тяжелый везем. Наверное, потому и сопровождающего потяжелее подобрали.

Закрепив фонари и мучительно соображая, что бы еще такое можно снять с самолета, Бухонин, глядя в безмятежное лицо парня, сказал:

— Оставить бы тебя здесь, братец, в Охотске...

— Это, товарищ летчик, никак невозможно, — наставительно отпарировал тот. — Меня высадить только с грузом можно.

— Вот то-то и оно, — вздохнул Бухонин. — Где такого нашли тяжеловеса?

Гигант еще раз добродушно улыбнулся.

...Разбег Чернов начал от самых ограничителей стартовой площадки. Самолет стал легче, горючего убавилось, но граница поля с каждым мгновением все ближе и ближе. «Только бы моторы не сбросили в самый решительный момент обороты...»

Граница! Пилот плавно оторвал машину от земли и облегченно вздохнул.

Но что это? Короткий толчок, самолет клюнул носом... Летчик тут же выровнял его и начал набирать высоту. Внизу торчали острые зубья торосов. «Неужели сорвало лыжи?»

Сделали круг над аэродромом. Так и есть: в створе взлетной полосы, уже за пределами ее, лежала лыжа. Значит, другая болтается под фюзеляжем неизвестно в каком положении.

«Не многовато ли для одного рейса?» — с грустью подумал Чернов.

Бухонин передал записку: «Каково решение? Будем садиться?»

«Нет, вперед!» — ответил пилот.

«Правильно! Но посадку рекомендую произвести в Комсомольске, на неукатанный снег. В Хабаровске его, вероятно, как всегда, выдуло ветрами»,— написал Бухонин.

«Передай Володе, чтобы запросил, как снег в Хабаровске и Комсомольске вне аэродромов. Тогда решим».

А Володя уже сообщил Магадану о благополучном вылете из Охотска. Сидя в хвосте самолета, он и не подозревал о случившемся. Теперь он отправил вслед другую «РД». «Охотске взлете сорвана лыжа тчк Идем Комсомольск — Хабаровск сообщите снежный покров вне аэродромов тчк Расчетному времени прилета вызовите скорую помощь пожарную машину Чернов».

Чернов тем временем делал уже третий круг над Охотским аэродромом, стараясь резкими маневрами стряхнуть вторую лыжу. Но тщетно. Тогда он положил самолет на курс, и Охотск растаял через несколько минут в тумане.

Пройдя над Аяном и Шантарскими островами, взяли курс на поселок имени Полины Осипенко. Теперь самолет, значительно полегчавший, шел на высоте двух тысяч метров. Полет можно было бы считать безопасным, но началась болтанка. Машину бросало вверх-вниз, заваливало то на одно, то на другое крыло. В другом случае Чернов ушел бы от тряски вверх, но сейчас на это у моторов недоставало силы.

Сведения из Хабаровска оказались неутешительными: снега мало. Решили садиться в Комсомольске.

С борта полетела радиограмма: «Буду садиться в Комсомольске рядом взлетной полосой на живот. Подготовьте все необходимое. Чернов».

На аэродром приехали городские власти. Прибыли пожарные, машина «Скорой помощи».

Когда самолет подлетал к Комсомольску, Бухонин полез в грузовой отсек предупредить единственного пассажира о том, что им предстоит. Сопровождающий, устроившись на ящиках со своим «подотчетом», обняв винтовку, дремал. Или, может быть, казалось, что он дремлет? Выслушав механика, он деловито запахнул тулуп и не спеша полез в хвост, куда указал ему Бухонин и где лежали ватные чехлы от моторов...

Сделав два круга и выбрав место для посадки, пилот пошел на снижение. В четырехстах метрах от земли он выключил моторы и, охлаждая их, стал круто планировать...

Только бы не подвела лыжа, висящая на подломанном шасси! Ага! Высота ниже посадочной. Значит, лыжа прижата воздушной струей. Наконец скорость погасла, машина «провалилась».

Пропахав метров тридцать снежной целины и развернувшись почти на девяносто градусов, она замерла...

Чернов стоял недалеко от лежащего на снегу самолета с видом человека, абсолютно безучастного ко всему, что творится вокруг. Из оцепенения его вывели восторженные возгласы видавших виды работников аэродромной службы.

«Значит, все в порядке», — устало подумал он. Достав из кармана платок, Чернов долго-долго вытирал им глаза, лоб, шею. Нервное напряжение оставляло его медленно. Казалось, издалека прозвучал неестественно спокойный голос Бухонина:

— Давайте-ка, братцы, поезжайте отдыхать в гостиницу. Я тут сам все проверну. Поднимем, обуем нашу старушку в новые лапти, и завтра можно будет в Хабаровск лететь. Лыжи здесь есть, насчет всего остального местные товарищи помогут.

На другой день, легко оторвавшись от аэродрома, самолет взмыл в воздух и лег курсом на Хабаровск...

В Хабаровск ПС-7 прибыл без приключений.

г. Магадан

Семейный фотоальбом Чичестера напоминает скорее кадры приключенческого фильма, перенасыщенного «острыми» поворотами. Перед вами лишь несколько этапов из жизни Фрэнсиса Чичестера:
год 1921 — лихорадочные и безуспешные поиски золота на ручье Черный шар (Новая Зеландия);
год 1931 — первый рекордный перелет над Тасмановым морем и первые катастрофы;
тот же 1931 год — полет вокруг света кончается катастрофой у берегов Японии. Пилот-«неудачник» — зовут теперь его газеты;
год 1962 — побит собственный же рекорд, установленный в 1960 году во время первых трансатлантических гонок яхтсменов-одиночек;
в 1964 году его яхта в третий раз финиширует в нью-йоркской бухте;
28 августа 1966 года с набережной Плимута прозвичал стартовый выстрел: «Джипси Мот-IV» взяла курс на Сидней. Через 225 дней яхта Чичестера, обогнув Землю, снова вошла в Плимут.

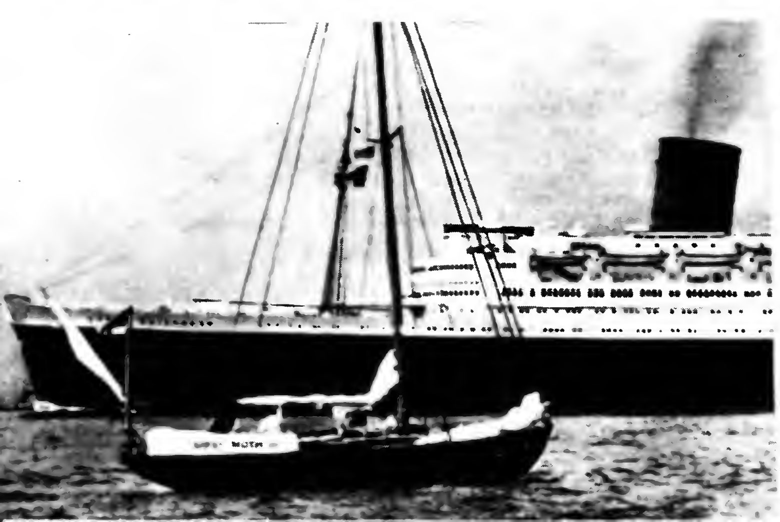

August 16. 1931.

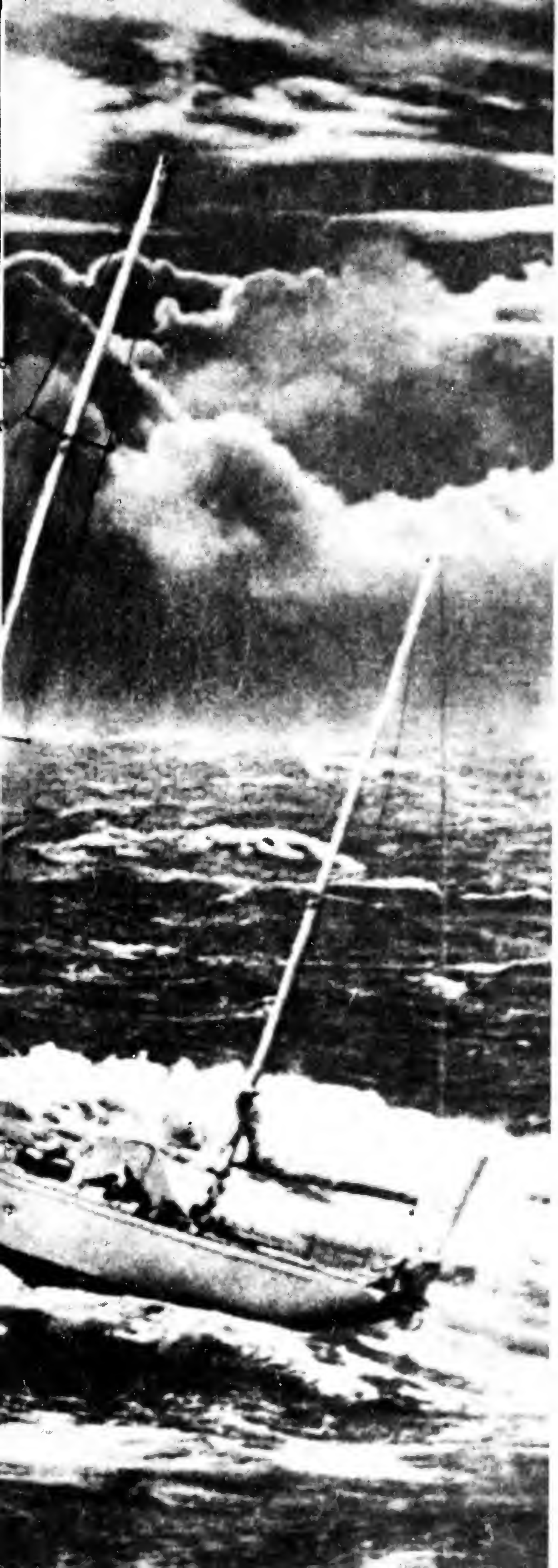
'UNLUCKY' AIRMAN IN BAD CRASH

'Plane Wrecked on Flight from Australia

CHICHESTER HURT

ФРЭНСИС ЧИЧЕСТЕР

СЕБЯ ПРЕОДОЛЕТЬ

Я считаю, что причина большинства болезней, кроме чумы, оспы и других инфекционных заболеваний, кроется в состоянии угнетенности и прежде всего эмоциональной подавленности.

Недуги можно научиться преодолевать. Сюда не следует относить последствия несчастных случаев. Так, укус гадюки, от которого я чуть не умер в одиннадцать лет, был, безусловно, несчастным случаем...

Хотя и несчастный случай может многому научить. Мальчишкой я, предоставленный самому себе, бегал целыми днями по лесам Северного Девона, выискивая птичьи гнезда. Вся острота ощущения состояла в том, чтобы сперва обнаружить гнездо в каком-нибудь на первый взгляд неприступном месте, а потом суметь добраться до него. Однажды я полез к гнезду и сорвался с верхушки дуба высотой футов в сорок. Ударившись о землю, я довольно долго лежал без движения и гадал, откуда исходит боль. Спустя минут десять я пошевелился и с изумлением констатировал, что все кости целы. С тех пор при каждом серьезном падении я всегда поступал так же — полностью расслаблялся и осторожно по очереди шевелил конечностями.

В семнадцать лет я нанялся в Лейсестершире на ферму за пять шиллингов в неделю. Жизнь на ферме казалась мне рабством. За семь месяцев работы от зари до зари выпало всего полдня выходных. В темноте, до работы в поле, нужно было передоить всех коров (с тех пор я пью молоко без всякого удовольствия). В результате у меня неожиданно открылся ревматизм в плечах; просыпаясь, я не мог поднять над головой руки. Это могло быть и следствием перенапряжения — мне приходилось одному взваливать на телегу двухсотфунтовые мешки с зерном. Однако я твердо убежден, что основной причиной болезни было состояние душевного гнета, постоянное ощущение своей беспросветной забитости.

1929 год (мне шел тогда двадцать восьмой) прошел у меня довольно бурно. Сначала я отправился в Америку, чтобы подобрать там самый надежный, а главное, самый непривередливый одноместный самолет. Под непривередливым я понимаю самолет легкий в управлении, послушный и без всяких хитроумных штучек. Впервые я поднялся в воздух самостоятельно 13 августа в Англии, а 25 октября уже отправился в пробный полет вокруг Европы через Югославию, Румынию и Польшу. 20 декабря я вылетел из Кройдона в Великобритании. До меня только один пилот пролетел трассу Англия — Австралия в одиночку: 10 000 миль за 15 дней. Я хотел пролететь ее быстрее, но в конце концов был просто рад, что долетел благополучно. Я был поражен встречей, устроенной мне в Сиднее: в воздухе меня ждал эскорт из десяти самолетов, на аэродроме Мэскот собрались тысячи людей... Результат встречи оказался для меня неожиданным: через месяц, находясь в Новой Зеландии, я был на грани нервного расстройства. И дело тут не в том, что на мне сказался сам полет. Конечно, длительный одиночный перелет был по тем временам довольно рискованной затеей. Промежуточные посадки были опасны, трудно было определить заранее, удастся ли посадить машину на случайном травяном поле и не ткнется ли она куда носом; информацию о метеоусловиях получить было нелегко; полет омрачали долгие и нудные переговоры с таможенными и другими властями, заботы о пище и горючем, причем через все это приходилось проходить дважды в день, часто в разных странах. Кабина самолета «Джипси Мот» была открытая, и мне по двенадцать часов в день надо было выдерживать напор ветра, дувшего со скоростью до девяноста миль в час.

Понятно, я был измот н, но уверен, что не этим было вызвано мое нервное истощение. Дело было в нервном перенапряжении: взрыв неожиданной популярности в Австралии вынудил меня общаться с тысячами новых людей.

Я стал избегать всякого общества. На прогулке один вид идущего мне навстречу человека вызывал нервную дрожь.

Недавно я прочел биографию Эми Джонсон, которая пролетела по моему маршруту несколько месяцев спустя. Так вот, она прошла через те же муки; судя по тому, что говорили ей врачи, она была тогда на грани безумия. И я охотно верю этому.

Я решил засесть за книгу, надеясь таким путем избавиться от кошмаров. Выходил я только по ночам, чтобы размяться и прикатить домой несколько бочек морской воды для успокоительных ванн.

Оглядываясь назад с высоты своего опыта, я прихожу к убеждению, что поправился бы куда быстрее, если бы изо дня в день придерживался своего теперешнего режима. Но в те годы, когда время было так дорого, заниматься физическими упражнениями казалось смешным. Если бы молодость знала, если бы старость могла!

Тем не менее честолюбие мое не унималось. За полгода до своего двадцатидевятилетия я с головой ушел в подготовку к новому, куда более трудному перелету. Я задумал кругосветный полет, первым этапом которого был бы перелет через Тасманово море из Новой Зеландии в Австралию. В наши дни в этом полете нет ничего душещипательного». Вас просто перевозят по воздуху, как в автобусе. Для меня же этот перелет по трудности, опасности и радости борьбы остался навсегда величайшим приключением моей жизни.

Трудности были вкратце следующие: это была первая попытка «сольного полета» по данному маршруту, а значит, как во всяком новом деле, здесь вас подстерегала неизвестность. Само по себе расстояние не велико, примерно полпути через Атлантический океан между Ирландией и Ньюфаундлендом, но, учитывая возможности моего «Джипси Мота», оно было громадным. Я мог преодолеть его только в три прыжка; к счастью, на пути лежали два крошечных островка. Садиться, правда, на этих островах было негде, а просить о расчистке посадочной полосы не стоило даже пытаться — самолетов там никогда раньше не видели. Поэтому я решил превратить «Джипси Мот» в гидросамолет.

Да, но вначале нужно было научиться управлять им. Так как до меня никто не совершал еще столь дальнего одиночного перелета, мне предстояло решить, как я буду причаливать, заправляться и взлетать. Однако труднее всего было обнаружить в океане эти острова.

Радионавигационного оборудования еще не существовало, и я решил разработать собственную систему ориентировки по солнцу с помощью секстанта. Так еще никто не пытался вести самолет даже с экипажем (и, насколько я знаю, никто и после не пытался, потому что появились радиоприборы). Моя система должна была быть предельно точной: остров Лорд-Хау настолько мал, что я мог допустить отклонение всего в полградуса от места старта. Имея лишь девятичасовой запас горючего на восьмичасовой полет, я уже не смог бы вернуться или лететь куда-нибудь еще, если не найду своего острова.

Два года у меня ушло на подготовку к полету. В конце 1930 года, придя в отчаяние от множества встававших передо мной препятствий, я поставил в лесу палатку и прожил в ней две недели, отводя душу за рубкой леса. Так я изгонял из себя яд неверия в свои силы. Порой мне казалось, что трудности неодолимы. Было такое ощущение, будто на меня навели двустволку, и даже если удастся уклониться от первого выстрела, то второе дуло будет неотступно преследовать меня все время. Не выдержав напряжения, в начале 1931 года я свалился в постель. Любое, самое незначительное движение причиняло мучительную боль. Слезть с кровати я мог только ползком. Меня отправили в Оклендскую больницу, однако тамошние врачи не смогли объяснить причину моего недуга. Думается, таким странным образом природа заставила меня отдыхать...

Через несколько дней я вырвался из больницы, чтобы лететь. Навигационная система сработала отлично, и это было большой удачей, так как над островом Лорд-Хау гремел шторм, и я смог разглядеть его, только подойдя на пять миль. Могу сказать — я был счастлив. Более острых и захватывающих переживаний, чем при полете через Тасманово море, я до той поры не испытывал. Я был счастлив не только потому, что успешно сработала моя система, но и потому, что мне удалось в одиночку отремонтировать машину после того, как ее ночью потопил шторм в лагуне острова Лорд-Хау, пока я отсыпался на берегу.

Все обошлось как нельзя лучше, хотя были и маленькие неприятности: когда в Австралии машину поднимали из воды, крюком крана мне оторвало кончик пальца. Из Сиднея я продолжал полет на север, чтобы попытаться первым облететь вокруг света в одиночку.

Я прошел две тысячи миль, миновал Большой Барьерный риф, затем Новую Гвинею, Филиппины, Китай, направляясь к Японии. Там-то я и сделал злополучную остановку в прибрежной гавани.

Японцам в то время повсюду мерещились шпионы. Заподозрили они и меня. Они приказали мне сесть в этой крошечной рыбацкой гавани и только в ней. По северному краю гавани тянулись телефонные провода. Поднявшись на следующий день в воздух, я тут же врезался в эти провода. «Джипси Мот» отшвырнуло назад, вошедшие в фанерный корпус провода пружиной кинули самолет на стенку гавани. Зрелище, надо думать, было великолепное. Мне остается сожалеть, что я не видел всего этого с земли...

Придя в себя, я решил, что умер и уже нахожусь на том свете, ибо видел какие-то неземные красные сумерки. Объяснялось это очень просто: я смотрел на мир сквозь пелену крови. Позже на мне насчитали тринадцать ран и переломов.

Вновь для меня начались испытания на выдержку. Хотя я порядком устал, пока вел машину до Японии, но до полного нервного истощения меня, как мне казалось, довела сверхвежливость японцев, вереницей тянувшихся мимо моей больничной койки для того, чтобы выразить свое соболезнование.

Спустя полгода, уже в Англии, я все еще не мог ездить в поезде без того, чтобы поминутно не выглядывать из окна, дабы убедиться, что линия свободна и крушения не произойдет. А уж въезд в туннель был для меня сплошным кошмаром.

Мне повезло: в Японии я попал в руки опытнейшего врача. Но он не говорил по-английски, а я по-японски. Может быть, поэтому я не сознавал тогда, насколько серьезно поврежден у меня позвоночник. Боли периодически навещали меня впоследствии целых десять лет. Часто во время их я испытывал сильное желание, иногда переходившее просто в необходимость, стоять на голове. Я подавлял эти порывы, считая их эксцентричными. Но многие годы спустя, начав проделывать по утрам целый комплекс упражнений, я научился стоять на голове. Убежден, что именно благодаря этому и другим упражнениям для растяжения позвоночника я избавился, наконец, от болей.

В 1951 году я решил всерьез заняться глазами. У меня очень сильная близорукость и астигматизм. Для людей с нормальным зрением поясняю: посмотрите на мир сквозь мощное увеличительное стекло, и вы узнаете, что значит быть близоруким; если же на небе вы видите вместо одного несколько лунных серпов, наложенных друг на друга, — это астигматизм. Многим самым сокровенным моим мечтам не суждено было сбыться по причине плохого зрения. Из-за него я не попал на флот. В колледже Мальборо, где мне до жути хотелось играть в регби, меня выгоняли с поля. И, верно, поделом.

Потом я увлекся боксом и в девятнадцать лет хотел сделаться профессионалом. Но о какой карьере может мечтать боксер, если он не видит зрачков своего противника?

Позже плохое зрение чуть не погубило мои планы в авиации. В самом начале своей летной карьеры я получил права пилота-любителя с условием, что буду носить особые очки, предписанные министерством авиации. Потом я пытался получить права гражданского пилота, дающие право работать на коммерческих линиях. Но для их получения требовалось безукоризненное зрение. Только много позже, уже совершив одиночный перелет из Англии в Австралию, я в порядке исключения стал обладателем этих прав.

Итак, в 1951 году я решил исправить свое зрение. Перед этим я прочел несколько книг, в которых рекомендовались различные методы лечения глаз. Задача состояла в том, чтобы изменить диаметр глазного яблока (для исцеления близорукости) и его форму (для исцеления астигматизма). В течение пятнадцати месяцев я трижды в день проводил сеансы лечения. Они состояли в основном из упражнений для шеи. Кроме того, следовало много и часто моргать, брызгать себе в глаза холодной водой, напрягаясь, смотреть сквозь пелену близорукости и периодически давать глазам отдых, закрывая их руками. Напряжение было невероятным. Иногда мне казалось, что какую-то долю секунды я вижу хорошо, и сердце мое наполнялось надеждой.

Зимой следующего года я поехал кататься на лыжах без очков. Это была самая большая глупость в моей жизни. Я упал и сломал лодыжку. Проверив свое зрение у врача, я убедился, что астигматизм остался неизменным, а близорукость уменьшилась самую малость — с 4 до $3^1/_4$ диоптрий. Полный крах! На следующий же день я снова надел очки.

В 1953 году я вновь затосковал по штурвалу. На этот раз я решил заняться парусным спортом и, чтобы быстро приобрести необходимые навыки, сразу принял участие в океанских соревнованиях. Теперь, оглядываясь назад, я просто поражаюсь, каким потрясающе невежественным я был на первых порах. Мое знакомство с судовождением и морской навигацией ограничивалось опытом, полученным еще при полетах на гидросамолете. Учился я быстро и, чтобы усложнить себе жизнь, подобрал команду из людей, знавших морское дело не больше, а то и меньше моего.

Настало время для моей яхты «Джипси Мот-II» принять участие в гонках через Северное море. Один из членов нашего экипажа, хвалившийся своим опытом, действовал нам на нервы в продолжение всего плавания. Наконец он сделал что-то показавшееся мне особенно глупым, и я вышел из себя. В тот же момент я почувствовал, как у меня в желудке под ребрами точно огнем полыхнуло.

На обратном пути в Англию я ежеминутно корчился от боли. Теперь я был рад, что плыл с экипажем и мог отлежаться. Впрочем, я уверен, что, плыви я в одиночку, ничего подобного со мной не произошло бы [1].

В 1957 году я плавал на яхте уже четвертый сезон. Это был тяжелый для меня год бесконечных финансовых затруднений, к которым добавлялось напряжение соревнований. В этом сезоне я на «Джипси Мот-II» принимал участие в трех гонках королевского океанского яхт-клуба, а потом еще в четырех уже на яхте «Фигаро», принадлежавшей американцу Биллу Снайту. Но главное, с самого начала 1957 года я был занят постройкой новой яхты — «Джипси Мот-III».

Приходилось ломать голову не только над конструкцией, но и над тем, где добыть деньги и кому продать «Джипси Мот-II». Последней я посвящал каждый уикенд, стараясь привести ее в божеский вид после столь бурного сезона. Я работал не покладая рук. Нужно было, в частности, снять слой

[1] Проблему совместимости характеров в данном случае Чичестер решает однозначно — плыть в одиночку. Это, конечно, следует отнести за счет особенностей его нервной организации, на что указывает в своем послесловии профессор И. А. Кассирский. У других путешественников, наоборот, присутствие спутников, общение с друзьями было важнейшим фактором моральной поддержки. Достаточно вспомнить недавний коллективный эксперимент советских исследователей по длительному пребыванию в замкнутом гермообъеме или путешествие на папирусной лодке «Ра» экипажа Тура Хейердала. — *Прим. ред.*

старой краски на полу бака. Приходилось ползать на коленях, вдыхая пары сильного химикалия для удаления краски. Люк был закрыт из-за холода. Долгое время я считал, что эти пары сожгли мне легкие и что именно тогда у меня началась болезнь легких. Теперь я считаю, что отравил свой организм множеством отрицательных эмоций — отчаянием, горечью, страхом, волнениями и усталостью. Отсюда, как всегда у меня бывало, начались все функциональные заболевания. Я начал кашлять и уже не выходил из своей комнаты. Потом последовал плеврит, абсцесс в легком и пневмония. Вскоре мне сказали, что у меня рак, и предложили лечь в больницу для удаления легкого. Хирург считал, что оперировать уже поздно, но в этом моя последняя надежда.

Жена наотрез отказалась дать согласие на операцию. Она считала, что легкие мои настолько поражены болезнью, что я погибну под ножом.

Мне иногда кажется, что выражение глаз навещавших меня друзей не дало мне умереть. Они смотрели так, словно видели меня в последний раз.

Впоследствии мне часто говорили врачи и специалисты смежных профессий, что это был не рак, иначе я не вылечился бы. Я не авторитет в этих вопросах, но с трудом поверю, что девять опытнейших специалистов по легким могли ошибиться. Я своими глазами видел диагноз в истории болезни и своими ушами слышал, как при мне произносили приговор. Но я не впал в отчаяние, я верил в себя...

В 1960 году здоровье мое улучшилось настолько, что я мог взять старт в сложнейшей парусной гонке — в Первых трансатлантических соревнованиях одиночек [1]. «Джипси Мот» вышла победительницей. Но и без этого я был счастлив оказаться в своей стихии.

Через два года я принял участие во Вторых трансатлантических соревнованиях одиночек и пришел вторым, вслед за французом Эриком Табарли. Но в них уже не было того очарования. Делая что-то впервые, испытываешь удивительное, ни с чем не сравнимое чувство. Тогда, в 1960-м, путь казался опасным, полным неведомых препятствий. Но как только бывает пройден морской маршрут или совершен считавшийся ранее невозможным перелет, подобные вещи сразу же теряют остроту неизведанного.

В 1966 году я задумал новое большое дело. Я решил попробовать за кратчайший срок совершить в одиночку кругосветное плавание, обогнув три знаменитых мыса: Доброй Надежды, Лиуин (Австралия) и мыс Горн. В 50-х годах XIX века по этому пути шли клиперы, груженные золотом, а впоследствии шерстью и зерном, направляясь из Англии в Австралию и далее вокруг света обратно в Англию. Я задумал пройти этот путь довольно быстро, тягаясь в скорости со знаменитыми парусными клиперами. Только клиперы были суда водоизмещением в тысячу тонн и с ватерлинией в сто футов, а мое судно имело водоизмещение в десять тонн; их команда состояла из тридцати человек, а я был один на своей яхте. Я считал (и убежден в этом по сей день), что путь клиперов — самый рискованный в мире маршрут для небольшого судна.

Моей целью было пройти его в два этапа, пробыв в море по сто дней на каждом отрезке пути. Для этого мне предстояло пройти без остановок 14 100 миль вначале и 15 500 миль затем.

Я считал, что для достижения цели необходимо продумать все самым тщательным образом и построить яхту специальной конструкции. Я обдумывал это плавание три года, и мне казалось, я предусмотрел все мелочи. Но с того момента, как была спущена на воду моя новая яхта, все пошло кувырком. Яхта была настолько чувствительна, что, стоило подуть свежему бризу, она ложилась набок и мачта принимала горизонтальное положение. Пришлось добавить в киль еще тонну свинца. Но и после этого я боялся думать, что сделают с ней волны и шквальные ветры южных морей.

Но об отступлении не могло быть и речи. Однажды во время тренировок в море я поскользнулся на мокром стекле люка в центре палубы, потерял опору и грохнулся на бедро. Через четыре дня начались боли, и ступню у меня наполовину парализовало. Этот частичный паралич, или, если термин не точен, полное онемение, поражал попеременно то одну, то другую часть ступни. Я как мальчишка не пошел к доктору — боялся, что тот попытается задержать меня на берегу.

Я проделывал массу упражнений, стремясь вернуть ноге подвижность. Однако прошло больше года, прежде чем я вновь уверенно встал на ноги.

Едва ли не больше боли в ноге меня мучила необходимость достать 12 тысяч фунтов для уплаты за яхту. В результате все лето, которое я предполагал посвятить упорным тренировкам при разных погодных условиях, я вынужден был отдать сложным деловым операциям и выкручиваться из долгов.

Я начал плавание поэтому в гораздо худшей форме, чем предполагал. Несомненно, это сыграло свою роль в том, что я добрался до Сиднея измученным. Кроме того, я рассчитывал много заниматься стряпней во время пути, для чего взял с собой несколько книг по вегетарианской кулинарии. Благим намерениям не суждено было осуществиться. С «Джипси Мот» не так легко было управиться, яхта требовала намного больше времени, чем я отводил ей в своих планах. Если бы я просто катался в свое удовольствие, все было бы ничего, но в сложном переходе готовить изысканные блюда было сумасшествием. Мне стоило немалых усилий воли просто выпекать хлеб из непросеянной муки, что очень важно для питания. Необходимые белки я предполагал получать в рыбе, но для ловли у меня не оставалось времени. Ко всему прочему все взятые яйца испортились в самом начале плавания. Я взял с собой глюкозу для поднятия тонуса в тех случаях, когда потребуется затратить сразу много энергии, например если среди ночи вдруг начнется шторм. Препарат делал свое дело, но отбивал у меня аппетит, и я ел меньше, чем следовало. В результате я пребывал в полуистощенном состоянии.

К тому же меня доконали семь тяжелых дней пути у самого берега Австралии, где надо было идти против ветра и сильного южного течения, а автоматическое управление давно вышло из строя. Несколько ночей я почти совсем не спал — мешала близость берега. И наконец, какой там отдых, когда идешь к Сиднею в сопровождении флотилии из самых разнообразных судов и суденышек! Не удивительно, что я был измотан и походил на Мафусаила, когда, шатаясь, ступил на пристань в Сиднее.

Сейчас, когда я пишу эти строки, со времени моего кругосветного плавания прошел год. Все, что я пережил за этот год, подтверждает мысль, высказанную мною вначале: здоровье определяется главным образом душевным состоянием человека.

Когда я входил в Плимут, конечный пункт моего

---

[1] Подробнее о них мы писали в № 11 «Вокруг света» за 1968 год. Очерк Вэла Хауэлза «За кормой — одиночество». — *Прим. ред.*

путешествия, за плечами у меня было сто девятнадцать дней пути, почти четыре месяца полного одиночества. После такого длительного уединения присутствие даже одного человека ужасно утомительно. Увидев же на склонах Саунда тучи народу (по данным мэра Плимута, там было около полумиллиона человек), я подумал: «Боже, я разбил себе жизнь этим плаванием».

Действительно, через неделю, находясь на борту «Джипси Мот-IV», стоявшей на своем старом причале в Кремилле, я неожиданно почувствовал головокружение. Днем я отлежался, но вечером на обеде у адмирала сэра Фицроя Тальбо мне стало не по себе. Едва сев за стол, я почувствовал, что сейчас потеряю сознание. Я попросил у хозяйки разрешения незаметно удалиться, не нарушая вечера. Но меня уложили в кровать. Мне казалось, что мир уходит у меня из-под ног и я лечу в бесконечное пространство. Я решил, что умираю.

Очнулся я лежащим на полу, вокруг в полутьме сновали люди. Выяснилось, что у меня язва двенадцатиперстной кишки, и первое, что мне сделали в больнице, это влили в вены три четверти галлона новой крови. Хорошо, говорили доктора, что все это не случилось, когда я был один в море. Я же убежден, что в море ничего подобного со мной не произошло бы.

Я объясняю свою язву той громадной нагрузкой, которой стала для меня встреча со столькими новыми людьми и попытка понять их чувства и мысли. Это во-первых. А во-вторых (и это, может быть, главное), мне сразу же пришлось с головой заняться всеми финансовыми делами, поджидавшими меня на берегу во все время плавания.

Я провел четыре чудесных недели в больнице и чувствовал себя настолько хорошо, что прямо оттуда смог отправиться на «Джипси Мот-IV» в королевскую военно-морскую школу, где меня ожидала большая честь: королева возвела меня в рыцарское достоинство мечом самого Фрэнсиса Дрейка. Признаться, я порядком трусил. Чтобы побороть застенчивость, я пытался добиться раздвоения личности. Своему Я № 1 я приказал ничего не бояться и играть необходимую роль, а Я № 2 должен был следить, чтобы раб старался изо всех сил. Однако королева держалась очень свободно и, казалось, получала удовольствие от происходящего. Ко мне она отнеслась очень радушно и даже подсказала, что надо помахать в ответ на приветствия людей.

Потом в автомобилях мы проследовали по улицам Сити с лорд-мэром Лондона на другой большой прием. Снова грандиозное напряжение. А впереди были дела, работа над книгой и все тот же водоворот встреч и приемов.

Все это кончилось для меня очень печально: начались приступы астмы и злоключения с легкими. Если вы совершили кругосветное плавание, все думают, что вы здоровы как бык, и попробуйте объяснить, что в данный момент вы не в состоянии встать с постели! В конце концов мой доктор предписал мне строжайший режим, и лечение вместе с ежедневной зарядкой занимало у меня по три часа в день. На три месяца мне предписали прекратить все встречи, дела и общественную деятельность.

Прошел всего только месяц, и я почувствовал себя здоровым. Я начал думать над конструкцией следующей яхты «Джипси Мот-V», а это самый верный признак того, что очередной кризис позади.

Перевела с английского А. РЕЗНИКОВА

МЕХАНИЗМЫ МУЖЕСТВА

Комментарий академика АМН СССР профессора И. А. КАССИРСКОГО

Я с большим интересом прочел этот поучительный очерк Фрэнсиса Чичестера. Наш врачебный анализ приводит к такому заключению: знаменитый мореплаватель в личностном плане представляет собой весьма сложную натуру; у него крайне беспокойный, динамичный характер, острое влечение ко всему новому, захватывающему.

Такая острота влечений сопряжена с нервными реакциями. При этом в учетный орган человека — кору головного мозга — все время поступают болезненные сигналы. Человек, если его мозг перевозбужден, как бы постоянно чувствует свой организм и его боли, а при острых ситуациях эти ощущения усиливаются. Вместе с тем структура незаурядной личности Чичестера отличается необычайной инициативностью, стремлением преодолевать величайшие трудности, — например, в 65 лет переплыть одному океан...

Именно так, «в борьбе двух начал» — огромной воли и ощущения «сдачи тела» — протекает жизнь Чичестера. И самое замечательное то, что Чичестер каждый раз довершает свои масштабные замыслы.

На основе своего опыта Чичестер построил теорию волевого преодоления болезней организма. Как врач, я вначале подошел к ней скептически. Мне показалось, что Чичестер полагает возможным побеждать напряжением воли и органические болезни. Тут надо прямо сказать: таких чудес не бывает. Сколько бы мы ни напрягали свою волю, мы не можем победить воспаление легких, рак, болезни крови и т. п. Максимум, что может сделать больной, — сопротивляться упадку духа, поднять нервную регуляцию. Но разве это так уж мало — способствовать устойчивости сердечно-сосудистой деятельности, перенесению операции?

Уместно здесь подробней остановиться на значении воспитания воли, волевой выдержки, значении силы духа в борьбе с подчас драматическими ситуациями. Когда эти механизмы мобилизуются, человек подавляет силой корковых «шорных» механизмов все «темные», «немые» (термин И. М. Сеченова и К. М. Быкова) тяжкие ощущения — слабость, тупые боли, неуверенность, страх и расстроенные функции органов (сердцебиение, ощущение нехватки воздуха и пр.). И как результат — победа над мнимыми болезнями, победа над самим собой.

Ведь вообще способность организма к самовосстановлению, к самообновлению поистине не знает пределов! Если организм не истощен до крайности, по сути, сам стресс, когда он доходит до предела, вызывает мобилизацию истраченных функций, приводит к самовосстановлению. Мне об этом не раз красочно рассказывал, объясняя свою теорию регенерации мертвой роговицы, наш знаменитый офтальмолог В. П. Филатов. С ним и самим случались весьма поучительные истории. На Кавказе он поднялся

на высокую гору и вдруг — слабость, отказали ноги, холодный пот; в общем коллапс... Но именно в высшей точке этого коллапса пришло избавление: лицо покраснело, сердце стало биться сильно, мышцы обрели силу, и все прошло...

Уже давно многие ставят вопрос о возможности возникновения и устранения болевых ощущений под влиянием психического настроя. Сама возможность такого управления болью подмечена не только врачами, но и житейским наблюдением. На это, к примеру, указывает знаменитый философ И. Кант в своем трактате, озаглавленном: «О способности мужественного духа при помощи сублимации владеть своими болезненными ощущениями».

И. Кант, как известно, имел астеническую конституцию и отличался слабым здоровьем (к тому же у него была деформирована грудная клетка). Он часто жаловался на болезненные ощущения — отсюда его ипохондрия в детские и юношеские годы. Но в дальнейшем он огромным усилием воли научился не обращать внимания на болезненные ощущения («als ob mich gar nichts anginge» — «как будто со мной ничего не происходило») и смог переключиться на ту огромную умственную работу, которую он осуществлял.

«Никто не сомневается, — пишет он в своем трактате, — в том, что имеются воображаемые болезни и что некоторые люди больны не чем иным, как воображаемыми болезнями. Ничего нет более возможного и наилучшего, чем заставить себя вообразить, что ты здоров».

Кант усилием воли приучал себя не обращать внимания на жестокую боль при подагрических приступах, беспокоивших его до конца дней. Таким же приемом, что и Кант, пользовался и знаменитый математик Блез Паскаль, который для уничтожения мучительной зубной боли принимался тут же за решение труднейшей математической задачи. Очень хорошо подчеркнута роль подобных волевых импульсов в подавлении ощущений боли украинским писателем Ю. Яновским в книге «Всадники». Вот в кратком изложении эпизод из этой книги. Германские оккупанты и гетманцы арестовывают большевика-почтальона, знающего, где спрятано оружие для подготавливающегося восстания. И во время пыток ценою страшного напряжения воли он вырывает из памяти все, что знает.

«...Письмоносец же сидел безучастный и усилием воли изгонял понемногу из памяти те сведения, которых добивался от него капитан. Он забыл, что является членом подпольного комитета большевиков, что был на совещании, на котором назначили восстание на сегодняшнюю ночь. Он забыл место, куда закопал винтовку и пулемет, и это труднее всего было забыть и отодвинуть в такой укромный уголок памяти, чтобы никакая физическая боль не забралась сюда. Эта мысль об оружии покоилась бы там, как воспоминание далекого детства, озаряла бы и согревала его одинокую смерть и предсмертную последнюю боль».

На этом же принципе построено обезболивание родов или хирургической операции под гипнозом.

Чтобы читателю было понятно, какую огромную, решающую роль играет описанный механизм в функциональной мобилизации запасной энергии организма, приведем более простой пример.

Вот профессор, оратор, ученый должен выступить перед большой аудиторией. Он идет к кафедре и... не знает даже, что и как он скажет. Но вот он начал речь. На него смотрят сотни глаз, он ощущает аудиторию, жадно ловящую каждое его слово. Этого заряда достаточно. Привычные рефлексы вступают в силу. Речь полилась, мысли, научные данные складываются в порядок, в систему. О такой ситуации хорошо сказал Стендаль: «Без положительного заряда эмоций у меня нет мыслей».

Заканчивая, я хотел бы сказать следующее.

Очерк Чичестера произвел на меня сильное впечатление. Он раскрывает удивительные механизмы человеческого мужества, заставляет нас еще раз преклониться перед духовным богатством и величием духа такого человека, как Чичестер (о котором можно сказать, что он человек со слабым телом и — не будем скрывать — с неустойчивой и слабой нервной системой), восхититься упорством его борьбы за здоровье — духовное, психическое и физическое!

И. МОЖЕЙКО

СКОЛЬКО СТОИТ СУП?

Биография ремесла

Когда в Бангкоке подрядчики собираются на аукцион и вежливо, недобро улыбаясь, поднимают бат за батом цену на право владения маленькими островками у южного побережья Таиланда, сами островки пусты. Сезон еще не начался.

Серые и рыжие скалы, изъеденные пещерами и трещинами, обрываются круто в океан, редкие деревья и кусты, раскорячив ветви, балансируют над пропастями и прижимаются к тонким струям источников. Хижины, три-четыре на каждом острове, за полгода межсезонья почти разваливаются. Муссонные ливни ворошат крыши из пальмовых листьев и напитывают влагой столбы, помогая термитам подтачивать их. И только тучи каменных стрижей проносятся над волнами, разыскивая насекомых и всплывающие комочки водорослей.

Сезон начинается в марте.

Моторный баркас осторожно подбирается к предательскому берегу, прижимается к полусгнившим сходням. Спрыгнув на настил, сухие, жилистые люди сгружают мешки с рисом, бухты канатов, крючья... Потом, когда баркас уходит, увозя подрядчика к соседнему островку, они неспешно идут к часовенке, примостившейся у самого большого и крепкого дома на острове — у склада, и долго сидят на корточках перед статуэткой Будды, шепча молитвы.

На следующий день люди идут к пещерам. Каждый уголок, каждая трещина, каждый камень им хорошо известны. В каждой пещере погиб или искалечился кто-то из товарищей. Стрижи тоже узнают людей: они чиркают крыльями у самых глаз, кружатся, словно рассерженные осы.

Гнезд еще нет. Лишь кое-где, в самых недоступных местах, видны белые пятна — фундаменты.

Каменные стрижи, живущие у южного побережья Таиланда, строят, вернее, лепят свои гнезда из клейкого вещества, вырабатываемого двумя железами, расположенными у птиц под языком. Они как бы выплевывают вязкие комочки на стены или потолок пещеры, и через несколько дней такой работы пара стрижей сооружает округлое прочное гнездо размером с человеческий кулак. Вот эти гнезда и заставляют ежегодно приезжать на скалистые острова людей одной из самых редких и опасных профессий.

Говорят, что когда-то, много веков назад, в южные страны был отправлен посол китайского императора. Его угостили там супом из «ласточкиных гнезд», вкус которого показался послу настолько необыкновенным и изысканным, что он взял несколько гнезд с собой и собственноручно приготовил суп из них для императора. Император суп распробовал и сказал: «Еще». И слава о ласточкиных гнездах (а правильнее сказать — стрижиных гнездах) разлетелась по всему восточному миру.

Гнездам издавна приписывались качества не только вкусовые, но и целебные. Уверяли, что они могут соперничать с женьшенем — возвращают молодость, прибавляют силы и спасают от многих болезней. Уже в наши дни врачи произвели анализ ласточкиных гнезд и, как это часто бывает при изучении народных средств, обнаружили, что гнезда и в самом деле чрезвычайно полезны — в них содержатся кальций, йод, фосфор, протеины, витамины, и потому гнезда, хотя и не возвращают молодость, крайне полезны выздоравливающим после тяжелой болезни — для поднятия тонуса, для борьбы с малокровием. И несомненно, врачи с удовольствием прописывали бы их многим больным, не возникни при этом одно «но» — перед тем как гнездо прописать, его надо найти и достать с потолка пещеры на одном из маленьких тропических скалистых островов...

С утра сборщики обходят пещеры, заглядывают в трещины, следят, как идет строительство гнезд. И вот наступает день, когда старший сборщик говорит: «Пора!» Не сегодня-завтра птицы начнут откладывать яйца. Теперь надо спешить.

Пещеры на островах в основном вертикальны. Отверстие в своде такой пещеры похоже на горлышко кувшина. Сам кувшин врезан в тело скалы метров на пятьдесят, а то и больше, и до гнезд можно добраться лишь на длинной веревке.

В пещерах с широким «горлышком» удается поставить мостки, в остальных, чтобы срезать гнезда, сборщику приходится раскачиваться на веревке. Веревка обвязана вокруг пояса. Ощупывая руками стены, сборщик цепляется за любую неровность, любую трещину и буквально прилипает к стене, впиваясь в нее. Хрупкие гнезда крошатся под ножом. Уложив добычу в висящую на шее сумку, сборщик посвечивает фонариком — выискивает новые белые шары. Потом дергает веревку: «Перетащите!» И вновь повисает, раскачиваясь, над бездной. Труд сборщика гнезд весьма схож с трудом искателя жемчуга — только те спускаются на веревке под воду и там, на дне, срезают раковины и складывают их в мешок. В пещере же операция поставлена с ног на голову: гнезда висят над сборщиком.

Труд сборщиков настолько опасен и чреват смертельным риском, что они совсем не случайно превратились в крайне замкнутую, опутанную суевериями касту. Сборщики убеждены, что как бы предусмотрителен, ловок и умел ты ни был, но рано или поздно сорвешься, а в десятках метров внизу ждут острые камни. Женщины не имеют права появляться на островах — они могут принести несчастье. Солнечное затмение, упавшая ночью звезда, крик птицы — множество примет заставляют прерывать работу и ждать, пока судьба смилостивится и позволит вновь выйти на промысел. И всегда, каждый день, надо спешить, спешить... Завтра приедет подрядчик, а гнезда еще не собраны.

Если все обошлось благополучно, то через несколько дней работы гнезда срезаны, пещеры снова пусты, и лишь в панике мечутся над островом стрижи, ползают по стенам и потолкам пещер, ищут свои гнезда (каменные стрижи не могут сидеть на ветках — ноги у них такие, что они умеют передвигаться лишь по гладким поверхностям). Не найдя их, стрижи с не меньшим, чем в первый раз, рвением начинают строить новые гнезда. Птицы тоже спешат.

Вторые гнезда темнее первых, они уже не белоснежные, а розовые. Говорят, что птицы, не в силах выработать снова достаточно клейкой массы, разбавляют ее своей кровью (это, кстати, тоже поверье, бытующее среди сборщиков). Может, это и не так, но розовые гнезда ценятся у любителей выше, чем белые...

И в третий раз птицы строят гнезда, краснобурые, маленькие. И спешат отложить яйца — уже наступает май. Часть этих, третьих гнезд сборщики оставляют нетронутыми — ведь если собрать все, то через несколько лет не останется птиц.

Проходит май. Моторный баркас останавливается у острова, чтобы забрать последние гнезда и самих сборщиков. Быстро грузятся бухты канатов, мешки, крючья, пожитки. Если год был удачный и гнезд было много, то на деньги, оставшиеся после расплаты с хозяином, кое-как удастся дотянуть до следующего сезона. Если была засуха и гнезд мало — придется наниматься в кули. Стрижи, точками кружащиеся в небе, провожают баркас почти до самого берега.

А гнезда, обработанные, вычищенные, отправляются в рестораны и медицинские лавки. Они стоят больших денег, потому что, как говорят, возвращают молодость и дарят силу...

НЕПРИЯТНОСТИ НА КЛЕЮ

„Новый синтетический клей нашей фирмы — самый лучший в мире», — заявил мистер М. Бути. После этого мистер Бути взял напрокат из знаменитого лондонского музея восковых фигур мадам Тюссо историческую реликвию — старую гильотину, перерезал веревку, поддерживающую топор, и склеил ее «лучшим в мире» клеем. Потом положил голову на гильотину. И вдруг топор весом в двадцать пять килограммов полетел вниз и буквально чудом — что-то заело в гильотине-старушке — остановился в нескольких сантиметрах от шеи незадачливого пропагандиста.

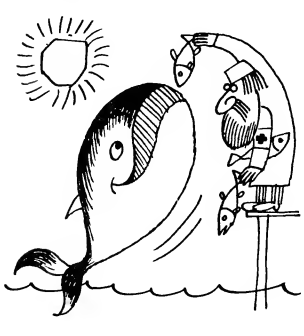
Увы, в данном случае нельзя сказать, что «пострадавший отделался легким испугом»: все происшествие ухитрились снять на кинопленку представители конкурирующей фирмы.

БЭЙТС НЕ СДАЕТСЯ

Члена Общества врагов громоотвода Герри Бэйтса, живущего в английском городе Дархэме по улице Мэйн-стрит, дом 13, постигла беда: в дом ударила молния. Пожар удалось потушить, и пожарники стали убеждать Бэйтса поставить, наконец, громоотвод.

Но стойкий враг громоотвода не сдался. Он пошел своим путем: отныне его адрес — Мэйн-стрит, дом 11а.

ТРИ ЭТАЖА ПОДСОЛНЕЧНИКА

Не правда ли, эта фотография похожа на кадр из фантастического фильма?

Тем не менее фантастики тут нет ни грамма. Зато много фантазии. Перед вами спроектированный швейцарским архитектором Ханзельманом трехэтажный дом, который вращается на своей оси. Так что всем восьми квартирам этого дома солнце, как сказал поэт, «разлито поровну, вернее, по справедливости».

ОДИН В ДВУХ ЛИЦАХ

Двух одинаковых имен в горном племени качинов в Северной Бирме не бывает. Правда, когда рождаются близнецы, им обоим дают одно и то же имя. Дело в том, что по качинским поверьям близнецы — это один человек в двух лицах. Когда детям исполняется девять лет, их подвергают испытанию. По три раза суют ребятишки руки в горлышко кувшина с рисом. Одна из рисинок окрашена в красный цвет. Тот из близнецов, который достанет красную рисинку, — настоящий. Ему и будет принадлежать имя.

А у менее удачливого братишки имени не будет. Его отныне будут звать «Второй». Просто «Второй». Без имени.

ГАРГАНТЮА, ПАНТАГРЮЭЛЬ И ШАРБОНЬЕ

Эти две скалы во французской провинции Бретань — вы их видите на снимке — были до последнего времени безымянными. Скалы было решено «окрестить». Провели конкурс, и лучшим признали предложение Луи Шарбонье, ресторатора из города Требёрден: скалы назвать Гаргантюа и Пантагрюэль.

А Гаргантюа и Пантагрюэль, как известно, не дураки были поесть. И мосье Шарбонье решил открыть поблизости ресторан. Не для Гаргантюа и Пантагрюэля. Для туристов.

КАК ЛЕЧИТЬ ЗУБАТОГО КИТА?

Очень трудно сделать укол. Поставить же горчичник практически невозможно. Можно накормить больного пилюлями. Но так как кита трудно убедить глотать пилюли, возникла идея прятать лекарство в макрелях, которых кит — и больной и здоровый — глотает с удовольствием. Вот так на калифорнийской океанологической станции Сан-Диего вылечили трех китов, подхвативших где-то гонконгский грипп.

ПОДГЛЯДЫВАТЬ ЧЕРЕЗ ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ?

Пожалуй, лишь в данном случае можно это делать, не испытывая укоров совести.

Замочная скважина — одна из римских достопримечательностей. Заглянуть в нее можно на Пьяцца-ди-Мальта, у давным-давно наглухо запертых ворот бывшей резиденции рыцарей Мальтийского ордена.

Через скважину — благо ключи в давние времена были не карманного размера — хорошо видна длинная прямая аллея и в конце ее силуэт собора святого Петра в совершенно необычном ракурсе.

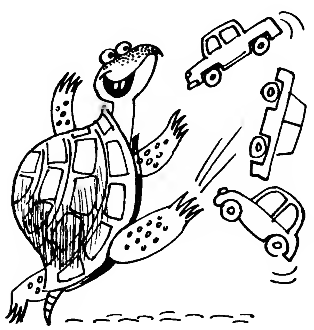
Неизвестно, специально ли мальтийские кавалеры поместили замочную скважину так, чтобы через нее открывался такой вид. Неизвестно и откуда узнали об этом тысячи туристов — о виде, который открывается через скважину, умалчивают путеводители. Тем не менее каждый день у бронзовых ворот на Пьяцца-ди-Мальта с утра выстраивается очередь желающих приникнуть оком к замочной скважине.

ТАРЗАН В ЗАПОВЕДНИКЕ

Загадочные явления стали происходить в южноафриканском заповеднике Парк Крюгер. Оставленные на стоянке у одной из гостиниц-бунгало малолитражные автомобили неизвестная сила переносила на другое место. Некоторые из них оказывались перевернутыми. Клиенты гостиниц, кипя от ярости, грозили «это дело так не оставить».

Дирекция парка взялась за выяснение, и через неделю преступник был найден. Им оказался Тарзан — гигантская черепаха, старожил заповедника. В поисках тени Тарзан забирался под машины, а когда солнце меняло положение и тень уходила, перебирался за ней... таща за собой малолитражку.

Преступник приговорен к ссылке в ту часть парка, куда машинам въезд запрещен.

ИРЛАНДСКИЙ ДЖИНН

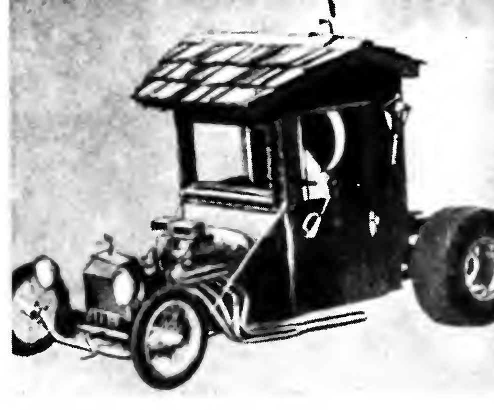
Лет двадцать назад ирландец Генри Томпсон, зубной врач, делавший в то время первые шаги на медицинском поприще, бросил в море бутылку, в которую вложил записку: «Обязуюсь бесплатно лечить зубы тому, в чьи руки попадет эта бутылка». «Неплохая будет реклама моему маленькому предприятию», — подумалось стоматологу. Прошлым летом почтальон вручил ему письмо из Норвегии, распечатав которое Томпсон с изумлением увидел собственную записку и визитную карточку нашедшего бутылку Кнута Олсена... зубного врача из Осло.

ОТКЛИКНИСЬ, РОВЕСНИК!

Восемьсот лет — такова сумма возрастов игроков футбольной команды, организованной в Осло. Самый младший в команде — семидесятилетний Юхан Ларсен, вратарь. Команду организовала «Норвежская ассоциация пенсионеров».

Раз есть команда, надо же ей с кем-то играть! Решено бросить вызов ровесникам в Копенгагене, Стокгольме и Хельсинки.

ВОДИТЕЛИ ДАЧНЫХ БЕСЕДОК

Еще не так давно любая колымага типа «Антилопы-Гну» приводила в священный трепет любого модника. Ныне «Антилопой-Гну» сноба, особенно английского, не возьмешь. Другое дело установленная на шасси старого автомобиля садовая беседка...

ОСТОРОЖНО, ЯГНЯТА!

Этот новый дорожный знак появился на шотландских дорогах. Он гласит: «Осторожно! Дорогу переходят ягнята!»

Для взрослых овец знака не вешают: большие сами за себя отвечать могут...

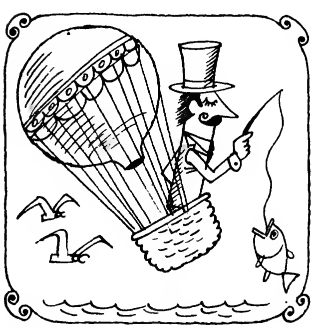
Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света", 1901 год

В ВОЗДУШНОМ ШАРЕ ЧЕРЕЗ МОРЕ

Переправы через моря и океаны испокон века совершаются на кораблях, слабая сторона которых заключается в их потопляемости. И вот современный человек, ободренный успехами своей техники, мечтает уже о том, чтобы перелетать через моря на воздушных шарах. В самом деле, моря и океаны обещают со временем сделаться своего рода обетованной землей для всяких воздухоплавательных опытов. Там есть где развернуться на свободе, там полное отсутствие препятствий, а потому ладья воздухоплавателя может оставаться над водою на любой высоте. Тут нет опасности зацепиться за что-нибудь и попортить те хрупкие приспособления, которые служат для управления шаром. Мало того, воздухоплаватель, несущийся над безграничной водной поверхностью, всегда имеет в своем распоряжении какое угодно количество жидкого балласта: стоит лишь зачерпнуть его опускным ведром. Если же с шаром случится несчастье и он начнет падать, то жидкость смягчит силу удара; воздухоплаватель имеет шансы на спасение, если его корзина легко превращается в лодку и если она снабжена аппаратами для медленного выделения масла, усмиряющего морское волнение. И в последнее время не было недостатка в попытках перелетать на воздушном шаре через обширные водные пространства. Большинство таких попыток заканчивалось пока неудачно.

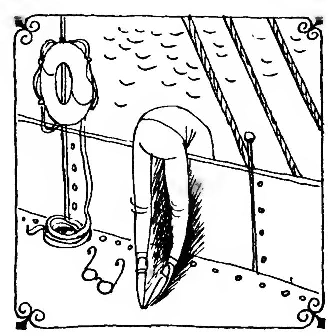

КОНГРЕСС ЧЕРНЫХ

Он заседал этим летом в Лондоне, носил название панафриканского и означает собою, что негры начинают ратовать за свои права не только в Соединенных Штатах, но и во многих уголках своей обширной африканской родины. Много докладов было прочитано неграми и негритянками, получившими высшее образование в Соединенных Штатах. Понятно, что на заседаниях панафриканского конгресса не присутствовал ни Сесиль Родс, ни кто-либо другой из «стаи славной» африканских гешефтмахеров! (Сесиль Родс — основатель английских колоний Родезия (названной по его имени), Ньясаленд и др. — *Прим. ред.*)

ОБЩЕСТВО ДЛЯ БОРЬБЫ С МОРСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Всякие бывают общества, и вышеназванное тоже имеет право на существование, и даже большее, чем, например, общество толстяков или старых холостяков. Сношения Европы с заморскими странами усиливаются с каждым днем, пароходная компания строит ежегодно исполинские пароходы самого усовершенствованного типа; скорость переездов увеличивается не по дням, а по часам и т. д. и т. п. Но все эти заботы пропадают даром, и многие люди не могут пускаться в море, потому что боятся морской болезни. В борьбе с этим злом современная наука все еще оказывается бессильной, и все предложенные до сих пор средства, включая сюда и розовые очки, рекомендованные путешественникам каким-то оригиналом, не избавляют человека от болезни, не столько опасной, сколько позорной. Вышеназванное общество намерено теперь установить более тесную связь между лицами, интересам которых морская болезнь наносит особенный вред.

КАНУН БАНКРОТСТВА

САКЁ КОМАЦУ

Фантастический рассказ

— Господин директор, что прикажете делать? — в трубке рыдал голос молодого бухгалтера. — Контора ломится от кредиторов. Просто яблоку негде упасть... Денег требуют. Пятеро сказали, что не уйдут до тех пор, пока не получат хоть сколько-нибудь... Кое-кто грозится привести банду рэкетиров и разнести контору...

— Ты откуда звонишь? — заволновался Маруяма. — Надеюсь, не из конторы?

— Да вы что! Попробуй я звонить из конторы, они бы меня растерзали в клочья: как же, знаю, где шеф, и скрываю от них!.. Я из соседней табачной лавки говорю...

— Н-да... — Маруяма задумался. — Скажи им: пусть приходят завтра. Завтра, мол, обязательно уплатим часть долга...

— Да как же я скажу? Мы ведь сколько раз обещали — завтра. Меня они и слушать не станут. Сами пришли бы и сказали, а то всё прячетесь...

— Я не прячусь. Мотаюсь по городу, стараюсь раздобыть деньги, неужели не понимаешь?.. — Маруяма замолчал и тоскливо оглядел дешевую чайную, где он сидел. — Ладно, сейчас приду, поговорю с ними сам.

Был конец года. Конец года всегда чреват неприятностями, но на этот раз пахло не неприятностями, а катастрофой. Никогда еще не было такого отчаянного, безнадежного положения. Количество банкротств среди мелких и средних предпринимателей достигло ужасающих размеров. Маленький металлообрабатывающий заводик «Маруяма и компания» ждал своего часа, неизбежного в этом циклоне банкротств. Даже крупные фирмы испытывали затруднения. Завтра он рухнет. Да, да — завтра. Сегодня только канун банкротства. А утром, когда предъявят к оплате многочисленные выданные им векселя...

Недолго просуществовал заводик. Маруяма создал его буквально по крохам. Только-только встал на ноги, и вот — конец... Жену и детей пришлось отправить к ее родителям, прокормить их он уже не мог. Рабочие работали из-под палки: еще бы, кому охота гнуть спину, если нет никакой уверенности в завтрашнем дне и хозяин вот уже несколько месяцев не выдает полностью зарплату?.. За последнее время Маруяма совсем исхудал, килограммов семь потерял, не меньше. Беготня в поисках денег и игра в прятки с кредиторами не проходят даром.

Рисунок В. КОЛТУНОВА

Не конец года, а начало кошмара: никто не принимает оборотные векселя, банки, специализировавшиеся на финансировании мелких и средних предприятий, все разом перестали давать кредиты. Даже у ростовщиков не достанешь денег. А осаждающие его контору кредиторы такие же мелкие предприниматели, как он. Бедняги... Получить с него деньги для них сейчас вопрос жизни и смерти...

Маруяма вообще никогда не отличался смелостью, а сейчас от этих мыслей ему стало и вовсе невмоготу. Собственная контора казалась уже не конторой, а геенной огненной. И он решился на отчаянную ложь. На ложь, которая даст отсрочку до завтрашнего дня.

— Привет, господа! — Собрав все свое мужество, он приветливо улыбнулся кредиторам. У них кровожадно блеснули глаза, как у изголодавшейся волчьей стаи, лишь только он переступил порог конторы. — Честное слово, мне очень жаль, что пришлось заставлять вас столько раз приходить сюда. Небось мозоли на ногах набили... Но теперь, к счастью, удалось кое-что уладить и...

— И что вы можете дать нам взамен наших мозолей? — резко сказал один, окидывая Маруяму недоверчивым взглядом. — Сколько уже раз вы обманывали нас подобным образом!

— Нет, нет, на этот раз без всякого обмана! — Маруяма безмятежно улыбнулся. — Свет не без добрых людей. Один очень уважаемый и — очень-очень! — обеспеченный человек обещал завтра после обеда одолжить мне порядочную сумму... Не стану врать, сумма не такая, чтобы я мог сразу и полностью расплатиться со всеми долгами, но хоть какую-то часть долга я верну каждому.

— Наличными?

— Разумеется, наличными! Да вы не сомневайтесь. Если хотите, сейчас позвоню ему, пусть сам подтвердит, — Маруяма протянул руку к телефону.

— Да нет, не стоит. Мы верим вам. Что ж, спасибо за старания. Благодаря вам не останемся на Новый год без риса...

Кредиторы поднялись, собираясь уходить.

— Так, значит, завтра после обеда? Это точно?

— Абсолютно точно. Приходите часа в три. Впрочем, чтобы вам не ждать, лучше в четыре.

Когда они ушли, бухгалтер спросил:

— Маруяма-сан, вы это всерьез?

— А то как же? Удалось кое-что раздобыть. Некоторую толику собрал. Не густо, конечно, но на первый платеж хватит... А ты иди домой, отдыхай. Хватит тут сидеть. Устал ведь до смерти, даже позеленел весь. Иди, иди...

Бухгалтер ушел домой. Оставшись один в опустевшей конторе, Маруяма задумался.

Канун банкротства... Завтра металлообрабатывающий заводик «Маруяма и компания» вылетит в трубу. Какое странное чувство!.. Остается еще ночь. Если бы что-нибудь сделать... Но... нет, ничего не придумаешь. Может быть, попробовать скрыться?..

Зазвонил телефон.

— Простите, напоминаем вам, что вы задержали плату за телефон уже на четыре дня, — голос кассира телефонной компании звучал сухо. — Если завтра не уплатите, с вашего позволения, отключим телефон.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, завтра обязательно уплачу...

Опять звонок. Один из держателей его векселей. Тех самых векселей, которые завтра станут ничего не значащими бумажками.

— Маруяма-сан, надеюсь, не подведете? Завтра мы подадим их к оплате, в банк...

Завтра... Завтра его здесь не будет. Нет, он не собирается кончать жизнь самоубийством. Придется скрыться. Родители жены, конечно, его примут. Будут пилить день и ночь и попрекать каждым куском, но все же не выгонят...

Вдруг по полу метнулось что-то серое. Крыса! Фу ты, гадость! Он сделал невольное движение и успел прижать ее хвост каблуком.

— Ой-ой-ой! Пусти-и-и! Больно! — взвизгнула крыса.

Маруяма вздрогнул от неожиданности и всмотрелся в удивительного говорящего зверя. Оказывается, это была не крыса, а какое-то диковинное существо такого же цвета и размера.

— Что это? — пробормотал Маруяма, покрываясь холодным потом. — Ты... ты кто?

— Да дьявол же, дьявол я! Неужели не понимаешь? — визжало существо. — Говорят тебе, больно! Отпусти!

— Ах, дьявол?! — заорал Маруяма, выходя из себя. — Вот уж правда: не везет так не везет! Мало мне своих печалей, что ли? А тут еще всякая нечисть развелась! Значит, это из-за тебя я должен обанкротиться?

В пылу гнева Маруяма хотел раздавить серую гадину, но дьявол взвыл:

— Пощади! Я исполню любое твое желание!

— Любое?! — Маруяма все никак не мог успокоиться, ярость бушевала в нем с силой цунами. — Только не трепись! Видали мы таких! Ишь ты — любое желание!

— Да я не вру, не вру! Попроси что-нибудь, и сам увидишь!

— Ну тогда сделай что-нибудь с завтрашним днем. Сегодня ведь канун моего банкротства... А завтра последний срок уплаты по векселям...

Маруяма подумал о завтрашнем дне, и его начала бить дрожь. Все мускулы расслабились. Дьявол улучил момент и выдернул хвост из-под каблука. Стремглав метнулся в угол, но прежде, чем юркнуть в дырку, обернулся и крикнул:

— Я сдержу слово! Сделаю что-нибудь с завтрашним днем!

— ...Господин директор, что прикажете делать? — В трубке рыдал голос молодого бухгалтера. — Контора ломится от кредиторов. Просто яблоку негде упасть... Денег требуют... Пятеро сказали, что не уйдут до тех пор, пока не получат хоть сколько-нибудь. Кое-кто грозится привести банду рэкетиров и разнести контору...

Маленькая грязная чайная. Маруяма побелевшими пальцами вцепился в телефонную трубку. В горле у него комок. Он на грани истерики...

Да, дьявол сдержал слово. Он обещал что-нибудь сделать с завтрашним днем. И сделал. Завтрашний день, день уплаты долгов, не наступил в жизни Маруямы.

Сегодня на календаре то же самое число, что и вчера, — канун банкротства. И завтра будет так же и послезавтра... И вся жизнь — канун банкротства...

Перевел с японского З. РАХИМ

ГОВОРИТЕ ЛИ ВЫ ПО-КАРИЙСКИ?

О том, как были расшифрованы карийские письмена, рассказывает известный советский лингвист, доктор филологических наук
В. В. ШЕВОРОШКИН

В 1841 году граф Луи де Сен-Ферреоль, человек богатый и известный в Париже как большой знаток и ценитель различных древностей, «с целью пополнения своих обширных коллекций» предпринял длительное путешествие по Египту. Интереснейшее открытие подкараулило его уже в первые дни: в маленькой антикварной лавке на одной из каирских улиц он отобрал несколько изящных статуэток — их возраст составлял не меньше двух тысяч лет. И на одной из статуэток Луи де Сен-Ферреоль вдруг обнаружил выбитые в несколько рядов какие-то письмена.

Они совершенно не были похожи на «классические» образцы египетских иероглифов, тайны которых в то время уже приоткрыл Жан-Франсуа Шампольон. Более того, де Сен-Ферреоль был достаточно сведущ, чтобы тут же, на месте, определить: письмена на статуэтке не были похожи ни на один из известных науке того времени образцов древнего письма, лишь некоторые из них отдаленно напоминали буквы греческого алфавита.

Статуэтка была выполнена явно египетским мастером (позже это подтвердили и специалисты-искусствоведы). Но почему надпись на ней сделана не иероглифами? Заинтригованный, увлекшийся, любитель древностей из Парижа продолжал свое путешествие по Египту теперь уже только с единственной целью — найти другие образцы этого письма.

И ему повезло снова. На юго-востоке Египта де Сен-Ферреоль обнаружил еще не замеченный археологами надгробный памятник — стелу, на которой встречались многие из знаков, уже виденных им на каирской статуэтке. Потом ученый открыл еще несколько статуэток с такими же «автографами». И наконец, к своему удивлению, он обнаружил их даже на стенах некоторых египетских храмов...

Так около ста двадцати лет назад состоялось первое знакомство европейской науки с письменами одного из древнейших языков земли.

Сам де Сен-Ферреоль, впрочем, об этом еще и не подозревал.

Но три года спустя еще несколько подобных надписей скопировал известный немецкий ученый Рихард Лепсиус — надписи были обнаружены на стенах египетского храма Абу-Симбел. Изучив эти новые находки, сопоставив их с находками, сделанными Луи де Сен-Ферреолем, Лепсиус выдвинул предположение — эти загадочные «автографы» оставлены в Египте... народом карийцев.

Карийцы? Лишь самые скудные обрывки сведений о них пронесли сквозь века сочинения историков древности. Было известно, по сути дела, лишь то, что этот народ жил когда-то на территории Малой Азии. Но откуда пришел он и куда ушел века спустя, это оставалось неизвестным. Геродот утверждал в своей «Истории», что карийцы имели сильный флот и не уступали в этом даже финикийцам, признанным мастерам кораблевождения в Средиземном море. Было известно, что карийские корабли не раз приставали к египетским берегам. Геродот утверждал и то, что многие карийцы из поколения в поколение служили наемниками в войсках соседних с Карией государств и всегда считались отличными солдатами. Карийские наемники были и в Египте. Последнее свидетельство древнего историка позволило Лепсиусу предположить: надписи, вероятно, сделаны карийскими солдатами, служившими в войсках египетских фараонов...

Но еще несколько десятков лет гипотеза так и оставалась гипотезой. Чтобы превратить гипотезу в строгий научный факт, надо было найти образцы подобных письмен и на территории самой древней Карии. (Первая из таких находок была сделана еще в 1811 году, однако надпись плохо сохранилась и почти не имела сходства с карийскими надписями из Египта. Историки о ней, по сути дела, забыли.) Археологические раскопки в Малой Азии тогда почти не производились. Зато все возрастало число надписей, найденных в Египте.

...К восьмидесятым годам XIX века ученым было известно уже больше ста «автографов», которые, как предполагал Лепсиус, были карийскими. И наконец, в научной печати промелькнуло сообщение о том, что несколько хорошо сохранившихся надписей, схожих с теми, что были открыты в

Египте, найдены и в самой Малой Азии. Там, где, по свидетельствам древних историков, жили карийцы.

Теперь можно было утверждать: гипотеза перестала быть только гипотезой.

Позже география находок образцов карийского письма расширилась еще больше. К надписям, найденным в Египте и в самой Карии, добавились надписи, обнаруженные в соседней с Карией Лидии, на некоторых средиземноморских островах. Известных науке образцов карийского письма вскоре стало так много, что, сравнивая их, ученые смогли вплотную взяться за расшифровку, пытаясь понять язык, замолчавший тысячи лет назад.

Первую попытку дешифровки карийского письма сделал известный английский востоковед Арчибальд Генри Сейс в 1885 году. Дешифровка Сейса основывалась на том, что некоторые знаки карийского письма отдаленно напоминали буквы греческого алфавита; он предположил, что и передавали они одни и те же звуки. Вскоре, как считал Сейс, он уже научился читать простейшие карийские надписи — собственные имена... Позже дешифровкой карийских надписей заинтересовались и другие исследователи. Несколько лет спустя уже многие ученые могли читать некоторые карийские надписи почти свободно. Проблема, казалось, была близка к разрешению. Но...

Вдруг выяснилось, что одни и те же карийские надписи различные дешифровщики с помощью разработанных ими методов читали совершенно по-разному. Одно и то же карийское имя, выбитое на надгробной плите, в их прочтении могло наделяться пятью совершенно различными звучаниями — Ссасаэ, Плоэаи, Пифсяэ, Риросехе, Нанаэ... Легкость оказалась обманчивой.

Дешифровка карийского языка надолго зашла в тупик. Письмена не удавалось прочесть до самого последнего времени...

Выясняя характер письма, исследователи, начиная с Сейса, рассуждали так: раз в карийских надписях насчитывается около шестидесяти различных знаков, характер письма — слоговой. На первый взгляд такое предположение казалось совершенно естественным — и в самом деле, невозможно представить, чтобы речь карийцев содержала шестьдесят различных звуков. Но различных слогов в речи, конечно, может быть даже в несколько раз больше. Отдельным знакам карийского письма ученые стали приписывать слоговые значения.

И все-таки... Несколько лет назад я рискнул предположить: не в этом ли именно крылась причина всех прежних неудач?! И, тщательно изучив большую часть карийских надписей, подметил один любопытный факт, ускользнувший, вероятно, от внимания исследователей, бравшихся за дешифровку прежде. Сравнение надписей, найденных в различных областях Средиземноморья, показало — написание некоторых букв в разных текстах заметно отличалось друг от друга, но, по многим признакам, это могли быть одни и те же буквы...

Произведя несложный подсчет, я получил новый интересный результат: оказалось, что ни один из образцов карийского письма не содержал больше тридцати знаков! Что это могло означать? Только то, что прежде исследователи принимали за число знаков карийского алфавита сумму всех его «разновидностей». Самих букв было не больше тридцати. Значит, письмо не слоговое, как думали раньше, а буквенное!

Это был первый шаг. После этого значительно легче уже оказалось разделить карийские буквы на гласные и согласные. О том, что в любом буквенном письме существуют и определенные закономерности чередования гласных и согласных, известно каждому. Известно и то, что гласных обычно меньше, чем согласных. И эту закономерность можно использовать даже в том случае, если исследователь имеет дело с текстом, написанным на неизвестном ему языке. Подсчитав, как часто встречаются в различных надписях те или иные буквы, учитывая их «окружения», если надписей много, можно в конце концов установить, какие из букв передают гласные звуки, а какие согласные...

Но это далеко еще не решало дела. Гораздо важнее было узнать, как читаются буквы, и сделать это мне помогли... древние греки. Помните знаменитый рассказ Эдгара По «Золотой жук», герои которого разгадали тайну старинной записки, состоящей из одних цифр? Узнать, какую букву передает каждая из цифр, им помог не очень сложный способ — было подсчитано, какие цифры встречались в записке чаще всего. Но ведь в любом языке, как известно, некоторые буквы тоже встречаются чаще других: можно было предположить, что наиболее «частая» цифра передает наиболее «частую» букву, вторая по «частоте» цифра — вторую букву и т. д. А определив хотя бы несколько букв, уже не так трудно браться за прочтение и всего зашифрованного текста. Схожий способ помог и мне. Дело в том, что, как установили исследователи, в греческих текстах сохранилось довольно много транскрипций карийских имен. Я подсчитал буквы в карийских именах греческих текстов и в карийских надписях. Можно было предположить, что буквы, встречавшиеся одинаково часто, передавали одни и те же звуки. Одинаково часто встречались, например, греческая альфа, передававшая звук «а», и карийская буква «А», греческая сигма (звук «с») и карийская «М»... А зная даже всего четыре или пять карийских букв и зная из греческих текстов, как произносятся карийские имена, можно было определять то, как произносятся и другие карийские буквы, входящие в эти имена, написанные по-карийски...

Так в карийских надписях были прочитаны собственные имена. А знание того, как произносятся буквы, сразу же позволило определить, к какому из типов древних языков следует отнести карийский. Во многих их надписях встречаются словосочетания, в которых второе и третье слово оканчивается на «ль». Между тем сходный суффикс «ли» есть и в давно известном исследователям лидийском языке.

Но лидийцы и карийцы были соседями. Не следует ли из этого, что и языки этих народов родственны? А лидийский язык родствен тоже уже изве-

стным ликийскому и хеттскому, все эти языки составляют так называемую хетто-лувийскую группу. Надписи можно было сравнивать! Сравнивать, определяя смысл отдельных карийских слов и даже целых предложений.

Известных слов становилось все больше и больше — теперь уже можно было прочитать первые простые надписи...

...И все-таки и сейчас еще загадка карийских надписей не раскрыта полностью. Есть надписи, которые можно прочитать, но нельзя пока перевести. Многие из дошедших до нас надписей крайне неразборчивы. Работа над полной расшифровкой языка древнего народа продлится, вероятно, еще не один год. Совсем недавно, например, я получил письмо от известного французского археолога Оливье Массона, сообщившего мне, что ему удалось обнаружить в Египте, в одном из древних хранилищ, очень большое число новых карийских надписей — более полных, чем те, что были известны науке прежде. И интересно применить новый метод расшифровки на них. Кроме того, по сути дела, никаких серьезных раскопок на территории самой Карии еще не велось. И возможно, именно там будут найдены наиболее полные и интересные тексты, которые, когда их прочтут, помогут историкам узнать о карийцах гораздо больше, чем известно сейчас.

Но и первые результаты дешифровки уже позволили историкам сделать важное предположение о прошлом карийского народа. Многие исследователи считали прежде, что родина карийцев лежит на каких-то островах Эгейского моря. Но теперь, раз установлено родство карийского языка с хетто-лувийскими, вряд ли можно усомниться в том, что судьбы карийцев неразрывно связаны с племенами, говорившими на этих языках. Как утверждает большая часть исследователей, предки хеттов пришли в Малую Азию не с моря, а с суши — с востока или севера. И теперь можно предположить, что этот же путь проделали когда-то и предки карийцев — народа, который сейчас заново начинает говорить...

ЗА БАБУШКИНЫМ ПРИДАНЫМ

В летние месяцы по стране разъезжаются и расходятся странные, на взгляд непосвященного, люди. Они оставляют в стороне большие города, ненадолго задерживаются в райцентрах и идут по проселкам и тропам от деревни к деревне. Их можно встретить в воскресные дни на ярмарках и базарах, но они ничего не покупают, а только фотографируют и записывают. Их привлекают шумные деревенские свадьбы, но и там они скорее работают, чем веселятся.

Эти люди — этнографы, сотрудники музеев, собиратели живой старины. Они должны найти и сохранить для истории культуры свидетельства уходящей жизни, творения народных мастеров.

На деревенской улице, у колодца или на пороге сельсовета обвешанные фотоаппаратами запыленные путники стараются, как принято у них говорить, собрать «первую информацию». Прежде всего выясняют, где в деревне наиболее старые дома, где живут старожилы, у кого в сундуках еще лежит бабушкино приданое...

И будь то на Севере или в Средней Азии, на Кавказе или в Поволжье — всюду разыгрываются почти одинаковые сцены. Сначала люди удивленно пожимают плечами, отмахиваются от вопросов («Дело-то у вас пустое»), а потом постепенно начинают вспоминать, рассказывать, советовать, к кому лучше пойти, с кем поговорить. Начинает раскручиваться тот волшебный клубок, который может привести собирателей к цели.

И они переходят из дома в дом, просят хозяев раскрыть деревянные сундуки, заглянуть в темную камору, пошарить на чердаке. Их полевые тетради и дневники заполняются записями обрядов и песен, услышанных на деревенских свадьбах и праздниках, описанием девичьих посиделок, проведенных за прялкой или ткацким станком. На фото- и кинопленках остаются улыбающиеся и серьезные старушки в давно забытых девичьих и женских нарядах, сосредоточенные старики, показывающие отцовское кремневое ружье или старую рыболовную снасть. А в адреса музеев идут посылки с собранными в «поле» вещами.

В музеях эти вещи начинают новую жизнь. К ним обращаются самые разные специалисты по самым различным поводам. Книга записи посетителей одного только отдела тканей Государственного Исторического музея в Москве является интереснейшим документом. В музей идут ученые-историки и студенты-гуманитарии. Первые — чтобы найти в вещественных памятниках подтверждение своим научным догадкам, вторые — чтобы собственными глазами увидеть трофейный шведский штандарт или мундир кутузовского солдата. Художники текстильных фабрик склоняются над русской набойкой и узбекским сюзане, стараясь глубже постичь их красоту. А модельеры удивляются современной линии гуцульского кожушка или нарядного рязанского шушпана, шитого из белого холста. Режиссеры театра и кино просят показать шляпы и зонтики, обивку кресел и бальные туалеты минувшего века.

И конечно, дети, любопытные, любознательные, которые приходят в музей стайками и прикладывают к стеклу носы, если там их что-то заинтересует. И на их вопросы, на будущие вопросы их детей тоже должна дать ответ сохраненная живая история народа, осязаемая, вещественная память.

Уже два года в отделе тканей Исторического музея открыта небольшая выставка, где собрана старинная одежда народов Поволжья. Тонкие чувашские вышивки, украшавшие рубашки и свадебные платки, бисерные, кружевного плетения, закрывающие всю грудь

праздничные воротники мордвы-мокши и тяжелые, с металлическими бляшками и черной шерстяной бахромой набедренные украшения — пулаи мордвы-эрзи. Красные коралловые снизки и серебряные монеты башкирского женского головного убора спорят по красоте с марийской сорокой, очелье которой сплошь покрыто древним и полным некогда магического смысла узором.

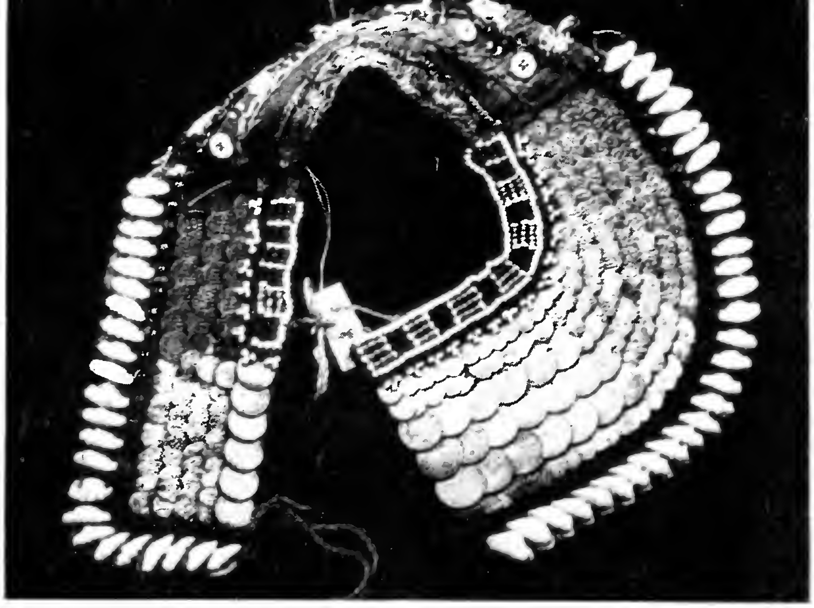
Белый холст (очень древний и излюбленный в Поволжье материал), вышивка цветной шерстью или шелком, монеты, бисер, раковины — вот с помощью чего чувашки и марийки, мордовки и удмурдки создавали свои красочные наряды.

Трудно даже представить себе, сколько труда вкладывалось в создание народной одежды, к примеру в мокшанские женские рубахи — панары (фото 2). Надо было вырастить коноплю, надергать стебли, просушить их, обмолотить, отмочить в воде, снова просушить в бане или на печке, размять мялкой, растолочь в ступе, растрепать трепалом, расчесать шкуркой ежа. А после спрясть пряжу, отбелить ее в воде с березовой золой или в кислом молоке, соткать холст и сшить рубаху. Летом надо было позаботиться о краске для шерстяной вышивки — набрать в лесу корней травы марены или дубовой коры, охры или орехового листа.

Больше всего любили в старину мокшанки темные шерстяные вышивки. Они покрывали рукава панара сплошным переплетением красно-синего коврового узора, все швы расшивали синей шерстью и с особым тщанием украшали вышивкой подол и небольшой разрез на нем. Носили рубашку обязательно с поясом, подбирая ее поясом высоко, часто выше колен. По праздникам привешивали к поясу и узкие полотенца, затканные цветными нитями, и кисти, обшитые галуном и бляшками, и длинные снизки белых раковин-каури (долгий путь проделывали раковины-каури, прежде чем попадали с берегов южных морей в лесные поволжские деревни). На груди рубахи скрепляли заколкой сюльгам, сделанной из медных пластин, черных и белых бусин, бляшек, подвешенных на цепочках, и бубенчиков...

Шла красавица по солнечной улице, бубенчики тонко звякали, бляшки сияли, горло охватывал, спускаясь на грудь, бисерный воротник — цифкс, и правдой были

Фото В. АРСЕНЬЕВА

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1 ЯНВАРЬ 1970

СОДЕРЖАНИЕ

На первой странице обложки: Человек в маске. Испытание гатескафа. Фото В. САККА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефон для справок 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 4/XI 1969 г. Подп. к печ. 11/XII 1969 г. А 01264.
Формат 84×108$^{1}/_{16}$. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 700 000 экз. Заказ 2241. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

слова свадебной песни: «Девушка-боярышня, белая березка... прямая береза — рост ее... в шесть рядов вышита рубашка ее, посеребрены головки лаптей ее...»

Древние суровые законы заставляли женщин после свадьбы старательно скрывать свои волосы. Девичья коса свивалась в узел и пряталась под головным убором — сорокой или панга, под сурпаном или шымакшем.

Естественно, женщинам хотелось чем-то заменить спрятанную красоту. Красочен «златной» головной убор мордовской женщины (фото на 3-й странице обложки). Такие уборы носила молодушка первые год-два после замужества. Очелье убора украшено полосой серебряного шитья, а позатылень — прекрасно подобранными по цвету и форме двумя овалами, расшитыми бисером, мишурной плетенкой, синими пуговицами, белыми раковинами, медными цепочками. По шее на спину спускался хвост, низанный бисером.

Марийские женщины носили совсем иные головные уборы. Они украшены одной только вышивкой, но и в них покоряет многообразие и тонкость узоров. Это тюрики, или шымакши, — небольшие прямоугольные куски холста, передок которых сшивался треугольником наподобие башлыка, а хвост свободно падал на спину. «Шымакшан ватэ», то есть женщины, носящие шымакш, стягивали волосы в пучок надо лбом или на темени (в зависимости от местной деревенской моды), вставляли в него берестяной конус и на него уже надевали шымакш. В давние времена весь шымакш покрывали сложной вышивкой, так что белого холста не было видно, а позднее стали украшать только хвост и остроконечный передок.

Марийские девушки и женщины надевали еще толстые кожаные воротники, плотно охватывающие шею. Все поле воротника они зашивали, как чешуей, мелкими монетками или бляшками из мягкого металла, а края — бисером, разноцветными пуговицами и раковинами-ужовками (фото 1). А девичья чувашская шапочка тухья...

Но стоп. Все равно обо всем, что поместилось в двух небольших комнатах музея, не расскажешь.

Сейчас на дворе зима, период отчетов о летних поездках. Наступает время снова взять карту и наметить новые маршруты.

О. ГОРДЕЕВА,
научный сотрудник Государственного Исторического музея

Лондон. Тауэр-бридж.

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА
СССР

Стратфорд, родина Шекспира.

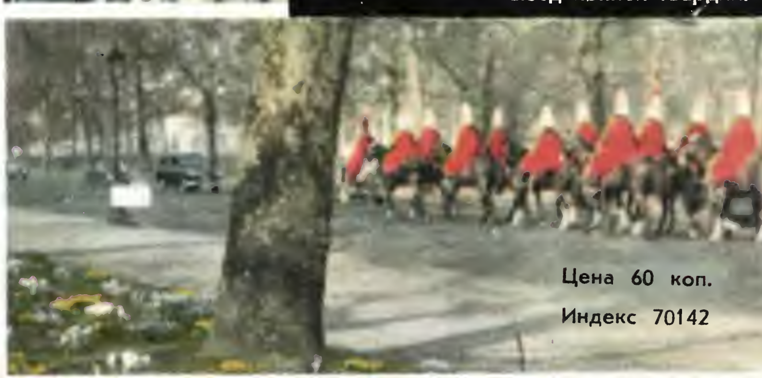
АНГЛИЯ

Современное административное здание.

Биг Бен.

Выезд конной гвардии.

Цена 60 коп.

Индекс 70142